РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

под редакцией
С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова
и Юлия Гессена.

I.

СОДЕРЖАНИЕ:

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова
и Юлия Гессена.

I.

ПЕТРОГРАД — МОСКВА
1923

Главлит. № 5145. Тираж: 4000.

Типография ар. Л. Я. Ганзбург, Мытнинская ул., д. № 11.

Иван Грозный в русской историографии.

В планы автора этой статьи вовсе не входит „историография" Грозного. Для подробного обзора всего того, что написано о Грозном историками и поэтами, потребна целая книга. Настоящий же этюд имеет целью установить некоторые факты в этой историографии, способные уяснить внутреннюю последовательность в развитии взглядов на Грозного нашей науки и литературы. От „Истории Российской" князя Михайлы Щербатова (1789 г.) до труда Р. Виппера „Иван Грозный" (1922 г.) понимание Грозного и его эпохи пережило ряд этапов и пришло к существенному успеху Можно сказать, что этот успех — одна из блестящих страниц в истории нашей науки, одна из решительных побед научного метода. Автор надеется, что последующие строки достаточно раскроют эту мысль.

Главная трудность изучения эпохи Грозного и его личного характера и значения не в том, что данная эпоха и ее центральное лицо сложны, а в том, что для этого изучения очень мало материала. Бури Смутного времени и знаменитый пожар Москвы 1626 года истребили московские архивы и вообще бумажную старину настолько, что события XVI века приходится изучать по случайным остаткам и обрывкам материала. Люди, непосвященные в условия исторической работы, вероятно, удивятся, если им сказать, что биография Грозного невозможна, что о нем самом мы знаем чрезвычайно мало. Биографии и характеристики Петра Великого и его отца царя Алексея возможны потому, что от этих интересных людей остались их рукописи: деловые бумаги, заметки, переписка, словом—их архив. От Грозного ничего такого не дошло. Мы не знаем его почерка, не имеем ни клочка бумаги, им самим написанного. Все старания известного археографа Н. П. Лихачева найти такой клочек и определить хотя бы строчку автографа Грозного не привели ни к чему. Осторожный исследователь ограничился тем, что опубликовал две кратких надписи, „не делая предположений" (как он выразился), но давая понять, что в одном из них он готов допустить факсимиле почерка Грозного [1]). Тексты тех литературных произведений, которые приписываются Грозному, дошли до нас

[1]) *Н. Лихачев.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина (СПб., 1893), стр. 60 и таблица IV.

в копиях, а не в автографах, и мы не можем восстановить в них точного авторского текста. Знаменитое „послание“ царя Иоанна ко князю Андрею Курбскому 1564 года имеется в двух редакциях и во многих списках с существенными разночтениями, и мы не знаем точно, какую редакцию и какое чтение надлежит считать подлинными. То же можно сказать и о всех прочих „сочинениях“ Грозного. Даже официальный документ, „Завещание“ Грозного (1572 г.)—не сохранилось в подлиннике, а напечатано с неполной и неисправной копии XVIII столетия. Если бы нашелся ученый скептик, который начал бы утверждать, что все „сочинения“ Грозного подложны, с ним было бы трудно спорить. Пришлось бы прибегать к внутренним доказательствам авторства Грозного, ибо документальным способом удостоверить его нельзя. Исключением является только переписка Грозного с одним из его любимцев Васильем Григорьевичем Грязным-Ильиным. Грязной попал в плен к крымским татарам, и по делу о выкупе Грозный „милостиво“ вступил с ним в переписку. Тексты писем царя и Грязного внесены были в свое время в официальную книгу „Крымских дел“ и потому могут рассматриваться, как документ, как точная заверенная копия переписки. Этим самым переписка царя с Грязным получает особенную историческую важность, правильно определенную последним ее исследователем П. А. Садиковым.

Если так обстоит дело с личными сочинениями и письмами Грозного, то немногим лучше положение и всего летописного материала того времени. Московское летописание в XVI веке стало делом официальным, и летописи поэтому сдержанны и тенденциозны. Казенные летописатели, пользуясь местными летописными записями, или обезличивали их, или же переделывали на свой лад. Излагая по-своему происходящие события, они держались строго правительственной точки зрения. Много следов мелочной переработки летописей, в духе Грозного царя, можно видеть в так называемом „лицевом своде“. В XIII томе „Полного Собрания Русских Летописей“ дано несколько снимков со страниц этого свода, переделанных и дополненных, повидимому, по указаниям самого Грозного. Понятно, что пользоваться такого рода источником историк должен крайне осмотрительно: иначе он станет жертвою одностороннего понимания событий. Но такая же опасность грозит ему и с другой стороны. Царь и его казенные летописцы излагали московские дела по-своему, но по-своему же их изображали и политические противники Грозного.

Пресловутый князь А. М. Курбский, убежавший от московского террора в Литву, там написал свою „Историю о великом князе Московском“. Это очень умный памфлет, направленный на обработку общественного мнения в Литве. В нем много ценного и точного исторического содержания, и потому все тенденциозные выходки Курбского против Грозного получают особую силу. Но все таки это памфлет, а не история, и верить его автору на слово нельзя.

Еще в большей степени пристрастны иностранные сказания о Грозном: их наиболее ярким образцом можно счесть „послание“

лифляндцев Таубе и Крузе о „великого князя Московского неслыханной тирании“. Даже сдержанный Флетчер, ученый англичанин, бывший в Москве лет пять спустя после кончины Грозного, не избег общего настроения: к памяти московского тирана он относится неспокойно, приписывая личной вине Грозного все неустройства московской жизни того времени.

Историк, вращаясь в круге подобных летописных известий и литературных сказаний, современных Грозному, должен ко всем данным своих источников относиться с сугубою осторожностью и учитывать возможность не только простой суб'ективности, но и страстной тенденции в каждом изучаемом памятнике. Для него нет твердой почвы и в произведениях тогдашней литературной письменности. Время жгучей борьбы, политической и социальной, налагало свою печать на все: литературный интерес современников Грозного был направлен на боевые темы переживаемого момента. Но младенческое состояние политической мысли не позволяло твердо и четко понять и обсудить эти темы, и в разного рода „беседах“, „посланиях“, „изветах“, „челобитных“ и „сказаниях“ того времени исследователь напрасно ищет определенных идей и программ. Он находит лишь смутный лепет и неясные намеки на действительность, намеки непонятные и испорченные к тому же невежеством переписчиков. Литература эпохи так же, как собственно исторические источники, дает историку очень мало не только толкований, но и просто об'ективных фактов для того, чтобы он сам мог создать толкование эпохи.

При таком состоянии исторического материала, конечно, невозможно составить серьезную, фактически полную биографию Грозного. Стоит дать себе труд припомнить, что̀ и за какие годы жизни Грозного знаем мы о нем. Такое припоминание покажет, что за целые ряды лет у нас нет лично о Грозном никаких данных. Так, например, о первых годах его жизни не имеется никаких сведений, кроме трех - четырех упоминаний в письмах (1530—1533 г.г.) его отца, великого князя Василия, к его матери Елене Васильевне. Великий князь был в от'езде и беспокоился о здоровье своего первенца, „что против пятницы Иван сын покрячел“: именно „у сына у Ивана явилося на шее под затылком место высоко да крепко“. Простой веред у малютки прошел благополучно, и затем до его 13-ти летнего возраста ни о его здоровьи, ни о его жизни вообще ничего неизвестно. В 1543 г. тринадцатилетний государь-сирота впервые показал свой нрав—арестовал одного из виднейших бояр, князя Андрея Шуйского, и „велел его предати псарем, и псари взяша и убиша его“. „И от тех мест (замечает летопись) начали бояре от государя страх имети“. До 1547 г., однако, ничего неизвестно о дальнейших поступках юноши-великого князя. В 1547 г. Грозный женился и сменил титул великого князя на титул царя. Затем до 1550 г. опять темный промежуток. В 1550 — 1552 годах Грозный законодательствует и воюет; в 1553 году болеет тяжелою болезнью и ссорится со своими боярами; и „от того времени бысть вражда промеж государя и людей“. Вторая половина 50-х годов опять темна:

о личной жизни Грозного не знаем, знаем кое-что лишь о его политике относительно Ливонии, о начале войны. В 1560 г. умерла первая жена Грозного; в нем самом совершилась какая-то перемена настроения. Дальнейшая эпоха полна рассказов о его зверствах, о терроре „опричнины“. Рассказывают почти исключительно иностранцы и Курбский. Русские источники молчат, ограничиваясь краткими замечаниями в роде того, что в 1574 г. „казнил царь на Москве, у Пречистой на площади в Кремле, многих бояр, архимандрита Чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского“. Но все эти рассказы и замечания противоречивы и мало определенны, датируются с трудом и возбуждают много недоумений, о которых можно читать и у Карамзина, и у позднейших историков. А документов мало: даже указ об учреждении опричнины не дошел до нас в подлинном виде. Ни точной хронологии, ни достоверного фактического рассказа о деятельности и личной жизни Грозного построить нельзя. Перед историком проходят целые вереницы лет без единого достоверного упоминания о самом Грозном. Какая „биография“ тут возможна? И где тот материал, на котором было бы можно построить правильную „характеристику“. В данных условиях мыслимы только догадки, более или менее вероподобные, более или менее соответствующие указаниям уцелевшего скудного материала.

Историк XVIII века князь М. М. Щербатов в своей „Истории Российской“, „прошед историю сего государя“, вынес впечатление, что Грозный „в толь разных видах представляется, что часто не единым человеком является“. Порабощенный противоречиями своих источников, историк перенес их на характер своего героя. Он не удержался от того, чтобы не об‘яснить эти противоречия путем догадок и умозаключений, и попытался указать некоторые личные свойства Грозного. Не без остроумия замечал он о Грозном, что „в ком самовластие, соединенное с робостью и низостью духа находится, в том обыкновенно оно производит следствия непомерной горячности, недоверчивости и сурового мщения“. Дальше этого Щербатов не шел. Указанные недостатки Грозного он противопоставил его „проницательному и дальновидному разуму“ и в этом видел внутреннее противоречие и двойственность характера Грозного. Суждение Щербатова отличается некоторою наивностью.

Тот же взгляд на Грозного, но с большим литературным искусством, выразил Карамзин в своей „Истории Государства Российского“. Подходя к описанию времени Грозного, Карамзин предвкушал прелесть предстоявшей темы: „Какой славный характер для исторической живописи!“ писал он Тургеневу о Грозном. Мрачная драма той эпохи казалась Карамзину литературно занимательной, и он изобразил ее с большим художественным эффектом. Но характера Грозного он не уловил так же, как Щербатов, хотя и пытался обнять его „умозрением“. „Не смотря на все умозрительные из‘яснения (писал он в своей „Истории“), характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка“.

Карамзин пытался раз‘яснить эту загадку, следуя тому толкованию Курбского, что Грозный всегда был умственно несамостоятелен и подчинялся посторонним влияниям. Он был добродетелен, когда „опирался на чету избранных—Сильвестра и Адашева“, и нравственно пал, когда приблизил к себе развратных любимцев. Он представлял в себе „смесь добра и зла“ и совмещал, казалось бы, несовместимые качества: „разум превосходный“, „редкую память“ с жестокостью „тигра“ и с „бесстыдным раболепством гнуснейшим похотям“. Постоянно ударяя в своих отзывах на противоречия природы Грозного, Карамзин однако не давал, так сказать, ключа к об‘яснению этих противоречий и оставлял неразгаданною свою „для ума загадку“. Образ несамостоятельного, подверженного влияниям монарха был бы целостным, еслибы Карамзин допустил в своем умозрении умственное ничтожество Грозного. Но он этого не мог допустить, ибо Грозный всегда ему являлся „призраком великого монарха“, „деятельным“, „неутомимым“ и „часто проницательным“...

„Загадка“ Карамзина была изложена им замечательно картинно и красноречиво. Эпоха Грозного ожила под его искусным пером и читалась с большим увлечением. Естественно было попытаться на материале, данном в „Истории“ Карамзина, построить более удачное и тонкое изображение личности Грозного, чем то, какое дал сам Карамзин. И такую попытку сделали московские славянофилы, обсуждавшие характер Грозного, повидимому, всем своим кружком. То, что созрело в их суждениях, было вынесено в печать К. Аксаковым и Ю. Самариным. Последний в своем труде о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче в нескольких словах дал указание, что „тайна (Иоанна) лежит в его собственном духе: чудно совмещались в нем живое сознание всех недостатков, пороков и порчи того века с каким-то бессилием и непостоянством воли“. Это „страшное противоречие“ в Грозном его умственного превосходства со слабостью воли есть основное его свойство, об‘ясняющее весь характер. Аксаков полнее судил о Грозном, стоя на той же точке зрения, как и Самарин. „Отсутствие воли и необузданная воля—это все равно“, говорит он по поводу Грозного, указывая, что „порча в Иоанне“ и его нравственное падение произошли тогда, когда он „сбросил с себя нравственную узду стыда“ и ударился в произвол, открыв дорогу дурным на себя влияниям. Ослабление воли в сочетании с силою острого ума—одно из основных свойств Грозного. Но столь же основною была и еще одна черта. „Иоанн IV был природа художественная в жизни“, говорит Аксаков. Образы и картины господствовали над душою Грозного, влекли его своею красотою, заставляли его осуществлять их в жизни, любоваться ими. Не трезвая мысль, а поиски красоты, „художественность“ владела Грозным и увлекала его к самым диким и к самым низким поступкам. Таким образом в Грозном „много было двигателей его духа“, осложнивших его духовную природу.

Эти попытки славянофильского кружка развить Карамзинский взгляд и сделать его более цельным положили начало длинному ряду

художественных воспроизведений характера Грозного. За славянофилами между прочим пошел Костомаров, обращавшийся к Грозному не один раз в своих популярных произведениях. За ними же следовал граф Алексей Толстой в „Князе Серебряном“ и „Смерти Иоанна Грозного“. Представление, созданное ими, стало ходячим. И когда Антокольский, Репин и Васнецов воплотили этот взгляд в определенную фигуру, всем стало казаться, что Грозный понятен и ясен, что в нем все доступно психологу и патологу. Чрезвычайная, утонченная жестокость Грозного, изменчивость его настроений, соединение острого ума с явною слабостью воли и склонностью подпадать посторонним влияниям— все эти усвоенные Грозному свойства манили к себе именно патологов,— и вот понемногу создалась значительная врачебная литература о Грозном. Она внимательно изучена и характеризована Н. П. Лихачевым [1]). Историку, обладающему научным критическим методом, вся эта литература кажется ненаучной, диагнозы—произвольными и построенными на смелых и совершенно беспочвенных догадках. Нет оснований верить медикам, когда они через триста лет по смерти пациента, по непроверенным слухам и мнениям, определяют у него „параноию“ (однопредметное помешательство), „дегенеративную психопатию“, „неистовое умопомешательство“ (mania furibunda), „бредовые идеи“ и в общем ведут нас к тому, чтобы признать Грозного больным и совершенно невменяемым человеком. Такой вывод—естественный финал для того научно-литературного направления, которое в изучении, эпохи Грозного ограничивает свой интерес центральною личностью и в характере лица ищет ключа к разумению исторического момента во всей его сложности. Человек вообще склонен об‘являть то, что ему непонятно, не имеющим смысла, и то, что ему кажется странным, считать за ненормальное. Отдавая дань этой человеческой слабости, Костомаров писал о Грозном, что „Грозный не был безусловно глуп“, тогда как современники почитали Грозного „мужем чудного разумения“; а медики сочли Грозного помешанным выродком, тогда как современные ему политики считали его крупной политической силой даже в самые последние годы его жизни. Здравый исторический метод ищет терпеливо разгадки того, что непонятно, и об‘яснения того, что странно, не решаясь на скорые бесповоротные заключения, а отыскивая новые пути к познанию явлений, не сразу поддающихся исследованию.

С правильным историческим методом впервые познакомили русскую публику представители так называемой „историко-юридической“ школы, и во главе их С. М. Соловьев. К деятельности Грозного он подошел со своею основною мыслью, что историческая жизнь русского народа представляет собою цельный процесс развития патриархального быта в государственные формы. Ему хотелось определить, какова роль Грозного в этом процессе. И Грозный представился Соловьеву положительным деятелем, носителем государственного „начала“ в жизни его народа и противником отживавшего уклада „удельно-вечевого“.

---

[1]) См. цитиров. сочинение, стр. 62 и след.

Задачи своего времени Грозный разумел лучше современных ему консерваторов; он стремился вперед, когда окружавшая его среда еще дышала старой традицией. У него была государственная программа и широкие политические цели. Нет нужды скрывать личные слабости, недостатки и пороки Грозного, но надо помнить, что не ими определяется его историческое значение. Внутренние реформы и внешняя политика Грозного делают его крупным историческим лицом, и иначе понимать его историк не может. Точка зрения Соловьева была принята всею его школой. Она была даже доведена до крайней, фальшивой идеализации Грозного в статье современника Соловьева К. Д. Кавелина, который представлял Грозного „великим", считал его предтечею Петра Великого и с сокрушением указывал на то, что Грозного погубила его среда — „тупая", „бессмысленная", „равнодушная и безучастная", лишенная „всяких духовных интересов". „Великие замыслы" Грозного были извращены в бесплодной борьбе с этою средою, и сам он пал морально от своей роковой неудачи. Конечно, гиперболы Кавелина не были усвоены всею школою историков-юристов, но мысль о том, что можно сопоставлять Грозного с Петром Великим получила дальнейшее развитие. К. Н. Бестужев-Рюмин в обстоятельной статье „Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Ивана Грозного" решительно предложил это сопоставление и провел параллель между „двумя нашими великими историческими лицами: Петром Великим и Иоанном Васильевичем Грозным". По представлению Бестужева - Рюмина это — „два человека с одинаковым характером, с одинаковыми целями, с одинакими почти средствами для достижения их". Главное различие в том, что один успел в своих стремлениях, а другой не успел. На внешней политике обоих строит Бестужев свою параллель и главным образом на стремлении их к Балтийскому морю. Личные свойства и пороки Грозного мало занимают Бестужева, как и других историков этого направления: об этих свойствах надлежит упомянуть, но не должно на них строить изображение эпохи и оценку ее центрального лица.

Так к 80-м годам прошедшего столетия определились два способа отношения к Грозному, две манеры его оценок. Дальнейшее развитие историографии не упразднило ни одной из них, но очевидно дало торжество той, которая, пренебрегая целями личной характеристики, стремилась оценить Грозного, как деятеля, как политическую силу.

Научный метод историко-юридической школы оказал могучее влияние на развитие науки русской истории. Труды русских историков стали расти и количественно, и качественно. Началась деятельная разработка архивных материалов, главным образом эпохи Московского государства. В последние десятилетия XIX века и в начале XX-го был поставлен и научно разработан ряд тем, относящихся в частности ко времени Ивана Грозного. Темы эти ставились совершенно независимо от личных оценок самого Грозного. Они имели целью проникнуть в разумение правительственного механизма и общественного строя Москвы XVI века и создать ясное представление о том внутреннем

кризисе, какой переживало тогда Великорусье в глубинах народной жизни. Успех этой научной работы был очень велик. Были изучены главные исторические источники эпохи — летописные своды, писцовый материал и актовый материал, уцелевший от пожаров и иных катастроф. Обозначилась постепенность и выяснились взаимная связь и результаты пресловутых „земских реформ“ 1550-х годов. Вскрыта была финансовая система московского правительства XVI века. Определен был истинный характер опричнины. Была изучена деятельность московской власти по обороне южных границ государства в связи с колонизацией „дикого поля“. Стали ясны состав, устройство и быт служилого класса. Выяснено было многое в процессе прикрепления крестьянства и в развитии различных видов холопства. Раскрылся в своих истинных размерах разброд населения и его последствие— запустение государственного центра. С другой стороны был изучен „Балтийский вопрос“ и все перипетии международной борьбы за Ливонию и Финское побережье. Историческое содержание эпохи стало настолько полнее и определеннее, что можно сказать, все построение истории Ивана Грозного надлежало ставить заново. Можно удивляться тому громадному различию, какое на пространстве всего лишь одного поколения оказалось в университетском изложении этой эпохи. Как мало мог дать слушателям лектор конца (или, точнее, 70-х и 80-х годов) XIX века об Иване Грозном, можно видеть в „Русской истории“ К. Н. Бестужева-Рюмина, который был для своего времени первоклассным профессором. Как сравнительно много дается теперь, можно видеть из любого профессорского учебника русской истории и, конечно, из „Курса“ В. О. Ключевского. Эпоха наполнилась новым и богатым содержанием,—и это не могло не отразиться на понимании самого Грозного, его личной роли, его личных сил.

Теперь нет ни малейшего сомнения в том, что Грозный принадлежал к числу образованнейших людей своего века, получив свои знания и образовав умственные интересы в кружке митрополита Макария. Нет сомнения в том, что реформы 50-х годов XVI века представляли собою систему мероприятий, охвативших многие стороны московской жизни: местное управление в связи с различными формами самоуправления и с упорядочением служилого класса и поместного землевладения; податную организацию в связи с лучшим обеспечением служилых людей и с улучшением самой их службы; военное устройство, церковно-общественную жизнь, книжное дело и многое другое. Нет теперь спора о том, что Ливонская война Грозного была своевременным вмешательством Москвы в первостепенной важности международную борьбу за право пользования морскими путями Балтики. Упразднился старый взгляд на опричнину, как на бессмысленную затею полоумного тирана. В ней видят применение к крупной земельной московской аристократии того „вывода“, который московская власть обычно применяла к командующим классам покоренных земель. Вывод крупных землевладельцев с их „вотчин“ сопровождался дроблением их владений и передачей земли в условное пользование мелкого служилого люда. Этим уничтожа-

лась старая знать и укреплялся новый социальный слой „детей боярских“, опричных слуг великого государя. Обнаружилась, далее, любопытная и важная черта в деятельности московского правительства в самую мрачную и темную пору жизни Грозного — в годы его политических неудач и внутреннего террора. Это — забота об укреплении южной границы государства и заселении „дикого поля“. Под давлением многих причин правительство Грозного начало ряд согласованных мер по обороне своей южной окраины и, как всегда, проявило широкий почин, деловую энергию и уменье согласовать усилия администрации с содействием земских сил. Вместо старых представлений о последних годах жизни Грозного, как о времени унылого бездействия и безумной жестокости, пред историками развернулась картина обычной для Грозного широкой деятельности. Наконец, выяснение причин и проявлений социального кризиса, вызвавшего опустошение московского центра к 80-м годам XVI века, сняло лично с Грозного обвинение в том, что он по своей будто бы трусости и ничтожеству дал торжествовать над собою талантливому врагу Стефану Баторию. Выяснилось, что быстро развернувшийся кризис лишил Грозного всяких средств для продолжения борьбы и что личное воздействие на ход событий вряд ли здесь допустимо.

Словом, всякий частичный успех в исследовании эпохи вел к тому, что личность Грозного, как политика и правителя, выростала и вопрос о его личных свойствах и недостатках терял свою важность для общей характеристики его времени. Изучение правительственной деятельности Грозного развернуло перед историками широкую и сложную картину с одними и теми же чертами для начала и для конца царствования Грозного. Вокруг Грозного менялись лица и могли меняться их влияния, сам Грозный мог жить добродетельно или порочно,—все равно свойства московской политики оставались при нем одинаковыми. Это была политика большого размаха, отмеченная всегда отважным почином, широтою замыслов и энергией выполнения задуманных мер. Очевидно, что эти черты вносились в жизнь самим Грозным; они не приходили с Сильвестром и не уходили с Басмановым и Малютой Скуратовым. И Грозный во втором периоде своих реформ, в опричнинской ломке аграрно-классового строя, совершенно тот же, как и в первом периоде церковно-земских преобразований. Он— крупная политическая сила.

Именно это впечатление выростает в каждом, кто знакомится с новыми исследованиями по истории русского XVI века во всей их совокупности. С таким именно впечатлением приступил к своему труду об Иване Грозном и последний его историк проф. Р. Ю. Виппер. Но, воспользовавшись всем тем, что дала ему новая русская историография, он со своей стороны внес и нечто свое. Он дал в начале своего труда общую характеристику „XVI-го века“, как поворотного момента в вековой борьбе „кочевой Азии“ и „европейцев“, момента, когда успех в мировой борьбе стал переходить на сторону последних. С этой всемирно-исторической точки зрения проф. Виппер представил оценку

как московской политики XVI века, так в частности и самого Грозного. „Среди нового политического мира Европы (говорит он) московскому правительству приходилось развернуть не только военно-административные таланты, но также мастерство в кабинетной борьбе. Грозный царь, его сотрудники и ученики с достоинством выдержали свою трудную роль“. Следя за деятельностью Москвы XVI века в связи с общим ходом политической жизни Европы и Азии, наш автор не скупится на похвалы русскому политическому и военному искусству того времени и смотрит на Грозного, как на крупнейшего исторического деятеля. Книгу проф. Виппера можно назвать не только апологией Грозного, но его апофеозом. Выведенный из рамок национальной истории на всемирную арену, Грозный показался и на ней весьма крупным деятелем.

Таково последнее слово нашей исторической литературы о Грозном. Думаем, что оно навсегда упразднило возможность презрительного отношения к личности Грозного. Но оно перетянуло весы в другую сторону, и дальнейшая задача науки—найти точное равновесие между крайностями суб‘ективных мнений.

С. Ф. Платонов.

Декабристы.

I.

История декабристов, поскольку речь может сейчас итти о фактических обстоятельствах и подробностях ее, может считаться, особенно после трудов В. И. Семевского, разработанной так хорошо, как сравнительно немногие вопросы русского исторического прошлого. И тем не менее чувствуется здесь потребность в окончательном синтезе, в цельном и законченном построении на достаточно широкой и глубокой научной базе. Особенно необходим социальный анализ декабризма, классовая группировка. Посильная попытка в этом смысле и направлении и составляет задачу предлагаемого очерка.

Тайные общества и заговор декабристов были совершенно естественным результатом того надлома, какой начался в России 20-х годов 19 века. Сохранение общей атмосферы крепостного хозяйства слишком противоречило экономическим новшествам, которые заводились передовыми помещиками и насаждались фабрикантами нового типа. Заметные трещины пошли и по старому зданию социальных отношений и намечали тенденцию к новизне, которой не могло чуждаться все живое, свежее, молодое, здоровое в среде того же дворянства. Изсякновение государственного творчества старого порядка в России и необходимость пойти по новому буржуазному пути, по которому и делались уже первые шаги, — все это бросалось в глаза тем, кто умел смотреть и видеть. В духовной культуре обыденная пошлость, лицемерие, мракобесие, „глупость, чванство и низость“, понятные даже Ростопчину, не могли не вызывать протеста. Основа для революционных настроений была таким образом дана самой русской жизнью, независимо от иностранных влияний. Но, конечно, и они — эти иностранные влияния — наложили свою печать, довершили, закончили то, что намечалось и начиналось дома, на родине. Вернувшимся из заграничного похода офицерам „было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед“: они „ушли от них на 100 лет вперед“. „Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой службы?“ [1]).

---

[1]) Записки *И. Д. Якушкина.* — *М. Фон-Визин,* „Обозрение проявлений политической жизни в России“ — в сборнике „Общественные движения в России в первую половину XIX века“, т. I (Пбург, 1905 г.), стр. 183.

Все, что было живого в дворянском обществе, что таило в себе зародыши и ростки будущего, вступило на иной путь, подчинилось новому настроению, преисполнилось новых идей. Двенадцатый год дал всему этому сильный толчок, ускорил эволюцию, элементы которой намечались ранее. Основную черту этого нового настроения составляли сознание огромного значения самодеятельности общества, народа и связанное с тем высоко развитое, сильно напряженное чувство собственного достоинства. Война 1812 года „пробудила и высоко подняла сознание народного достоинства, а вместе с тем, с другой стороны, допущенное по необходимости и неизбежное свободное обсуждение обстоятельств, которые привели и сопровождали эту войну, раскрыло целый ряд ошибочных действий правительства, от гибельных последствий которых, по тогдашним суждениям и убеждениям, Россия избавилась тогда самостоятельным действием и доблестью народа, независимо от правительства и даже как бы вопреки ему“ [2]). 1812—1814 годы „необыкновенно возвысили дух наших войск и особенно молодых офицеров. В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни среди беспрестанных опасностей они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью. В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 году в Петербург... В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими заграницею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине: рабство огромного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол,— все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство“ [3]).

Отсюда критическое, сатирическое отношение к окружающей русской политической действительности, столь ярко выразившееся в появлении произведений в роде „Русского Жильблаза“ и „Трумфа“, где беспощадно осмеивались и император, и высшие государственные учреждения, и негласные советники (г-жа Крюденер). Отсюда и демонстрации в роде торжественных похорон рядового, скромного по положению офицера Чернова, убитого на дуэли аристократом Новосильцовым. Отсюда страстная жажда образования, преимущественно изучения политических и общественных наук. Современники и участники этого замечательного общественного движения оставили нам ряд удивительно ярких свидетельств о массовом самопросветительстве передовой дворянской молодежи того времени. „Все предалось учению и серьезным разговорам“ [4]). Гвардейские офицеры по возвращении

[2]) Записки декабриста *Д. И. Завалишина,* стр. 104.
[3]) *Фон-Визин,* стр. 182—183.
[4]) Записки декабриста *Д. И. Завалишина,* стр. 105, 120.

из Парижа „много читали, стали в полках заводить библиотеки, появились книги: „La philosophie de Weiss“, сочинения Франклина, Филанджиери, политическая экономия Сэя. Жадное до образования юношество толпилось в залах на публичных курсах... Часто собирались в Измайловском полку на квартире Капниста, где рассуждали о современных вопросах, читали стихи молодого Пушкина..., „Полярную Звезду“ Бестужева [5]). „В то время многие офицеры гвардии и генерального штаба со страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты, в которых так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах. Изучая смелые политические системы и теории, весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве“ [6]). Между декабристами по своей огромной начитанности, образованию и развитию, из ряда вон выдавались Пестель и Тургенев. Но если даже не принимать во внимание их, как явления, совершенно исключительные, то оказывается, что весьма многие декабристы были знакомы с наиболее выдающимися писателями Западной Европы: читали древних авторов, особенно Плутарха, сочинения Монтескье, Филанджиери, де-Лольмо (об английской конституции), Бентама, Бенжамена Констана, Дэтю-де-Траси, г-жи Сталь, Беккариа, Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Рейналя, Вейсса, Адама Смита, Сэя, Байрона, Немцевича. Из русских читали „Естественное право“ Куницына, учились ненавидеть деспотизм, изучая царствование Иоанна Грозного по IX тому „Истории“ Карамзина, восторгались некоторыми изданными и ходившими в рукописях стихотворениями Пушкина и Рылеева, учились финансам по „Опыту теории налогов“ Н. Тургенева, читали „Горе от ума“, „Путешествие“ Радищева и проч. Н. Бестужев интересовался нидерландской конституцией 1815 года, Н. Тургенев читал баденскую конституцию и радовался конституции в Испании. Большое впечатление на некоторых декабристов производила борьба за освобождение Греции. Из русской истории вспоминали о вече, земских соборах, екатерининской комиссии 1767 года, конституционных планах Никиты Панина, плане государственных преобразований Сперанского. Огромное впечатление производила польская конституция и речь Александра I при открытии первого польского сейма в Варшаве. Некоторые из декабристов знакомы были с итальянским карбонаризмом, причем, повидимому, главное влияние здесь оказывали карбонарии французской Швейцарии или Франции [7]).

Так чувство общественного и личного достоинства привело к критике существующего, критика дала толчок к самообразованию, а самообразование привело к сознательному свободолюбию в политическом

---

[5]) Из записок декабриста *Н. И. Лорера*, „Рус. Богатство“, 1904 г., № 3, стр. 60, 68.

[6]) *Фон-Визин*, стр. 185.

[7]) *Семевский*, Полит. и обществ. идеи декабристов, стр. 209 и сл., 230—231, 239 240, 244, 254, 258—261, 262—264, 271—273, 278, 377.

отношении. „Политическое рабство возбуждало негодование“ [8]). Так возник и сложился конституционализм декабристов.

Но общественное возбуждение, вызванное войной 1812 года и последующими событиями, вышло далеко за пределы группы передовой молодежи. Оно отразилось в разной мере, в большей или меньшей степени, на более широких кругах дворянского общества. Васильчиковы и Остерман, в домах которых тогда часто бывал будущий декабрист Завалишин, вовсе не были ни либералами, ни конституционалистами и никогда не примыкали к тайному обществу. Однако, у Васильчиковых говорили об Аракчееве и внутренней политике, а у Остермана получались все известные иностранные журналы и газеты, и, кроме политики внутренней, осуждалась и наша внешняя политика, оскорблявшая народное чувство унижением России на степень бессознательного орудия Меттерниха. „Борьба общественного мнения с Бурбонами во Франции, восстания в Испании, Португалии, Италии, вредное вмешательство России в дела Германии, смерть Коцебу и проч. затронули все политические вопросы, толки о них шли везде“ [9]). Не говоря уже о русских либералах и шеллингианцах, стало возможным появление в окончательно сложившемся виде таких оригинальных личностей, как Яков Иванович Сабуров, сначала байронист, „избалованный светским воспитанием и легкими успехами“, потом отставной гвардейский гусар, бросивший службу и светский блеск для чтения книг и изучения русской жизни. Или другой пример — Василий Аполлонович Ушаков, из гвардейского офицера „самого щеголеватого и притом мечтателя, романической головы“ превратившийся в обложенного книгами деревенского анахорета, превосходно изучившего французскую и немецкую литературы и беспощадно обличавшего всякое невежество и шарлатанство. Но, может быть, нет примера более выразительного, чем влияние европейской, в частности французской, культуры после двенадцатого года на известного квасного патриота, французоеда, друга и литературного alter ego Ростопчина — Сергея Николаевича Глинку. Перед войной он нападал на подражательность французам и даже истребил свою французскую библиотеку, а после двенадцатого года обожал французов до того, что отказывался писать иначе, как на „всемирном“, т. е. французском, языке, говорил о себе: „я филантроп, а не патриот“, и „утверждал, что в России ничего нет, нет даже самой России..., почитал в России все призраком“ [10]). Переход от Ростопчина к Чаадаеву — что может быть резче и вместе характернее для того времени?

Так вокруг сравнительно небольшого яркого ядра будущих декабристов вращалась постепенно тускневшая по мере удаления от этого центра более широкая дворянская сфера. Центральное ядро было несравненно активнее этой окружающей его ближайшей среды. Однако,

---

8) *Н. Тургенев*, La Russie et les russes, II, стр. 512.
9) Записки *Д. Завалишина*, стр. 50.
10) Записки *Ксеноф. А. Полевого*, стр. 94, 137—138, 236—238.

и среда не была чужда некоторой активности: и она искала исхода для своих несильных тенденций в масонстве, просветительной работе и общественной организации. На этих проявлениях активности нельзя ненадолго не остановиться для того, чтобы понять правильно происхождение декабризма.

Масонство александровского времени было первой формой, в какую вложили свою энергию многие будущие декабристы. Из числа декабристов, преданных впоследствии верховному уголовному суду, „23 человека, т. е. пятая часть, были некоторое время масонами“. Но они, обыкновенно, недолго там оставались. Почему? Основная причина заключалась в том, что, при некоторых новых либеральных и даже радикальных тенденциях, в масонстве сильны были монархические взгляды; „масоны Союза Астреи являлись“ прямо „верными рабами русского правительства“: „Лопухин, напр., не сочувствовал законодательному ограничению крепостного права, а масон Поздеев был совершенным крепостником“. Временное вступление многих декабристов в масонство об'ясняется как республиканскими и даже революционными течениями в некоторых иностранных, заграничных масонских группах,—и декабристы нередко делались масонами именно за границей,— так и некоторыми тактическими соображениями: одни „желали скрыть тайное общество под масонским покровом“, другие считали масонские ложи удобным местом для некоторой агитации и вербовки новых членов тайных обществ; наконец, влиял здесь и привлекал мистицизм масонов, заразивший тогда очень многих [11]).

Среда, окружавшая передовую молодежь, одно время увлекалась, как сказано, еще просветительной работой. Недаром в 1818 г. в Петербурге возникла ланкастерская школа для 150 чел. учащихся, учрежден был комитет для введения взаимного обучения солдатских детей, а в 1819 г. было устроено даже „Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения“, открывшее ряд ланкастерских школ. И здесь некоторые представители передовой молодежи приняли деятельное участие. Таков был Владимир Феодосиевич Раевский, который при помощи этих школ вел пропаганду среди солдат, за что в 1822 году и был сослан в Сибирь [12]).

Наконец, и до декабристов были попытки общественных организаций с прогрессивными целями. Еще в 1811 году Н. Н. Муравьев устроил в училище колонновожатых, где служил, тайное общество, целью которого было основание на каком-либо диком острове—предполагалось на Сахалине—республики на совершенно новых началах. Война двенадцатого года рассеяла эти мечты и уничтожила это юношеское общество. В 1814 году Михаил Федорович Орлов, под влиянием немецкого Тугенбунда, задумал тайное общество, но программа этого общества не шла дальше конституции, октроированной тогда

---

[11]) *Семевский*, Полит. и общ. идеи декабр., стр. 322, 323, 325—6, 329, 331, 339, 354 и др.
[12]) *Щеголев*, Первый декабрист Вл. Раевский.

для Франции Людовиком XVIII [13]). Затем, в 1814—1815 годах, граф Дмитриев-Мамонов по сношении с тем же Орловым проектировал учреждение Общества Русских Рыцарей с ограничением самодержавия в законодательстве, финансах, суде, внешней политике сенатом, составленным из 200 наследственных пэров или вельмож, 400 выборных представителей дворянства и 400 же выборных представителей народа. Крепостное право отменялось, но пэры имели свои „уделы", состоявшие из крепостей и имений, земель. Позднее Дмитриев-Мамонов составил для того же общества Русских Рыцарей другую, республиканскую конституцию. Впрочем, на деле это общество не вышло из области предположений и проектов, осуществлено не было. В провинции, в Полтавской губ., юнкер Борисов основал „Общество друзей природы", из которого потом вышло „Общество соединенных славян". Целью Общества было исполнение „правил питагоровой секты, усовершенствование себя в науках, художествах и добродетели", очищение религии от предрассудков и основание республики в духе Платона [14]).

Наконец, полковнику Александру Николаевичу Муравьеву принадлежит мысль об основании тайного общества, получившего название „Союза Спасения" или „Союза Истинных и Верных Сынов Отечества". Во второй половине 1816 г. он завел речь о таком обществе с офицерами Семеновского полка Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами и Якушкиным. Якушкин привлек Фон-Визина [15]). Затем к этому кружку примкнули Никита Мих. Муравьев и князь Трубецкой. У всех этих людей сначала не было определенных представлений о цели, задачах и организации общества. Но в конце 1816 г., после от'езда Якушкина из Петербурга, Никита Муравьев ввел в общество Павла Ивановича Пестеля, и его участие сразу изменило положение. Вслед за Пестелем вступили в общество новые члены — князь Илья Долгоруков, Новиков, Федор Глинка, князь Лопухин, князь Шаховской, Лунин и другие. Была выбрана комиссия для составления устава из Пестеля, Трубецкого и Долгорукова при секретаре Шаховском [16]). Душой, истинным руководителем комиссии и фактическим составителем устава оказался Пестель, у которого одного был определенный план и сознательно поставленные цели: он хотел основать революционное общество, которое в состоянии было бы совершить решительный переворот. Идеалом для него были организации карбонариев, но многое в формах было заимствовано у масонов и иллюминатов: „общество было составлено, по образцу масонских и иллюминатских, на правилах строгой тайны, клятв и угрозы смертью за измену" [17]). По уставу члены союза делились на три разряда: бояр—учредителей союза, из числа которых ежемесячно выбирались старейшины—„вер-

[13]) *Семевский,* Полит. и общ. идеи декабристов, стр. 379, 381 и след.

[14]) Там же, стр. 388, 392, 421—413, 311.

[15]) *Павлов-Сильванский,* П. И. Пестель (Петр. 1919), стр. 11—12. Обществ. движ. в России, I, стр. 17.

[16]) Там же, стр. 18.

[17]) Там же, стр. 12.

ховный собор бояр"; мужей, которым открывалась цель общества; братьев, которые давали при вступлении в общество присягу „стремиться к цели Общества, хранить обязанность, покоряться решениям верховного совета бояр", хранить в тайне все, им сообщаемое; но „тайна общества не была открыта" братьям,— им лишь „глухо говорилось о введении нового порядка". Кроме этих членов Союза, были еще „друзья" — те, кто мог в чем-либо содействовать Обществу или считаться подходящим для принятия в будущем в его члены. Пестель, С. Муравьев-Апостол, Фон-Визин, Якушкин единогласно свидетельствуют, что основной целью Союза Спасения была монархическая конституция [18]). Средством действия Союз считал, как это было принято на первых его собраниях, „действие на умы и приобретение членов". Надо, однако, заметить, что число членов Союза Спасения было невелико. Кроме упомянутых уже выше, в него входили Иван Шипов, Бурцов, Пущин, Вольховской, Бибиков, Мих. Ник. Муравьев и Петр Колошин,— всего едва-ли больше 21 человека. Дольше всех верным уставу Общества оставался Пестель, уехавший через неделю после принятия устава, 9 февраля 1817 г., в Митаву и там „действовавший по правилам устава". Из других многие не сочувствовали планам Пестеля. Мих. Муравьев, Бурцов и Колошин даже и вступили в общество с тем, чтобы „устав, проповедующий насилие и основанный на клятвах, был отменен, и чтобы общество ограничилось медленным действием на мнение". С этим согласны были и Якушкин, и Фон-Визин [19]).

К тому же следует прибавить, что некоторые члены Союза Спасения были склонны к террору и цареубийству, причем и некоторые из умеренных временами готовы были встать на эту дорогу. Последовательными террористами уже тогда были, повидимому, Пестель и Лунин. Якушкин, раньше столь мирно настроенный, прочитав в 1817 году в Москве вместе с другими шестью членами Союза письмо кн. Трубецкого о том, что „Александр собирается оттолкнуть от России и передать Польше Литву и Белоруссию и хочет перенести столицу в Варшаву", вызвался сам убить императора, причем план цареубийства, предложенный сначала Александром Муравьевым, был единогласно одобрен всеми. На другой день новоявленные террористы, впрочем, опомнились и уговорили Якушкина отказаться от его намерения, решив, что убийство императора „не может быть ни на какую пользу для государства" [20]).

Союз Спасения после утверждения его устава просуществовал не более четырех месяцев; большинство его членов не сочувствовало карбонарскому уставу Пестеля и его революционным намерениям. Когда летом 1817 г. двор переехал в Москву, где оставался более де-

[18]) История России в 19 в. (изд. Гранат), I, стр. 69—70. *Семевский;* Пол. и общ. идеи декабристов, стр. 417.

[19]) Общ. движение, стр. 12—13. *Павлов-Сильванский,* Пестель, стр. 12—13.

[20]) История России в 19 в., т. I, стр. 70—71.

вяти месяцев, и за двором туда же последовала гвардия, оказалось, что в Москве собралось большинство членов Союза Спасения, освободившихся, вследствие от'езда Пестеля в Митаву, от его непосредственного влияния. Тогда умеренные взгляды и мирные намерения восторжествовали. Добыт был устав, вернее, только первая часть первой редакции [21]) устава немецкого „Союза Добродетели", официально утвержденного прусским королем в 1808 г., но потом закрытого в 1809 г., и по образцу этого устава с некоторыми немаловажными изменениями поручено было трем лицам—Мих. и Никите Муравьевым и кн. Трубецкому—составить устав нового общества. Та часть, над которой работал Ник. Муравьев, была потом переделана Колошиным. Составление устава затянулось на 4 месяца. В эту пору Алекс. Муравьев устроил временное тайное общество под названием Военного. В нем образованы были две управы: во главе одной стоял Ник. Муравьев, во главе другой—Катенин; оно получило по преемству от Союза Спасения его программу действий, прибавив к ней от себя одну новость—порицание военных поселений. Когда новое общество основалось Военное было распущено. Новое общество получило название „Союз Благоденствия". Пестель относился к нему отрицательно, не признавал его до 1818 года, до своего переезда на юг, в Тульчин. Устав Союза Благоденствия, называвшийся по цвету переплета „Зеленой книгой", отличался от устава немецкого Союза Добродетели (Tugendbund) прежде всего тем, что не имел тех параграфов, в которых непременным условием вступления в члены общества ставилось освобождение вступающим лицом своих крепостных. С другой стороны, не оказалось и тех параграфов устава Союза Добродетели, в которых высказывалась преданность монарху, предписывалось защищать государя и династию „от напора безнравственного духа времени", а также доносить начальству о замеченных случаях измены. Что касается слишком уж противоречивших традициям прекращенного Союза Спасения постановлений, то они заменены были другими, смягченными формулами, по содержанию не далеко ушедшими от немецкого образца: „вступление в такие общества, кои правительством не одобрены, членам союза воспрещается, ибо он, действуя к благу России и, следовательно, к цели правления, не желает подвергнуться его подозрению"; Союз Благоденствия считает своею обязанностью „распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия" [22]).

Устав Союза Благоденствия предусматривал четыре отрасли деятельности: 1) человеколюбие, 2) образование, 3) правосудие, 4) общественное хозяйство. Под человеколюбием разумелось наблюдение за больницами, сиротскими домами, тюрьмами, учреждение рабочих

---

[21]) *Пыпин*, Очерки общ. движ. при Александре I; *Семевский*, цит. сочин., стр. 420, прим. 9.

[22]) *Семевский*, назв. сочин., стр. 421—424. Общ. движение, т. I, стр. 22—23.

домов для праздношатающихся, пристанищ для дряхлых и увечных, „приказов“ для приискания работы безработным, забота о гуманном обращении с крепостными. Образование вмещало в себе пропаганду идеи о неразрывной связи личного блага с общественным, борьбу с лихоимством, жестокостью, чрезмерным стремлением к удовольствиям, с „приверженностью к иноземному“, заботу об улучшении существующих учебных заведений и об основании новых, участие в ученых обществах, сочинение и перевод книг. Деятельность в области правосудия должна была состоять в отправлении должностей по выборам дворянства, в наблюдении за деятельностью чиновников и судебных учреждений, в преследовании продажи крепостных по одиночке и в рекруты и проч. Наконец, под деятельностью в области общественного хозяйства разумелись заботы о земледелии, промышленности, торговле, устройство страховых учреждений для покрытия убытков от пожаров и т. д. Как же исполнялся этот устав в течение трех с лишним лет (в 1818, 1819, 1820 и отчасти 1821 годах) существования Союза?

По общему признанию, деятельность членов Союза была слаба, затрогивала отчасти только вопрос о смягчении крепостного права и об образовании. Так, один из членов Союза, известный уже нам по Союзу Спасения Лунин, хотел освободить своих крестьян без земли. Якушкин попытался освободить своих крестьян с предоставлением им бесплатно усадеб с усадебною землею и общим выгоном, но крестьяне от этого отказались, заявив: „пусть уж, батюшка, будет по-старому: мы—ваши, а земля наша“. Н. Тургенев в 1819 и 1820 годах проектировал освобождение крестьян с землей на арендных началах. Якушкин устраивал школы для крестьян в своем смоленском имении. М. Ф. Орлов, гр. Ф. П. Толстой и Ф. Н. Глинка содействовали распространению ланкастерских школ. Члены Союза преследовали злоупотребления помещиков, смягчали телесные наказания солдат, участвовали в литературных обществах, напр., в существовавшем в 1818 — 1820 годах и потом закрытом „Обществе Зеленой Лампы“ и т. д. [23]). Конечно, помимо всего этого, члены Союза собирались в собственной среде для обсуждения вопросов, входивших в задачи Союза, для чего Союз делился на управы во главе с особыми председателями и блюстителями, которые должны были наблюдать за нравственностью членов и за деятельностью управы. Десять учредителей Союза составили Коренную управу или Коренной союз. Главная управа или дума выбирала из своей среды Верховный Совет, имевший своего председателя и блюстителя, которым представляли свои отчеты председатели и блюстители отдельных управ. Впоследствии Пестель об‘яснял слабость действия Союза тем, что цель Союза заключалась вовсе не в том, о чем говорил устав, по крайней мере, главным образом не в этом: по его словам, „содержание Зеленой книги Союза Благоденствия было не что иное, как пустой отвод от настоящей цели на случай открытия обще-

---

[23]) *Семевский,* Полит. и общ. идеи дек., стр. 425—6, 428, 434—5, 607—608.

ства и для первоначального показания вступающим членам", на деле же целью Союза было „проведение революции, содействие ее успехам или участие в ней". Едва ли можно согласиться с таким утверждением Пестеля: задуман был Союз не с революционными целями и действовал сначала нереволюционно. Правда, Якушкин, Оболенский, Толстой, Лунин, Семенов впоследствии показывали, что политические задачи ставились Союзом Благоденствия, но из их слов видно, что ставились они нереволюционно, а реформистски, либерально: дело шло не дальше „представительного" или „конституционного правления", „законно-свободных учреждений", „изменения государственных установлений" [24]. Но несомненно, что сам Пестель сделал все, от него зависящее, чтобы придать Союзу действительно революционный характер.

Он делал это у себя в Тульчине. Но уже здесь он наткнулся на оппозицию приехавшего сюда в 1819 г. Бурцова, человека умеренного направления, ставившего задачей Союза, согласно Зеленой книге, „медленное действие на мнения распространением просвещения, благотворительности и нравственности". Пестелю пришлось выдержать большую борьбу с Бурцовым. По словам Бурцова, Пестель утверждал, что „для образования нравов нужны века, но что подлежит исправить правление, от коего уже и нравы исправятся". Спор, как видно, свелся к вопросу, который и позднее разделял умеренных и более крайних.

Несмотря, однако, на эту оппозицию в Тульчине, Пестель воспользовался своим приездом в отпуск в Петербург, где прожил с ноября 1819 г. до мая 1820, чтобы провести свое влияние в правящем центре Союза Благоденствия. Это ему удается: его деятельная пропаганда республики и революции на собраниях петербургских членов Союза увлекает многих, особенно Никиту Муравьева и Сергея Муравьева-Апостола. Подготовив таким образом почву, Пестель в начале 1820 года на собрании Коренной управы или Думы Союза на квартире Ф. Глинки поднимает вопрос с первого взгляда теоретический—о том, какая из форм правления лучше,—монархическая или республиканская. Присутствовали на этом собрании, кроме Пестеля, председатель Союза гр. Ф. Толстой, блюститель кн. Долгоруков, Н. Тургенев, Лунин, Глинка, Иван Шипов, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев, фон-дер-Бригген, Семенов, Павел Колошин и, повидимому, кн. Трубецкой. Пестель выступил докладчиком. После долгих разговоров произведено было голосование в виде опроса каждого из присутствующих о его мнении, причем Тургенев сказал „Le président sans phrases", т. е. президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления. То была большая победа Пестеля, и ею он, как увидим сейчас, воспользовался вполне, как только мог. Но он сделал еще более решительную по-

---

[24]) История России в 19 в., I, стр. 72—73. *Семевский*, назв. сочин., стр. 434, 443.

пытку, — перенести теоретическое решение на практическую почву, сделать из него логически-верный, последовательный тактический вывод. Он вскоре поднял вопрос о введении республики в России путем цареубийства и учреждения „временного правления". Его поддерживал в этом Никита Муравьев. Но на этот раз большинство оказалось против Пестеля, а у блюстителя Коренной управы кн. Долгорукова с Никитой Муравьевым дело дошло до резкого спора и личных колкостей. Несмотря, однако, на это, Пестель использовал до конца решение собрания, бывшего на квартире Глинки, и, вернувшись в середине 1820 года в Тульчин, об'явил там, что Союзом принята республиканская форма правления. Никто не возражал ему, „кроме Бурцова, который сомневался в возможности ввести в России республиканское правление".

В Тульчине Пестель развил большую энергию: он привлек к концу года новых членов в Союз, организовал Тульчинскую думу с председателем и блюстителем и устраивал регулярные заседания [25]).

Между тем угар, произведенный в головах петербургских членов Союза Благоденствия властным влиянием Пестеля, рассеялся. Наступило похмелье. К тому же сообщали, что правительству известно существование Союза, и советовали его распустить, чтобы избегнуть репрессий. Под влиянием в значительной степени таких настроений, а также желания более передового меньшинства сохранить общество на деле, прикрыв его формально и смягчив позицию Пестеля, был созван в начале 1821 года в Москве с'езд представителей управ Союза. По словам Тургенева, на с'езде было до 20 человек. Пестель также хотел там быть, но ему указали, что его поездка в Москву, где он родственников не имел, может вызвать подозрения, и в Москву из Тульчина поехали Бурцов и Комаров, имевшие личные предлоги для этой поездки. Оба они были умеренные, противники Пестеля. Необходимость конспирации, подпольных, тайных действий выдвинула на с'езде сразу на первый план задачу разделения между вновь вводимыми членами и старыми, испытанными, которым одним должны быть известны задачи Союза во всей их полноте. Это испугало более умеренных и тех, кто тяготился своими связями с Союзом. Комаров заявил о своем выходе из Союза из-за „таинственности, которую предполагают ввести при преобразовании общества". Генерал М. Ф. Орлов, за несколько месяцев до с'езда вступивший в Союз, но тяготившийся участием в тайном обществе, тоже заявил о выходе. Якушкин рассказывает, что Орлов предложил устроить тайную типографию и фабрику фальшивых ассигнаций, и когда это предложение было отвергнуто, вышел из Союза под предлогом несочувствия его умеренности [26]). Этот рассказ заподозрен в литературе. Он опровергается Тургеневым, но подтверждается доносом Грибовского [27]). Может быть, совершенно неоснова-

[25]) *Павлов-Сильванский,* Пестель, стр. 13—14. *Семевский,* назв. соч., 445—446.

[26]) Общ. движения, I, стр. 30—31; История России в 19 в., I, стр. 76. Записки *И. Д. Якушкина.*

[27]) *Гершензон,* История молодой России (М. 1908), стр. 24—25.

тельным его и нельзя признать, если правильно понять позицию Орлова: он, вероятно, указывал, что тайное общество без серьезных революционных целей и средств в роде подпольной типографии не имеет смысла, и этим мотивировал свой выход. В конце концов было формально решено закрыть Союз Благоденствия.

Многие приняли это за чистую монету, так и сочли Союз закрытым. Но некоторые попробовали сохранить его, лишь лучше законспирировав. С этою целью составлен был новый устав, в первой части которого, предназначенной для вновь вступающих, автор ее, Бурцов, изложил цели Союза в невинном филантропическом духе, а вторая часть, составленная Тургеневым, ставила задачей ограничение самодержавия, средством же для этого намечала ближайшим образом соответствующую подготовку армии, агитацию и пропаганду среди офицеров и солдат [28]). По Якушкину, предполагалось учредить четыре думы—в Петербурге во главе с Тургеневым, в Москве под главенством И. Фон-Визина, в Смоленской губ. под руководством Якушкина и в Тульчине, где организатором должен был явиться Бурцов. Но конспирация, подполье в настоящем смысле этих слов были тягостны для людей того типа, к какому принадлежали даже передовые люди с‘езда 1821 года. К тому же и организаторами они были плохими, а некоторые из них и плохо верили в дело. Поэтому ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Смоленской губ. новых организаций Союза не возникло, а старые были распущены согласно постановлению с‘езда.

Такую же попытку распустить Тульчинскую организацию предприняли вернувшиеся в Тульчин из Москвы Бурцов и Комаров. Но они встретились здесь с противодействием Пестеля. Бурцов и Комаров вышли из Союза. Остались только 9 членов—Пестель, Юшневский, князь Барятинский, Крюков 2-ой, Крюков 1-ый, Басаргин, Ивашев, Вольф и Аврамов. Они выбрали трех председателей — Пестеля, Юшневского и отсутствовавшего, бывшего в Петербурге, Никиту Муравьева и приняли революционную и республиканскую программу Пестеля. Но и из этих девяти последние пятеро скоро охладели и прекратили свое участие в Союзе [29]). Осталось всего четыре человека. Это и было зерном новой тайной организации—Южного общества. Союз Благоденствия окончательно перестал существовать.

Зерно Южного общества не прорастало до начала 1822 года, когда были устроены совещания на киевских „контрактах“, т. е. на Крещенской ярмарке в Киеве, происходившей от 15 января по 1 февраля. Здесь Южное общество укрепилось и расширилось: к нему примкнули три члена Союза Благоденствия—кн. С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов и Сергей Муравьев-Апостол. В январе 1823 года на тех же киевских контрактах состоялся второй с‘езд общества. Тогда в прибавок к Тульчинской управе и в подчинении Тульчинской директории, состоявшей из Пестеля и Юшневского, была учреждена Каменская управа во главе

[28]) Общ. движения, I, стр. 34.

[29]) *Павлов-Сильванский*, Пестель, стр. 15, прим. I.

с Волконским и Давыдовым, названная так по имению Давыдова Каменка, куда члены Южного общества с‘езжались к концу ноября, к именинам матери Давыдова (24 ноября). Каменская управа приобрела трех новых членов, из которых виднейшим был Поджио. В том же 1823 году Сергей Муравьев-Апостол привлек в общество своего друга Михаила Павловича Бестужева-Рюмина, и они вместе основали третью управу Южного общества—Васильковскую, названную так по селу Васильково [30]). Васильковская управа оказалась наиболее деятельной. Она усердно привлекала новых членов, энергично вела революционную и республиканскую пропаганду ,между прочим, и в солдатской среде [31]), через Матвея Муравьева-Апостола, жившего в Петербурге, деятельно сносилась с Северным обществом, там основанным.

Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин открыли существование „Общества соединенных славян“, основанного в 1823 году Борисовым. До конца 1824 г. оно состояло из небольшого числа членов, рассеянных по южной России. Но в декабре 1824 г. Борисов и Горбачевский решили его реорганизовать. В марте 1825 года на собрании членов общества близь Житомира выбран был президент (Борисов) и секретарь и принят весь новый план организации. Общество „имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом“. Предполагалось у всех славянских народов ввести „форму демократического представительного правления, составить Конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов“ с предоставлением полной автономии каждому отдельному государству. Тактика Общества соединенных славян не заключалась в революционном перевороте: по их мнению, „никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации“, почему необходима подготовка народа к свободе улучшением его нравственности, просвещением и развитием промышленности; военные революции „бывают не колыбелью, а гробом свободы“; в первую очередь необходимо освободить крепостных на средства Общества, заводить деревенские училища, агитировать среди крестьян и солдат за политическую свободу. В сентябре 1825 года Бестужев-Рюмин убедил членов Общества, что „преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию“, и что об‘единение этого Общества с Южным обществом приблизит осуществление общеславянской федерации. Энтузиазм Бестужева и его уверенность в успехе дела заразили присутствующих, и соединение было решено. Соединение с Южным обществом сильно революционизировало членов Общества соединенных славян: они готовы были теперь и на цареубийство, и на восстание [32]). Наконец,

[30]) Там же, стр. 16—18.

[31]) История России в 19 в., I, стр. 112.

[32]) Записки декабриста *И. Горбачевского* (М. 1916 г.), стр. 3, 4, 13, 16, 19, 26, 49 *Семевский*, Полит. и общ. идеи дек., стр. 553.

Васильковская управа установила связи Южного общества с тайным польским „Патриотическим обществом“.

Энергичная деятельность Васильковской управы, многочисленность ее членов, равных по числу членам двух других управ Южного общества, взятых вместе, наконец, проявлявшаяся временами самостоятельность действий Васильковской управы заставили Пестеля в ноябре 1825 года включить в число директоров Южного общества Сергея Муравьева-Апостола.

Васильковская управа несколько раз порывалась к решительным действиям. Еще в 1823 году, а потом в августе 1825 г. она хотела начать восстание среди войск. Правда, от этого тогда отказались, но в то же время Васильковская управа вернулась к старому своему плану, отвергнутому Пестелем еще в начале 1825 года,—произвести возмущение во время смотра войск у Белой Церкви (назначенного на май 1826 года), убив Александра. Пестель считал все это рискованным, но на этот раз не заявлял решительного протеста: он чувствовал, что положение становится опасным, и предпочитал рискованные действия бездействию [33]).

Основание Южного общества пробудило к концу 1822 года от спячки и петербуржцев, бывших членов распущенного Союза Благоденствия: основано было Северное общество, директорами которого были выбраны Никита Муравьев, кн. Трубецкой и Н. Тургенев. Сначала руководителем Северного общества был на деле Муравьев. Он придал ему направление конституционно-монархическое и проводил принципы федерализма. Общество действовало слабо и сильно отставало в энергии от Южного общества. Но и силы этого последнего были невелики. Пестель хорошо понимал это и стремился к тому, чтобы об‘единить оба общества и подчинить их единому центру, обладающему сильною властью и способному вести всех по пути революционного действия и для утверждения республики. С этой целью Пестель послал Никите Муравьеву в 1823 г. с князем Волконским, приезжавшим тогда в Петербург, письмо, где сообщал о задачах и действиях Южного общества и просил осведомления о работе северян. Муравьев послал ему свой неоконченный проект конституции. В феврале 1823 г. с отправившимся в Петербург Давыдовым Пестель прислал Муравьеву свой критический отзыв о его конституции и защиту своего республиканского проекта. В июне того же года Пестель в новом письме упрекал северян в бездеятельности и ставил им в пример работу Южного общества. Наконец, в марте 1824 года Пестель пробыл в Петербурге около двух месяцев. Он в это время отстаивал свой план об‘единения обществ, республики и революции. Но на этот раз его усилия разбились о возражения Муравьева и о недоверие к нему лично, так как многие члены, в том числе и Рылеев, опасались его честолюбия. Напрасной оказалась и попытка

---

[33]) *Павлов-Сильванский,* Пестель, стр. 27—28.

Пестеля расколоть северян и привлечь к себе кн. Трубецкого предложением быть одним из директоров Южного общества.

С начала 1825 г. вместо Никиты Муравьева виднейшую роль в Северном обществе стал играть Рылеев, ставший директором вместо Трубецкого. Работа несколько оживилась, но до соединения с Южным обществом попрежнему было далеко: Рылеев, правда, считал республику лучше монархии, но ставил решение вопроса о форме правления в зависимость от воли народа, был против плана диктатуры временного правительства, горячо и твердо отстаивавшейся Пестелем.

В таком положении находились оба общества, когда события, скоро затем наступившие, повели к окончательной развязке. В ноябре 1825 года унтер-офицер Шервуд донес Александру I о существовании Южного общества. Генерал граф Витт, узнав о том же обществе помимо Шервуда, послал для вступления в него с целью шпионажа киевского помещика Бошняка. Капитан Майборода, принятый в общество Пестелем, послал донос Александру. На основании этого последнего доноса Пестель был арестован 13 декабря 1825 года и увезен в Петербург. На другой день—14 декабря—произошло в Петербурге известное восстание, поднятое членами Северного общества, давшее и всем участникам тайных обществ того времени имя декабристов.

19 ноября 1825 года умер в Таганроге Александр. Прямых наследников по нисходящей линии у него не было,—остались только братья: Константин, Николай и Михаил. Но Константин еще в 1823 году, после женитьбы в 1820 г. на графине Грудзинской, получившей титул светлейшей княгини Лович, отрекся от престола в письме к Александру, что и было подтверждено согласием императора, выраженным в особом рескрипте на имя Константина. Повидимому, это отречение было вынужденным, состоялось не без давления со стороны Александра [34]). Составлен был и манифест о назначении наследником престола великого князя Николая Павловича. Он был подписан Александром и вместе с письмом Константина о его отречении положен в Московском Успенском соборе с предписанием вскрыть в случае смерти императора. Копии хранились в государственном совете, сенате и синоде.

Николай, как и вся царская семья, знал обо всем этом. Профессор Шиман превосходно доказал это. Повидимому, Николай завел об этом речь с петербургским генерал-губернатором Милорадовичем, как только пришла весть о кончине Александра. Но Милорадович отвечал ему: „сами изволите знать, вас не любять“. В государственном совете прочитали манифест Александра, копия с которого там хранилась, но министр юстиции князь Лобанов-Ростовский заявил, что мертвые не имеют воли, а Милорадович сообщил, что Николай отказывается от престола, данного ему манифестом, и когда члены государственного совета явились с вопросом об этом к Николаю, тот, уже присягнувший Константину, просил их „для спокойствия государства“ принести такую же присягу. Государственный совет это исполнил. Сенат разослал по

[34]) *Покровский,* Русская история с древн. времени, т. IV, стр. 325.

всему государству указы о присяге Константину. После этого началась долгая переписка между братьями. Николаю нужно было новое отречение Константина, как императора, после принесенной ему уже присяги, а Константин его не давал, может быть, лелея надежду, что престол все-таки ему занять удастся. 12-го декабря Николай получил сообщение от генерала Дибича о доносах Шервуда, Витта и Майбороды, и в то же время эти доносы были подтверждены Ростовцевым, не назвавшим, однако, имен членов обществ. Действительно, известие о затруднениях в престолонаследии оживило надежды членов Северного общества, и Рылеев проявил большую энергию в подготовке попытки переворота. Положение Николая было опасно. Он принимал все меры, чтобы обеспечить себе успех: обещано было многим генерал-ад'ютантство и флигель-ад'ютантство; решено было действовать смело: на 14-е декабря была назначена присяга Николаю. Это был сигнал для выступления Рылеева и его единомышленников: „теперь или никогда"— таков был вывод Рылеева. Ему же принадлежал и тактический план, частично осуществленный 14-го декабря, — собрать восставшие войска на Сенатской площади и, вынудив правительство на уступки, разослать от имени сената манифест о конституции, освобождении крестьян и учреждении временного правительства [35]). Диктатором избран был князь Трубецкой.

С 10-ти часов утра 14 декабря части войск, отказавшихся присягать Николаю, — именно московского полка, поднятого братьями Бестужевыми, — собрались на Сенатской площади с криками „ура! Константин!". Их окружили густые толпы народа, настроенные, повидимому, сочувственно к восставшим: командира гвардейского корпуса Воинова именно народ стащил с лошади, в принца Евгения Виртембергского бросали снежки, в конную гвардию, атаковавшую восставших, летели камни и поленья из той же толпы [36]). Восставшие не успели еще закончить построение в каре на Сенатской площади, как к ним под'ехал на коне гр. Милорадович с увещаниями. Его ранил легко штыком в бок князь Оболенский, а Каховский нанес ему смертельную рану выстрелом из пистолета. В то же время Николай собирал войска, ему присягнувшие. Они расположены были во всех соседних улицах, так что восставшие были окружены со всех сторон.

После напрасных увещаний последовали три безуспешных атаки конногвардейцев, отраженные восставшими с помощью окружавшего народа. Услышав выстрелы, к восставшим присоединился гвардейский морской экипаж, составивший новое каре. Затем пришли на площадь лейб-гренадеры, командир которых Стюрлер, уговаривавший их вернуться, был смертельно ранен Каховским.

Но революция декабристов и с приходом этих частей продолжала быть стоячей. Диктатор Трубецкой не явился для команды, а „в страхе и унынии" сидел в курьерской главного штаба. Солдаты восставших

---

[35]) История России в 19 в. I, стр. 91—92, 93, 95.
[36]) *Покровский,* Русс. история, IV, стр. 329.

полков роптали на то, что их оставляют в бездействии. День клонился к вечеру, когда генерал Толь посоветовал Николаю стрелять картечью. Артиллерийским огнем каре восставших были разбиты, бросились на Неву, где Михаил Бестужев пытался их построить и занять Петропавловскую крепость, но артиллерийский огонь и здесь застиг их, многих перебил и потопил, а остальных рассеял по Васильевскому острову. Восстание было подавлено.

Отголоском его было другое восстание — на юге. Там в конце декабря были арестованы Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Их освободили члены Общества соединенных славян. По освобождении Сергей Муравьев-Апостол поднял восстание в Черниговском полку. Он занял Васильков, 31 декабря собрал восставшие роты, велел священнику прочитать солдатам составленный им „Политический Катехизис, который состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятию каждого", и отслужить молебен. Число поднятых Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым солдат не достигало и 1000 человек [37]). Артиллерия Николая I под прикрытием гусар расстреляла этот небольшой отряд, при чем раненый С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и другие офицеры были взяты в плен. Это было 3 января 1826 года. Вслед затем арестованы были и остальные члены Южного общества и Общества соединенных славян.

Следствие и суд над декабристами имели все признаки административного и судебного произвола. Приговор был суров до чрезвычайности даже после смягчения, сделанного Николаем. Пятеро—Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были повешены. Остальные 116 человек осуждены были на каторгу, ссылку и разжалование в солдаты без выслуги и с выслугой. Кроме того, 46 человек были подвергнуты заключению в крепости, понижению в чинах и разжалованью—без суда. В 1856 году оставшиеся в живых декабристы получили амнистию: их было в то время 29 человек.

II.

Пред нами важная и довольно трудная задача—определить идеологию и психологию декабристов. Было бы большой ошибкой свести этот вопрос к общей, суммарной характеристике. Русское дворянство, как сословие, еще при Екатерине II было значительно расчленено в классовом отношении, делилось на резко различавшиеся между собою экономические группы. То же надо сказать и о декабристах. И они не представляли собою, как видно уже из сказанного, единой компактной группы. Известная острота Ростопчина, что „во Франции сапожники захотели быть господами, а у нас господа захотели стать сапожниками", далеко не отражает действительности. Аристократами большинство декабристов вовсе не были. Почти единственным исключе-

---

[37]) Записки *Горбачевского*, стр. 124, 147.

нием был в этом отношении князь Сергей Петрович Трубецкой. Недаром Николай на первом же допросе сказал ему: „Гвардии полковник! Князь Трубецкой!. Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью?“ [38]).

Трубецкой и является выразителем того, насколько далеко влево могла зайти русская крупно-земледельческая аристократия в то время. Прежде всего—о его политической идеологии. В качестве диктатора, избранного в эту должность всеми членами Коренной управы Северного общества, Трубецкой считал себя в праве и обязанным составить манифест к народу на случай успеха восстания: „он набросал по пунктам содержание манифеста“. Вот эти пункты: „1) Уничтожение бывшего правления, 2) Учреждение временного правления до установления постоянного выборного, 3) Свобода „тиснения“ (т. е. печати) и уничтожение цензуры, 4) Предоставление лицам всех вероисповеданий свободного отправления богослужения, 5) Уничтожение права собственности на людей, 6) Равенство всех сословий перед законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода особых судных комиссий, 7) Предоставление всякому гражданину права заниматься, чем хочет: вступать в военную и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу с уплатою известных пошлин, приобретать земли и дома в деревнях и городах, 8) Сложение подушной подати и недоимок по ней, 9) Уничтожение монополий на соль, вино и проч., разрешение свободного винокурения и добывания соли с уплатою пошлин с добываемого продукта, 10) Уничтожение рекрутских наборов и военных поселений, 11) Сокращение срока военной службы для нижних чинов, которое должно было последовать по уравнении воинской повинности между всеми сословиями, 12) Увольнение в отставку всех без исключения нижних чинов, прослуживших 15 лет, 13) Введение выборного начала при замещении должностей в волостных, уездных, губернских и областных правлениях, 14) Гласность суда, 15) Введение присяжных в суды уголовные и гражданские“ [39]).

Эта программа может отражать в себе не личную политическую идеологию Трубецкого, а его представление о том, каковы воззрения, на которых сошлись все члены Северного общества. Поэтому для определения его личных взглядов необходимо обратить внимание на детальное их изложение, сделанное как во время существования тайных обществ, так и в показаниях на следствии и суде. Сам Трубецкой в своих показаниях отмечает причины, создавшие в нем, как он выражается, „свободный образ мыслей“. Всеобщие жалобы на лихоимство чиновников, возмущения крестьян, образование военных поселений и бунты военных поселян, — все это убеждало его в близости и неизбежности переворота в России. Повидимому, его пугал демократический характер этого переворота, и заговор декабристов и их программа, особенно умеренно-либеральная программа Северного общества, представлялись ему приемлемыми и целесообразными, как громо-

[38]) История России в 19 в., I, стр. 132.

[39]) *Семевский*, назв. сочин., стр. 496—7.

отвод, как введение движения в известное русло. Конечно, здесь Трубецкой не обнаружил надлежащего понимания условий времени, преувеличил опасность, которой на деле не было. Были, впрочем, и другие обстоятельства, толкавшие его на „свободный образ мыслей“: расправа с взбунтовавшимися военными поселянами вызывала у него резкий протест против Александра, как „жестокого и бессмысленного деспота“; его национальное чувство возмущалось при слухах о намерении Александра присоединить некоторые русские земли к Польше и даже перенести столицу в Варшаву; с другой стороны, на тот же путь толкали его образование конституционных монархий во Франции и некоторых частях Германии, дарование конституции Польше и речь Александра при открытии польского сейма. Трубецкой не мог оставаться при обычных, традиционных взглядах, господствовавших в среде дворянской аристократии того времени. Поэтому он искал нового: $2^1/_2$ года был масоном, слушал лекции в Московском университете. К чему же он пришел в конечном результате? К очень умеренному и мало определенному социальному и политическому идеалу. После временных, недолгих колебаний, вызванных могучим влиянием таких сильных личностей, как Пестель, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, Трубецкой окончательно отверг республику и диктатуру временного правительства и укрепился на монархической позиции и образовании временного правительства из двух-трех членов Государственного совета вроде Мордвинова и Сперанского [40]) с функцией почти единственной — провести выборы. Из его „пунктов“ видно, что он допускал веротерпимость, но не свободу совести, говорил об уничтожении крепостного права, но не конкретизировал экономической стороны освобождения крестьян.

Уже исторические предшественники Трубецкого, мечтавшие, как и он, о конституции — князь Дм. Мих. Голицын при Анне и князь М. М. Щербатов при Екатерине II, — не могли отстоять аристократическую конституцию: Голицын должен был переработать свой проект с расширением его социальной базы на дворянскую массу, дворянской же и отчасти также купеческой была и конституция, изложенная в щербатовском „Путешествии в землю Офирскую“. Трубецкому пришлось итти дальше в деле уступок — в направлении не то, что бессословности, а, по крайней мере, всесословности. Но это и все почти, что отличало его от предшественников. В общем и целом он остался таким же аристократом, как они. И он не один был таким в среде высшей аристократии: припомним конституционные проекты Мордвинова и Дмитриева-Мамонова; укажем и на задуманный Каразиным [41]) и перехваченный у него богатейшими помещиками того времени, имев-

---

[40]) Там же, стр.: 90, 106, 176, 172, 193, 257, 263, 204, 205, 491, 472, 488, 499, 493.

[41]) Каразин был человек, совершенно не разбиравший средств для удовлетворения своего самолюбия и честолюбия. Этим об‘ясняется множество противоречий в его действиях. Неправы ни его панегиристы (*Багалей,* Очерки русск. истории, т. I), ни обличители (*И—в,* В. Н. Каразин, мнимый основатель харьк. университета).

шими вместе до 100 тысяч душ крепостных крестьян, проект учреждения Общества для содействия ликвидации крепостного права, каковой был представлен Александру графом М. С. Воронцовым и князем А. С. Меншиковым [42]).

Социальный смысл политической идеологии С. П. Трубецкого таким образом совершенно понятен; по существу „диктатор" декабристов был не более, как либеральничающий аристократ очень умеренного конституционно-монархического типа. Не менее характерна его психология — та в значительной степени подсознательная сфера, которая послужила почвой и для политической его идеологии. Одной из наиболее характерных черт Трубецкого было непомерно развитое самолюбие и честолюбие, несоответственное его личным дарованиям: декабристы привлекали его к себе тем, что выдвигали его на первый план, поручая участие в комиссии по разработке устава Союза Благоденствия, выбирая диктатором для руководства восстанием; Пестель соблазнял его перспективой участия в директории Южного общества и руководства всеми делами вместе с ним, Пестелем. Но как только доходило до дела,—у Трубецкого замирала рука, его охватывал страх. Ничего нет характернее в этом отношении, чем его поведение в день 14 декабря: руководитель восстания позорно дезертировал. Потом, во время следствия и суда, Трубецкой вел себя в полном смысле постыдно. Он униженно ползал на коленях перед Николаем, целовал ему руки, со слезами молил его даровать ему жизнь. А когда жизнь ему была дарована, он не только искренно рассказал все о себе, — это было его правом,—но дал детальнейшие показания о других, выдавая всех головою, дошел даже до того, что донос возвел в нравственную обязанность, до прямой клеветы на себя, как на человека, готового донести на Пестеля в то время, как они вместе подготовляли восстание [43]).

Все это было понятно и естественно: Трубецкой слишком зарвался, перешел за ту меру, которая была допустима и терпима для людей его круга, оторвался от своего класса. Для людей смелых и сильных это в известной степени возможно,—Трубецкому это было не по плечу. И не ему одному. Другие, подобно М. Орлову, правда, не дошли до такого унижения, но только потому, что не зашли так далеко в своем либерализме, во время забили отбой. В их отступлении сказалась, конечно, та же боязнь решительных действий и разрыва с традициями, а в либерализме видную роль играли, как и у Трубецкого, честолюбие и самолюбие [44]).

Ближе всего по воззрениям, отчасти и по настроениям, к декабристам-аристократам стояли декабристы, принадлежавшие к более или менее крупной бюрократии,—такие, как Н. Тургенев, статс-секретарь Государственного совета, генерал М. Фон-Визин или барон

---

42) *Корнилов*, Курс истории России в 19 в., I, стр. 224—225.
43) История России в 19 в., I, стр. 132—134.
44) *Гершензон*, История молодой России, стр. 5—6, 8, 70.

Штейнгель. Тургенев был широко образован, сведущ, как специалист во многих вопросах, искренно, но умеренно либерален; Фон-Визин, горячо спорил, резко расходился с Пестелем; Штейнгель склонен был в сущности к дворцовому перевороту и сильно боялся крестьянского восстания [45]).

Политическим идеологом среднего дворянства был Никита Муравьев, в особенности в своей конституции. Главным иностранным источником этого проекта была испанская конституция 1812 года. Отсюда именно заимствовано было понятие о верховенстве народа. Были и заимствования из других конституций, напр., Соединенных Штатов и Французской 1791 г. Но, конечно, и в деталях, и в основном своем фонде конституция Муравьева—оригинальное произведение, приспособленное ко вкусам и интересам передовых слоев среднего дворянства и потому и пользовавшееся популярностью среди членов Северного Общества. Она устанавливает равенство всех перед законом, свободу устного и печатного слова, суд присяжных не только в уголовных, но и в гражданских делах, веротерпимость, но не свободу совести [46]).

Россия должна была представлять собою федерацию из 13-ти или 14-ти держав; державы делились на уезды и волости. В уезде административную власть должен иметь тысяцкий, выбираемый прямым голосованием граждан, имеющих недвижимую собственность на 500 руб. или движимую на 1000 руб., и дувхстепенным голосованием тех, кто „пользуется землями в общественном (т. е., очевидно, общинном, мирском) владении“; они выбирают одного избирателя на каждых 500 человек. Быть выбранными в тысяцкие могут только богатые люди, имеющие недвижимость самое меньшее на 30 тыс. руб., а движимость на 60 тыс. руб. Такой же высокий имущественный ценз установлен и для того, чтобы быть выбранным в члены верховной думы, правители держав, их наместники, члены державных дум и судов и в члены советов в державах. Имущественный ценз высший, чем ценз избирателей, не требуется для того, чтобы быть народным представителем в палате представителей народного веча и в державных палатах выборных (т. е. в нижних палатах законодательных собраний отдельных держав). Народное вече—высший законодательный орган всей федерации—состоит из двух палат: верховной думы и палаты народных представителей. Члены палаты представителей выбираются на два года, по одному представителю на каждые 50 тыс. жителей мужского пола. Верховная дума состоит из 3-х членов от каждой державы, выбираемых обеими палатами правительствующих собраний отдельных держав в соединенном их заседании. Оба правительствующих собрания Народного веча вместе с императором, т. е. с его утверждения, осуществляют законодательную власть, но не имеют права изменять конституцию: это право принадлежит народному и державному

---

[45]) Общ. движения, I, стр. 28, 296. *Покровский*, Рус. ист., IV, стр. 331.

[46]) *Семевский*, Полит. и общ. идеи, стр. 452, 454—456, 480 и др.

соборам, специально для того собираемым. В каждой державе правительствующее собрание состоит также из двух палат—палаты выборных и думы, причем члены думы выбираются теми же избирателями, что и члены палаты выборных, и все различие между обеими палатами в отношении их состава заключается в том, что для членов палаты выборных повышенного сравнительно с избирателями ценза не полагается, а для членов думы он установлен в размере владения недвижимым имением минимум в 15 тыс. р. и движимым — минимум в 30 тысяч. Палаты держав имеют законодательную власть в пределах держав. Исполнительная власть в каждой державе принадлежит державному правителю, его наместнику и совету. Правители держав выбираются народным вечем (соединенным собранием обеих его палат) всей федерации на 3 года из кандидатов, составленных правительствующими собраниями держав. Выбор правителя утверждается императором. Правители держав назначают державных блюстителя законов, судей и других должностных лиц. Державный наместник и члены державного совета избираются на 3 года в соединенном заседании палат державы большинством двух третей голосов[47]).

Конституция Муравьева встретила возражения, но в общем и целом она была приемлема для передового слоя среднего дворянства: за это говорили и ее монархический характер, и цензовая система, и, наконец, предлагавшееся Муравьевым решение крестьянского вопроса. Ни в чем так ярко не проявились классовые интересы, как именно в этом последнем проекте: освобожденные крестьяне получали в собственность дворы, скот и земледельческие орудия и „по две десятины земли на каждый двор для оседлости их", т. е. в полном смысле нищенский надел; землю для обработки они могли или покупать в собственность, или арендовать. Батрак с ничтожным наделом—вот аграрный идеал Муравьева. Вообще это был идеал многих декабристов[48]).

Никита Муравьев вообще был создан для роли идеолога: его основной интерес был научный, сюда клонилась его основная тенденция[49]). Но именно поэтому под конец не он стал вождем Северного общества: вождь—не теоретик или не только теоретик, а также и практик, умеющий зажигать и подвигать на действие.

Таков именно и был Кондратий Федорович Рылеев, по психологии и идеологии своей представлявший собою промежуточное звено между средним и мелким дворянством. Рылеев был левее Муравьева: он настаивал, чтобы Муравьев переделал свою конституцию, приблизив ее к конституции Соединенных Штатов, только с сохранением императорской власти, которая, однако, не должна быть больше власти американского президента. Он был противником диктатуры временного пра-

---

[47]) Там же, стр. 456—470. Для популяризации своих политических идей в широких народных массах Муравьев начал писать, но, не окончил особое произведение под названием „Любопытный разговор" (там же, стр. 484).

[48]) Там же, стр. 470 и след., 623—624, 611 и сл.

[49]) *Довнар-Запольский*, Мемуары декабристов (Киев, 1906), стр. XXVI.

вительства и полагал, что выбор формы правления — дело будущего великого народного собора, которому все должны подчиниться [50]).

Служа по выборам заседателем петербургской палаты уголовного суда, Рылеев был известен своей справедливостью и неподкупностью. О нем говорили: „там есть Рылеев, он не дает погибать невинным". Поэзия Рылеева—настоящее боевое романтическое творчество. Он „придал новую окраску нашей лирике и эпосу, стараясь пропитать насквозь гражданским чувством и оду, и послание, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую песнь, и даже песнь любовную". Такие произведения, как „Временщику", „Войнаровский", „Исповедь Наливайки", „Думы" и „Песни", увлекали передовую молодежь. Декабристы не допускали никакого сравнения „свободных" стихов Пушкина с произведениями Рылеева. И этот человек, столь пылкий, искренний, чуткий, энергичный, в своих показаниях выдал всех и сообщил о восстании, готовившемся на юге. Как и почему это случилось? Он не боялся смерти: перед казнью он приложил руку священника к своему сердцу и сказал: „слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего" [51]). Он не был озлоблен на других и не изменил своих взглядов. Не ждал он и пощады. Здесь был другой мотив: Николай, талантливый сыщик, подкупил Рылеева заботами о материальном положении его семьи, которую Рылеев очень любил—семье его император послал деньги. И вот в Рылееве, как в большинстве декабристов, заговорило особое чувство—дворянский point d'honneur: со мной поступают по-джентльменски, мне оказывают услугу,—я должен из чувства дворянской чести сделать то же. Здесь сказалась классовая и сословная психология: ее не удалось преодолеть и декабристам.

Представители мелкого русского дворянства были среди декабристов в гораздо большем числе, чем обыкновенно принято думать. Не говоря уже об Обществе соединенных славян, которое сплошь состояло из дворянской бедноты, сюда принадлежит, несомненно, большинство рядовых декабристов, причем это большинство представляло собою довольно пеструю компанию. Одним из типичнейших представителей большинства является полковник Булатов. Он не был в сущности ни революционером, ни даже конституционалистом. Он был просто честным человеком, возмущавшимся теми безобразиями, которые наблюдал, но из-за деревьев он не видел леса, не умел понять, что дело не в отдельных злоупотреблениях, а во всем режиме в его целом. Он писал из крепости вел. князю Михаилу Павловичу именно об отдельных чертах, подробностях и даже мелочах, валя в одну кучу важное и неважное [52]). Политически-беспомощный, одинокий, потерявшийся, Булатов не нашел другого выхода, как разбить себе голову

---

[50]) *Семевский*, назв. сочин., стр. 472, 489, 428, 508.

[51]) *Котляревский*, Литер. деятельность декабристов („Рус. Богат." за 1904 г.). Из записок *А. Н. Бестужева* („Девятнадцатый век", т. I, стр. 348). *Маслов*, Литер. деятельность К. Ф. Рылеева (Киев, 1912), стр. 73, 106.

[52]) *Довнар-Запольский*, Мемуары декабристов, стр. 253—261.

о стены каземата. От Булатова недалеко уже до тех случайных декабристов, которые в сущности пострадали совершенно невинно от свирепости николаевской расправы. Типичным их представителем был Кривцов. Он был образован, неглуп, не обладал инициативой, случайно попал в военную службу, случайно был принят в тайное общество своим родственником Вадковским, получил каторгу на один год, несколько лет ссылки, службы на Кавказе, вернулся при Александре II и умер в 1864 году в провинции, живя последние годы, как дельный, всеми уважаемый помещик [53]).

Из этой массы заслуживает быть выделенным и особо отмеченным только Петр Григорьевич Каховский, один из пятерых казненных. Он энергично и решительно действовал на площади во время восстания: агитировал солдат, застрелил Милорадовича и Стюрлера, ранил показавшегося ему подозрительным Гастефера. Словом, он едва-ли не один не только стоял на месте, но и действовал, что сближает его по активности с Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, толкавшими Пестеля на решительное выступление задолго до 14 декабря. Николай при горячих речах Каховского о неустройстве родины притворно плакал и сказал ему: „я сам — первый гражданин отечества". И Каховский ему поверил, стал считать ошибкой восстание и измену такому хорошему царю и раскрыл все планы общества. В совершенных им убийствах Каховский, „одинокий, заброшенный и несчастный человек", долго не сознавался. Но его выдали Оболенский, Одоевский и Кюхельбекер, причем правильно или нет, но ему показалось, что они гнушаются этими убийствами. Возмущенный предательством, Каховский признался во всем и рассказал все, что знал о Рылееве, Штейнгеле и других [54]).

В общем, надо все-таки признать, что как ни резки были противоречия между декабристами и их врагами, были, однако, черты, общие обеим сторонам, столкнувшимся 14 декабря. Декабристы были дворяне-землевладельцы, как и их противники,—и отсюда дворянски-монархический, построенный на господстве дворянского землевладения, конституционализм большинства [55]). Они были дети своего времени и определенного круга общества, и потому были проникнуты искренней религиозностью, довольно сильной склонностью к внешнему национализму—борьбе с иностранным костюмом и подражанием иностранным образцам, и, главное, подавляющее большинство их не понимало всей возможности отмены крепостного права, ставило эту реформу в лучшем случае на второй план, а подчас и не простирало своих стремлений в крестьянском вопросе далее уничтожения „злоупотреблений" помещичьей властью, не понимая, что помещичья власть была не чем иным, как сплошным злоупотреблением.

[53]) *Гершензон*, Декабрист Кривцов и его братья (М. 1914).

[54]) *Щеголев*, П. Г. Каховский („Былое", 1906 г., февр., 184—186, 204, 208, 210). *Павлов-Сильванский*, Пестель, 27.

[55]) См., кроме проектов Трубецкого и Н. Муравьева, еще конституцию Батенькова. (*Семевский*, Полит. и общ. идеи дек., стр. 485 и след.).

Особо выделялся из среды декабристов Пестель. Мы имеем целый ряд самых лестных отзывов о Пестеле, исходящих от лиц, его непосредственно знавших и притом часто также весьма выдающихся. Пушкин говорил о Пестеле: „умный человек во всем смысле этого слова,—один из самых оригинальных умов, которых я знаю". Декабрист князь Волконский находил Пестеля „человеком замечательного ума, образования, в сердце которого гнездились высокие и пылкие чувства патриотизма". По Лореру, Пестель „мастерски говорил и умел убеждать, но часто проглядывало в его словах непомерное честолюбие и тщеславие". Отзыв Якушкина гласит: „Пестель всегда говорил умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как в математическую истину". По словам кн. Оболенского, Пестель „отличался умом необыкновенным, ясным взглядом на предметы самые отвлеченные и редким даром слова, увлекательно действовавшим на того, кому он доверял свои задушевные мысли". По Басаргину, „Пестель был человек высокого, ясного и положительного ума. Будучи хорошо образован, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и с таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния". Главный начальник Пестеля, главнокомандующий 2-й армией гр. Витгенштейн, отзывался о нем так: „он на все годится: дай ему командовать армией или сделай его каким хочешь министром, он везде будет на своем месте" [56]).

Для Пестеля было ясно, что большинство членов тайных обществ вовсе не революционно, а самое большее—оппозиционно настроено. Революционерами, кроме Пестеля, можно назвать немногих, сюда относятся: Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев - Рюмин, Рылеев, Каховский, Юшневский, может быть, еще Лунин,[57])—вот, кажется, и все. И потому Пестель много тратил энергии на пропаганду и агитацию и связал свое Южное общество железной дисциплиной. Он, напр., искусно пользовался в целях пропаганды речью Александра I на открытии первого польского сейма, хотя и не верил в ее искренность. Известен рассказ декабриста Поджио в его показании о том, как Пестель внушал ему республиканские убеждения. Даже с Рылеевым Пестель держался осторожной и ловкой тактики разведывания его мнений, чтобы, опираясь на них, завоевать его расположение. Характеризуя Пестеля, необходимо, наконец, отметить, что он не имел ни клочка земли и ни одного крепостного.

Социальные и политические воззрения Пестеля нашли себе выражение в его „Русской Правде". По определению самого Пестеля, „Р. Правда" есть „наказ или наставление временному верховному правлению, а вместе с тем и об'явление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может" [58]).

---

[56]) Записки *С. Г. Волконского*, стр. 408. Из записок *Лорера*: „Рус. Богатство" 1904 г., № 3, стр. 74, 76. Записки *Якушкина*, стр. 23—24. Обществ. движения, I, стр. 237. „Девятнадцатый век", I, стр. 68. *Семевский*, назв. соч., стр. 501.

[57]) См. книжку „Декабрист Мих. Серг. Лунин" (Петр. 1917).

[58]) История России в 19 в., I, стр. 75, 273. *Семевский*, назв. соч. стр. 74—75, 510.

Во введении к „Правде“ определяется, что общество есть всякое соединение людей для достижения какой-либо цели, а государство—такое общество, цель которого—благоденствие (т. е. безопасность и благосостояние) общества и каждого из его членов. Средством для достижения этой цели служит разделение государства на правительство и народ. Народ „имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественнному и частному благоденствию“. Так как „истинной целью государственного устройства должно непременно быть возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве“, то „правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное“, „правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства“. Все, что с этим несогласно, есть тирания или, как переводит это слово Пестель, „зловластие“. На место его надо утвердить законность. В России, где такое зловластие как раз и существует, необходимо, во-первых, совершенное преобразование государственного порядка и, во-вторых, издание полного нового Уложения. Новый порядок не может быть введен сразу,— он должен быть подготовлен. Это и есть дело „временного верховного правления“, которое для своей деятельности, по мнению Пестеля, потребует восьми или десяти лет. Как же должен быть устроен новый порядок?

Первый ответ на этот сложный вопрос Пестель дает в главе „О земельном пространстве государства“. Здесь разбирается вопрос, какова должна быть государственная территория России и какие народности она должна в себе вмещать. При решении этого вопроса надо принять во внимание два противоположные права — право народности, т. е. стремление отдельных народов к политической независимости, и „право благоудобства“, т. е. стремление господствующего в государстве народа к тому, чтобы силы окружающих его малых народов увеличивали могущество его самого, а не какого-либо соседнего государства. Противоречие между этими правами разрешается тем соображением, что право народности может существовать на деле только для тех народов, которые могут его сохранить, и что „право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого-либо тщеславного распространения пределов государства. Таким образом, племена, подвластные большому государству, не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оно для них мнимое и несуществующее“. На этом основании Пестель считает из всех народностей, входящих в состав России, одну только польскую способной сохранить самостоятельное политическое положение при непременных, однако, условиях заключения Польшей вечного союза с Россией, т. е. присоединения польских

войск к русской армии в случае войны и введения в Польше такого же социального и политического строя, какой будет в преобразованной России. Остальные народы, входящие в состав России, должны подчиниться господствующему народу. При этом Пестель высказывается против федерации, потому что, во-первых, верховная власть в федеративном государстве „по существу дела не законы дает, а только советы", во-вторых, федерация ведет к областному сепаратизму. Россия при федерации неизбежно разложилась бы на ряд мелких государств и могла бы утратить не только величие и силу, но и политическую самостоятельность.

Россия должна делиться на 53 области, называемые округами и уделами, каковые разделяются на уезды, уезды—на волости. Для всех частей России должны быть одни политические и гражданские законы; только хозяйственные постановления могут быть различны, а что касается религиозных различий, то хотя Пестель отстаивал господствующую религию—православие, но допускал и другие верования; однако, „все действия их" (напр., многоженство у мусульман), противоречащие духу христианских законов, запрещал. Русский язык должен быть известен всем народам, населяющим Россию. Относительно евреев надо принять меры к уничтожению их обособленности, созвав для совета об этом ученейших раввинов и умнейших евреев, и содействовать основанию евреями их собственного государства в Малой Азии.

В главе, посвященной сословиям, Пестель устанавливает полное равенство всех перед законом и уничтожение сословий. Духовенство должно быть не сословием, а „частью правительства", служащими государства. Дворянство, как сословие, также уничтожается: отменяется крепостное право, дворяне облагаются податями наравне с другими гражданами, подвергаются при преступлениях общим со всеми наказаниям, подлежат воинской повинности; уничтожаются титулы и гербы, хотя никому не запрещается изобретать для себя какие-угодно рисунки. Купеческое и мещанское сословия, цехи и гильдии уничтожаются. Всех казенных и удельных крестьян надо об'явить вольными и распределить их по волостям, при чем земли их в каждой волости разделить на две половины, из которых „одну отдать, под названием общественной земли, в собственность волостному обществу, а другую, под названием казенной, оставить собственностью казны, входящею в состав государственных имуществ". Общественную землю волостное общество не имеет право ни продавать, ни закладывать. Казна же является „в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому казенные земли продавать может". Освобождаются и все помещичьи крестьяне, при чем у помещиков принудительно отчуждается половина земли в собственность волости. Если в имении более 10-ти десятин на душу, то половина земли отчуждается безвозмездно, без выкупа; если более 5-ти и менее десяти десятин на душу, то с частичным возмещением из казенных земель или деньгами из казны; если, наконец, менее пяти десятин на душу, — вознаграждение помещиков из тех же источников должно быть полным. Таким образом,

в конечном счете, половина всех земель должна быть в волостной собственности без права отчуждения, а вторая половина — в частной собственности казны и отдельных лиц. Неверно поэтому говорят, будто Пестель предлагал национализацию половины земли, — он на деле предлагал ее передачу в неотчуждаемую собственность волости, т. е., выражаясь современным языком, скорее всего проектировал ее муниципализацию.

Этот аграрный план Пестель обосновывал следующими соображениями. Одни считают землю общею на основе воли Всевышнего, закона природы и естественных прав человека; другие обосновывают частную собственность на земле трудом, вложенным в ее обработку. Оба мнения, по Пестелю, имеют зерно истины и соединение их даст полную справедливость. Отсюда и проистекает план соединить общественную собственность с частной. Общественная собственность даст народу необходимое—то, без чего нельзя жить, своего рода Existenz minimum, частная собственность—„служит к доставлению изобилия", избытка, богатства. Пестель предлагает и ряд правил пользования той землей, которая будет общественной и окажется в распоряжении волости. Общественная земля в каждой волости делится на участки, обработкой каждого из которых могло бы жить тягло, т. е. муж, жена и трое детей. Участки эти отдаются в пользование членам волостного общества на один год, причем и на последующие годы участок может быть оставлен за тем же лицом. Каждый член волостного общества, все равно — имеет он или не имеет частную земельную собственность, имеет право требовать себе столько участков, сколько пожелает. При этом, если число требуемых участков менее, чем число участков, имеющихся в волости, то все требования удовлетворяются полностью, и оставшиеся участки могут быть сданы в аренду не членам волости. Если требуется участков больше, чем их имеется, то удовлетворяются всегда более бедные, те, кто требует только один участок и не имеет частной земли.

В каждой волости должен существовать для помощи земледельцам волостной банк и при нем страховое учреждение.

Таков аграрный план Пестеля, очень оригинальный и далеко опередивший свое время, хотя, конечно, вопреки высказанным мнениям нимало не социалистический, а аграрно-капиталистический. Его обыкновенно сближают с аграрным проектом аббата Курнана, писавшего в эпоху Великой французской революции [59]). Сравнивая оба эти плана, можно, однако, заметить, что между ними очень мало сходства. Курнан предлагал треть всех земель зачислить в государственный земельный фонд, откуда каждому, при его рождении, нарезался бы участок, необходимый для его существования, и куда этот участок возвратился бы после его смерти. Эти земли оплачивались бы арендной платой в казну. Остальные $^2/_3$ земли должны делиться поровну между всеми уже без всякой арендной платы. Можно сдавать в аренду участки,

59) Так делают *Семевский* и *Покровский*.

но не отчуждать их и не передавать по наследству [60]). Очевидно, в проекте Пестеля мы имеем дело с совершенно оригинальным творчеством.

Что касается народного представитительства, горячим сторонником которого являлся Пестель, то в каждой волости собирается раз в год на шесть дней земское народное собрание из всех граждан, приписанных к волости по гражданскому списку [61]); оно выбирает членов волостных наместных народных собраний, в количестве от 100 до 200, и уездных и окружных собраний по несколько человек—этим функции земского народного собрания кончаются. Волостное наместное собрание раздает участки общественной земли, выслушивает отчет выбираемого им волостного правления, производит выборы волостного правления, занимается всеми волостными делами. Уездное и окружное наместные собрания занимается теми же делами в уезде и в округе, при чем окружные наместные собрания выбирают членов народного веча, выборы в которые, следовательно, являются двухстепенными.

В особой главе излагаются права и обязанности граждан: право собственности, личной свободы и неприкосновенности, право занятия всех должностей, свободы печати, вероисповедания. Свобода союзов Пестелем отвергается: частные общества открытые—бесполезны, а тайные—вредны. Повинности населения в пользу казны бывают, во-первых, личные и вещественные, во-вторых, денежные. Самые тягостные личные повинности—рекрутчина, которая поэтому заменяется всеобщей воинской повинностью, и исправление дорог. Самые тягостные вещественные повинности, подлежащие поэтому при первой возможности отмене,—квартирование войск, продовольствование их жителями, содержание почт и проч. Денежные налоги должны взиматься с чистого дохода. Поэтому подушная подать отменяется. Косвенные налоги на предметы первой необходимости должны быть минимальны [62]).

Этим кончается дошедшая до нас рукопись „Русской Правды". Остальное нам известно по „Государственному Завету", составленному Пестелем, представляющему собою сокращение „Русской Правды" и переданному в Общество соединенных славян. Из „Завета" видно, что в республике Пестеля верховная законодательная власть принадлежит народному вечу, исполнительная—державной думе, блюстительная—верховному собору. Народное вече выбирается на пять лет окружными наместными собраниями, причем ежегодно пятая часть членов веча переизбирается вновь. Народное вече состоит из одной палаты, ведает законодательство, об'являет войну и заключает мир. Издание „заветных законов", т. е. пересмотр конституции, основных законов, не входит в компетенцию веча, а подлежит референдуму — „суждению всей

---

[60]) *Семевский*, Полит. и общ. идеи дек., стр. 536.

[61]) Кроме гражданского списка, т. е. личного списка граждан, приписанных к волости, должен был вестись еще список „скарбовый", т. е. список граждан, имеющих в волости недвижимость.

[62]) „Русская Правда" в изд. Щеголева; *Семевский*, Политич. и обществ. идеи декабристов, стр. 509—542.

России". Народное вече выбирает на 5 лет державную думу из кандидатов, которые выбираются каждым окружным собранием по одному на округ. Державная дума состоит из пяти членов. Она имеет верховную исполнительную власть. Ей подчинены приказы (министерства) и вся вообще администрация. Верховный собор состоит из 120 членов или бояр, кандидаты в которых намечаются окружными наместными собраниями, а из них народное вече выбирает бояр. Бояре исполняют свои функции пожизненно, а функции их состоят исключительно в наблюдении за формальной законностью решений и действий веча и державной думы. В этом и заключается блюстительная власть собора: он утверждает законы, рассматривая их с чисто-формальной точки зрения правильности порядка их издания. Верховный собор назначает из своих членов приказного блюстителя в каждый приказ и областного посадника в каждую из 10-ти областей (область состояла из пяти округов). Приказный блюститель наблюдает за законностью действий приказов, а областной посадник делает то же по отношению к волостным правлениям. Главнокомандующий армией назначается также Верховным собором.

Однопалатная система и Верховный собор заимствованы Пестелем у Дэтю-де-Траси, но и тут, и в других частях плана государственной организации Пестель произвел много оригинальной работы, заимствовал не механически.

Исполнительная власть в областях была поручена управам, назначаемым верховной думой, а в округах, уездах и волостях она была выборной от окружных, уездных и волостных наместных собраний [63]).

Сводя этот план к основным началам, мы видим в нем, прежде всего, рационализм, отвлеченный, математический метод построения; затем—эгалитарность, принцип равенства; далее—централизм и диктатуру временного правительства. Эти черты известны из истории Западной Европы: они составляли душу якобинизма и карбонаризма. Но и якобинцы, и карбонарии были уже не дворяне по духу и направлению, а настоящие, подлинные буржуа. Таким буржуазным идеологом явился и Пестель—самый яркий, крайний пример того, как далеко и глубоко прошли трещины по старой крепостнической дворянской культуре, как рано, хотя еще неширoко, небольшой, узкой, одиночной струйкой началось перерождение русского дворянства в буржуазию.

Н. Рожков.

[63]) *Семевский*, назв. соч., стр. 543–549.

Московские революционные кружки [1].

А. С. Пругавин на заре своей деятельности.

Вслед за общестуденческими волнениями 1869 года и буйной агитацией Нечаева наступило некоторое затишье. Казалось, что протестующее движение молодежи замерло, заглохло совсем, потухли огоньки, погас порыв. Тишь и гладь, казалось, воцарились в высших учебных заведениях, академическая жизнь вошла в свою нормальную колею. Но это только казалось. В начале 1870 г. на арену революционной борьбы выступают в Петербурге почти одновременно несколько революционных кружков. Во главе их—два передовых кружка, во всей красоте душевной полноты и революционного замысла. То были кружки *чайковцев* и *долгушинцев* [2]). От них, как от брошенного в воду камня, разошлись круги по всей России: по Москве, Харькову, Киеву, северо-западному краю и всем университетским провинциальным весям и градам необ'ятной Руси, докатились эти волны и до дальнего востока и юга. Везде и повсюду формируются ячейки, строятся кружки, вырабатывается идеология, намечаются пути действия. Передовая молодежь сосчитала свои ряды, собралась к „шатрам своим“ и сомкнулась в боевой готовности. Будь, что будет!

В Москве, в середине, приблизительно, 1870 года, образовались одновременно два кружка: кружок студентов Московского университета и кружок учащихся Петровской академии, во главе которого стоял Александр Степанович Пругавин. Эти кружки сыграли значительную роль *в подготовительном* периоде революционного движения 70-х годов. Они являются одними из первых „каменщиков“, заложивших основу *сознательной, планомерной* революционной пропаганды. Они накопили первоначально тот горючий материал, который вспыхнул весною и летом 1874 года и зарево которого об'яло чуть ли не всю Россию. Оба кружка, работая самостоятельно каждый в сфере своих влияний, делали, однако, одно дело согласно и по одной программе. Через своих представителей они устраивали периодически делегатские собрания, совещались, сговаривались на счет общего плана действий. К чему они стремились? Каковы были их цели и ближайшие задания?

---

¹) Настоящая статья, составленная на основании материалов третьего отделения собств. его величества канцелярии, представляет собою извлечение из подготовляемой мною к печати работы „Революционные кружки семидесятых годов“.

²) Об них см. „Былое“, №№ 18 и 19, 1922 г.

Ярко и выпукло рисует это их программа, обстоятельно разработанная и снабженная „предисловием“ [3]). Самый приступ „введения“ весьма примечателен: „Цель наша—начинается „введение“—осуществить условия прогресса для русского общества; поэтому мы должны ясно и определенно высказать наши понятия о прогрессе и условиях, необходимых для осуществления его. Мы принимаем в этом случае формулу прогресса Миртова или Лаврова: „цель прогрессивного движения общества заключается в развитии личности в физическом, умственном и нравственном отношениях“.

Какие же главнейшие условия необходимы для вышеуказанной цели? „Развитие личности в физическом отношении лишь тогда возможно, когда она приобретает некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней и постоянных забот делает развитие невозможным и обрекает людей на вырождение. Принимая эти условия, мы смело говорим, что они не выполнимы для громадного большинства трудящегося населения России. Причина такого ненормального положения заключается в ненормальности экономических отношений, основанных на подчинении труда капиталу, на конкуренции и правительственном захвате земель, лишившем земледельцев возможности иметь даже необходимое. Мы на место господствующих экономических принципов выставляем принцип труда и ассоциации, формулируя свой взгляд таким образом. Труд есть основной элемент производства, а потому все его продукты должны принадлежать трудящимся. Орудия производства и земля суть общие достояния труда. А так как успех всякого производства, кроме качества продукта, зависит еще от степени совершенства производительных процессов, которые тем больше, чем обширнее производство, то промышленной единицей мы считаем не индивидуум, а ассоциацию. Проведение в жизнь этих главных принципов и обусловит существование физического прогресса для всех личностей.

„Развитие личности в умственном отношении возможно тогда лишь, когда она выработала в себе потребность критического взгляда на окружающее, уверенность в неизменности космических законов и понимание, что истина и справедливость в своих результатах тождественны с стремлением к личной пользе“. И это условие не имеет места для громадного большинства, задавленного нуждою и не прогрес-

---

[3]) Программа эта взята при обыске у члена организации петровского кружка Трофимовой, которой лично была передана на сохранение Пругавиным. Кем была собственно выработана эта программа, из дел III отд. не видно. Возможно, что она — коллективная работа единомышленников и впервые выработана чайковцами в Петербурге. По крайней мере Натансон передавал мне, что будучи еще за границей, он с Лавровым набросали в общих чертах программу пропаганды, предпослав ей и обобщающее ее предисловие.

Программа же эта, как сейчас увидим, вся насквозь пропитана лавровской философией: его формула прогресса, его терминология. Возможно, что это именно та программа, о которой мне в ссылке говорил Натансон. Чайковцы обработали ее и пустили в обращение среди молодежи в Петербурге. Я хорошо помню, что подобная программа действительно циркулировала среди нас. Вероятно, она в таком виде была переслана московским чайковцам, а последние передали ее петровцам для руководства.

сирующего еще физически, не имеет места и для того меньшинства, которое пользуется достатком, но пристрастно к рутине по крайней ничтожной доле знания, распространенного в нем. Следовательно, как поборники прогресса, мы должны стремиться к полному осуществлению этого условия, а пока выполнять его недостаток распространением знаний и пропагандой идей всеми способами.

„Развитие личности в нравственном отношении только тогда возможно, когда общественная среда позволяет: 1) вырабатывать убеждения и 2) отстаивать их, живя согласно их". Ничего подобного в нашем обществе нет: для громадного большинства нет возможности вырабатывать убеждения, а для людей, выработавших себе убеждения, нет возможности их отстаивать. Только некоторые, сводящие главным образом отстаивание своих убеждений на стремление вместо существующих общественных форм и отношений поставить условия возможного прогресса—для этих и только для этих еще возможно нравственное развитие. А так как реализация такого нашего стремления приводит нас неизбежно к столкновению с враждебной нам, давящей всякий прогрессивный шаг общества, силой, выражением которой служит охватывающая нас форма — абсолютная монархия, то и главные наши силы должны так или иначе направиться на борьбу с этой силой (разрушая конечно ее содержание) и противопоставить ей другую силу, форма которой будет *наша партия.*

Существующая форма еще так крепка, что борьба с ней возможна только при коллективном действии недовольных ею людей; иначе все единичные их силы разлетятся вдребезги. Отсюда вытекает необходимость организации партии свободы, партии, члены которой должны, не взирая на личные расположения, несогласия в мелочах, крепко держаться друг друга и всеми силами помогать друг другу в достижении того существенного стремления, которое их соединило.

„Воплощение в общественные формы истины и справедливости предполагает: а) возможность обнародования ученых и философских истин и выводов; b) известный минимум общего образования для сознательного отношения к этим выводам и, наконец, с) сами общественные формы должны быть таковы, чтобы допускали изменение в себе сообразно требованиям истины и справедливости". Первое требование можно удовлетворить тайным распространением запрещенных сочинений, заключающих новые философские выводы. Второе целиком относится к образованию, а третье не может быть осуществлено до коренного изменения всего существующего строя. Это главный пункт, это главная цель наших стремлений. Но, ведь, враг силен, следовательно, и нам нужна сила; враг организован, следовательно, и нам нужно организоваться, нужна организованная сила. Но как вести борьбу? Этот вопрос находит себе два ответа. Первый говорит, что все наши помыслы, все наши усилия должны быть направлены только на изменение коренной общественной формы, но так как сознание негодности ее дело уже сравнительно развитого ума, стало быть активное и сознательное участие в перевороте должны и могут

принять только образованные или полуобразованные классы; масса же, народ, возбужденный каким-нибудь насущным, близко его касающимся вопросом, напр., поземельным, будет только простым орудием для достижения политической свободы. Но так как против этой истины, что каждой переменой только пользуется тот, кто понимает и кто сознательно в ней участвует, никто спорить не будет, — то ясно, что такой переменой могут воспользоваться так называемые образованные классы, т. е. разного рода буржуа, а народу своей доли придется ждать еще очень долго. Поэтому бросили первый ответ и перешли ко второму, который гласит: будем способствовать теперь по возможности прогрессивному ходу общества, будем растаптывать уважение к отживающим формам и вводить в сознание общества новые принципы, будем развивать наши новые требования истины и справедливости, и когда требования эти будут настолько сильны, что мы будем в состоянии бороться с монархией, или с'организовать эти новые прогрессивные элементы, об'явить войну всему старому и на развалинах водрузить новую форму общественного устроения, основанного на полном самоуправлении, на всеобщем участии народа, мужчин и женщин, в решении общих вопросов, на принципе федеративной республики с девизом демократического социализма.

Как же создать такую организованную силу? „...Лучшие умы говорят: для успеха деятельности прогрессивных критических личностей необходимо, чтобы действия их были направляемы одним и тем же планом и программой. Деятельность русских прогрессистов может быть определена следующим кратким выражением: распространение полезных знаний и условий для начала самоуправления во всех слоях общества.— Русское общество состоит, главным образом, из трех больших отделов или слоев: образованного, рабочего и сельского. Образованный слой есть часть общества, которая обеспечена. Рабочий слой составляет ту часть мускульных работников, которым приходится работать скученно на малом пространстве. В противоположность этому сельская часть общества представляет нам тружеников, разбросанных сущностью занятий на большом друг от друга расстоянии. Если и приходится сойтись большой массе поселян на одно место для работы или на ярмарку, то не надолго.

Но не одни эти условия делают эти слои различными, непохожими друг на друга. Степень развития, образ занятий, положение в государстве и много других условий способствуют этому; для прогрессивной деятельности в этих трех классах нужны различные приемы, нужны деятели различной подготовки.

Теперь яснее видна логическая необходимость дифференцирования видов деятельности и самих деятелей, т. е. их подготовок.

Итак, прогрессивные деятели распадаются, в отношении деятельности, на три различные группы. Это—первая ступень дифференциации. Затем каждый отдел в свою очередь распадается еще на специальности, которые требуют также нескольких различных приемов с различными подготовками деятелей. Для этого каждая группа составляется

из кружков, уже неделимых. Эти кружки, составленные пока из членов класса образованного, составляют союз людей для деятельности по известной раньше определенной программе и с определенным разделением труда. Назовем эти кружки *кружками для самообразования и практической деятельности.* Связь между кружками, состоящими из „кружков самообразования и практической деятельности“, служит *общее собрание* из депутатов каждого кружка. Этому собранию принадлежит непосредственно обязанность заведывать кассой, принадлежащей всем трем группам действия. Она составляется из добровольных взносов кружков самообразования и практической деятельности и служит для осуществления тех практических дел, которые касаются всех кружков“.

Таковы теоретические предпосылки этой программы, намечающие конечную цель, ближайшие задания и форму деятельности среди главных трех групп населения. В дополнение к этим основным трем кружкам деятелей намечается еще программой группа для организации „территориальных кружков“. Назначение этих последних—подготовка и выработка сознательных элементов среди учащихся средне-учебных заведений (гимназий, семинарий и проч.). Это — будущий резервный фонд революционных деятелей для пополнения возможной убыли, по тем или другим причинам, в рядах активной армии.

Итак, конечная цель — разрушение старого строя, покоящегося на эксплоатации человека человеком, и построение на его развалинах нового на началах федерализма с девизом демократического социализма.

Средство для этого — сплочение разрозненных, распыленных сознательных активных единиц в одну солидарно-построенную партию,— *партию прогрессивных деятелей, народную партию.*

Далее следует детальная разработка методов действия каждой из трех групп (кружков) среди интеллигенции, рабочих и крестьян. Пред нами развертывается широкая об'емлющая в культурно-просветительном, освободительном и революционном отношениях программа (кассы взаимопомощи, сопротивления, кооперативы, производительные ассоциации, школы, библиотеки, читальни, чтение лекций, издание газет и народных книг по разным вопросам текущей жизни как отечественной, так и заграничной; охрана детского и женского труда; организация стачек, подача петиций, посылка ходоков, и т. д., и т. д.). Требования и задания разнообразно конкретизируются сообразно особенностям различных групп населения. — Так готовилась молодежь выступить на новый путь — основательно, серьезно, вдумчиво. Все, по возможности, предусмотрено, всякие положения и вытекающие из них действия. Читая эту программу, особенно тактический ее отдел, не верится, что писали это юнцы в возрасте 19—20 лет. Но этого еще мало. В программе имеется еще особый отдел, который дважды повторяется—и при работе среди городского населения, и в крестьянстве. Отдел этот очень характерен для умонастроения и жизнеощущения тогдашнего молодого поколения.

Этот отдел озаглавлен лапидарно: „*деятелю необходимо*“. Что же именно необходимо по категорическому императиву молодежи? Необходимы: 1) „Практические знания по наукам природы и общества, 2) практичность в делах (верткость и знание жизни), 3) нравственная выдержка (аскетизм, энергия, стойкость и присутствие духа), 4) безусловное полное подчинение себя идее солидарности, 5) специальные знания, дающие общественное положение. А деятелю в крестьянской среде, кроме того, еще необходимо: 6) знание того ремесла (технического, педагогического и т. п.), которое может дать удобное положение официальное и доступ к крестьянству“.

Из таких именно элементов рекрутируются „деятели в рабочей среде“, организуются „специальные кружки народников“, члены которых „после общего теоретического образования главное внимание свое обращают на изучение крестьянской жизни по отношению к промышленности (сельскому хозяйству, общественному устройству), землевладению, суду, администрации, земству, высшей администрации, церкви, расколу (Евангелие в тонкости), народному образованию, гражданским и уголовным законам“. Это—подлинная энциклопедия теоретических и практических знаний. Перед нами не секта, замкнувшаяся в застывших идеологических построениях, а *народная партия* in spe, живая, эластическая, диалектическая. Она то и дело прислушивается к трепетному дыханию живой жизни, нащупывает внимательно пульс ее, где, что и как надо видоизменить свою тактику, приспособить, не нарушая основоначал, свою идеологию. Не зеленые юноши, „мальчишки“, выступают на арену общественно-политической борьбы, а зрелые, вдумчивые „деятели прогресса“ в возвышенном смысле этого слова.

Хроникер Третьего отделения собств. его велич. канцелярии часто отмечает меланхолически, что молодежь ведет дело весьма конспиративно. Собирается-де она лишь небольшими группами, так что эти собрания ускользают из сферы наблюдения и досягаемости властей; переписываются осторожно, большей частью „по оказии“; по почте посылаются письма, большей частью зашифрованные весьма сложным ключем, вскрыть который с трудом удается и специалисту по этому делу (шифр так заинтересовал Третье отделение, что оно преподнесло его, как раритет, в докладе Александру II). Организация зорко следит за своими членами, посещающими общие собрания и литературные вечера; не все посвящены в подробности, одним словом хотя тайного общества, может быть, еще нет в полной законченности, но все строительные его элементы, без сомнения, уже готовы. Эти замечания третьеотделенского летописца—не продукт фантазии, а верный нюх опытного в делах сыска, выработанный многолетним опытом в процессе самообороны. Чует III отделение, что что-то надвигается тревожное, но неуловимое, как тень, тяжелое, как кошмар...

Пругавину было не больше 19-20 лет, когда возник его кружок. Вот каким он рисуется: высокого роста, стройный, с серыми, холодными глазами; сдержанный, серьезный он импонировал своей душевной красотой; помор, от него веет величием северной природы, он мало

говорит, а много делает и делает основательно, обдуманно, решительно; кремень—холодный он, а ударьте—искры сыпятся. Вокруг него группируется небольшой инициативный кружок. Аносов, Орлов, Попов, Обухов, Орехов, Колесов, Каширский, Космовский, Дическуло, Садовский, Эдемский, Завальевский, Арбузов, Маньковский, Чеботарев, Тяжельников и братья Лесевицкие окружают его тесным кольцом в общей дружной работе. Но первую скрипку играют Пругавин и Аносов. Организуется касса взаимопомощи, библиотека, читальня, литературные вечера, периодические сходки, открываются потребительская лавка и столовая.

Сходка—это высшая инстанция, куда направляются все жалобы, тяжбы молодежи с ближайшим, прежде всего, академическим начальством. Сходки (в 40—50 чел.) участились, когда возникли трения между слушателями академии и ее директором. Столовую посещали посторонние, мужчины и женщины, что было прибыльно для студентов во всех отношениях; это давало возможность улучшить пищу, увеличить % отчисления от прибылей в Петровскую и общестуденческую (ради разных конспиративных целей) кассы. Директор наложил veto на свободный доступ женщин, а от мужчин потребовал, чтобы они каждый раз расписывались в нарочито заведенной книге при столовой. Решено было опротестовать постановление директора на имя министра государственных имуществ. Протест, действительно, за коллективной подписью всех слушателей был подан директору. Последний вынужден был принять протест, но... положил его под сукно. Студентам это стало известно и недовольство возросло. Сходки участились и приняли бурный характер. Кружок Пругавина воспользовался этим приподнятым настроением товарищей, чтобы придать академическому движению желательное направление: академическое движение явилось благоприятной операционной базой для пропаганды и для рекрутирования новых адептов (в ноябре 1870 г. были четыре сходки, в январе и феврале 1871 г.—три).

Параллельно устраивались литературные вечера (в декабре 1870 г. три вечера, в январе и феврале 1871 г. два). Литературные вечера—это лаборатории, в которых вырабатывается мировоззрение и идеология молодежи. Тут же намечаются и наиболее сознательные и твердые элементы для предстоящей работы. Здесь речь шла уже не об академических делах, а обсуждались жгучие проблемы русской действительности; конкретные факты бесправия и гнета обобщались и освещались с точки зрения существующей системы государственного управления и основных начал современного государственного устроения. Как ни бестолково, казалось, проходили дебаты, но из внешнего беспорядка в последнем результате всегда выкристализовывалось определенное решение, преобладающее *общественное* мнение. Его формулировать можно: так дальше жить нельзя! Что же делать? Надо приобщить массу к активному движению. Что это значит?

Прежде всего освободить ее от гнета капитала и самодержавно-бюрократического порядка. Но как? Надо выработать в ней ясное

сознание своего положения, напрячь все силы, чтобы выработать живые элементы такого сознания. Народ не сознает своей силы, он распылен. Надо, следовательно, сплотить его, связать его единой целью и единым стремлением. Это значит: надо создать ядро народной партии. Вопросы эти хотя и дебатируются страстно, но не вызывают разногласий. Все согласны в том, что цареубийство—потерянная трата революционной энергии, что в результате этой траты может быть лишь замена имен: вместо Александра будет Николай или Иван... Это не подлинная борьба за освобождение народа, а лишь иллюзия борьбы. Постепенная, упорная выработка сознательных протестующих элементов и сплочение этих элементов в активную силу — вот подлинная работа в массе. Было решено, чтобы члены организации в каникулярное время делали шаги в провинции именно в этом направлении. Пусть это будет пока рекогносцировка; надо прежде всего познакомиться со средой, с ее языком, навыками, назревшими требованиями. Все согласны: другого пути нет. В начале было Слово, а потом Дело. Слово будет той искрой, от которой займется пожар.

На литературных вечерах, кроме того, читались рефераты и разные сочинения по рабочему вопросу у нас и за границей, по истории революционных движений. Летописец III отдения отмечает, между прочим, Бокля, Лассаля и Флеровского („Положение рабочего класса в России").

На литературных вечерах было решено выписать сочинения Лассаля и Флеровского для распространения их среди молодежи средне-учебных заведений в провинции, также и среди народных учителей. Одновременно кружок Пругавина вошел в тесные отношения с центральным университетским кружком и вместе с тем завел пропаганду среди учащихся Духовной академии, духовных училищ и семинарий. Пругавин и Обухов вели пропаганду среди служительского персонала Петровской академии. Третье отделение с негодованием отмечает, что Пругавину и Обухову удалось уже завербовать среди служителей двух последователей и заразить их своими тлетворными идеями до того, что „те в настоящее время отзываются о Правительстве и об особе Государя Императора весьма дерзко". Таковы первые шаги петровцев по пути практической деятельности. Это, конечно, капля в море, но и за эту каплю вскоре пришлось петровцам испить чашу горя.

Третье отделение очень подозрительно относилось к академии. Отделению мерещилось, что там не только витает тень Нечаева, но сам Нечаев во плоти. На донесениях агента третьего отделения, устроившегося в академии в качестве слушателя, красуется тревожная надпись: — „Николай Иванович? в синих очках? горячий сторонник пропаганды в народе? советует иметь при себе оружие во время обыска? да не Нечаев ли это?". И вот третье отделение решило взяться за академию вплотную. Там, правда, имеется уже один слушатель-агент, но надо усилить „скрытный надзор". С этой целью отделение входит в переписку с министерством государственных имуществ об ассигновании некоторой суммы из средств академии на содержание еще двух агентов, и с „Высочайшего соизволения" ассигнуются 700 руб. в год

для усиления „скрытного наблюдения“, т. е. приглашаются два помощника экзекутора [4]).

Слежка за петровцами началась по всем правилам третье-отделенской тактики. Слезкин, начальник московского губернского жандармского управления, оказался вполне на высоте своего положения. Выуживается все, что только чуть-чуть пахнет крамолой. Донесения Слезкина летят одно за другим. Он бьет тревогу.—„Организаторы весьма энергичны и до крайности скрытны“,—горько жалуется Третьему отделению Слезкин и требует энергичных мер: „...произвести самый строгий внезапный обыск, арест... и выслать в более отдаленные губернии под надзор полиции и жандармского ведомства главных зачинщиков“. В заключение он замечает, что наблюдение в среде слушателей академии представляется крайне неудобным (это-то при трех осведомителях и одном еще добровольце!), так как директор академии предупредил их, что в Петербурге все уже стало известным.... „Слушатели академии Пругавин, Аносов и Орлов назначили своих агентов и знают, что в их среде есть агент от жандармов, что он получает жалованья около 60 р. в месяц, строго следят за всеми, бывающими на сходках и литературных вечерах, записывают фамилию каждого и затем наблюдают, где бывает в Москве; поименованные слушатели заявили своим товарищам, что если они откроют агента, то поступят с ним так же, как с Ивановым, убитым в 1869 году...“ (Иванов убит Нечаевым).

Третье отделение, конечно, охотно пошло навстречу Слезкину, но оно находит, что обыск ни к каким положительным результатам не приведет, иное дело высылка главарей из Москвы. По соглашению с министерством внутренних дел, решено 8 человек исключить из академии и выслать на родину под надзор полицейских и жандармских властей, что собственно и предполагал Слезкин. Отделение лаконически заключает:—„...Если же и за удалением этих лиц должный порядок не установится в Академии, то мера заключения может быть применена и к другим студентам“.

Пругавин был назначен в Шенкурск (Архангельск. губ.). Но ввиду того, что отец Пругавина, штатный смотритель Холмогорскаго уезда, жил в Архангельске, Третье отделение отправило его в Архангельск к отцу, под строгий надзор. Для Пругавина наступили годы гонений и лишений. В марте 1872 г. Пругавин был перемещен в Кемь. Почему? Пругавин-де вел пропаганду среди местных учеников гимназии и духовной семинарии, поместил резкую корреспонденцию в „Новом Времени“ о порядках в семинарии и, наконец, распространял среди окрестного крестьянства книги. То были легальные издания „О деньгах“ (Черкесова) и „Артели рабочих для основания фабрик и мастерских“. Но это еще не вся вина Пругавина, есть за ним один и наибольший из смертных грехов: „Он, Пругавин, друг известного Натан-

[4]) Историко-революционный архив, дело № 81, 1870 г., 3-я эксп. Отношение управл. минист. госуд. имуществ на имя III отд. от 17 июня 1870 г., за № 45, и отпуск отношения III отд. на имя начальника московской губ. жандармского управл. от 10 сентября того же года за № 1511.

сона, деятельность которого по распространению книг и брошюр вредного социального направления вздумал продолжать в Архангельске". Какой ужас!

Пругавину ссылка в Кемь дорого стоит. Он тяжело заболевает легочным процессом. Дальнейшее пребывание его на севере смерти подобно. Пругавина назначают в Воронеж (январь 1873 г.). Отец вскоре стосковался по сыне. И вот Пругавин-отец (сентябрь 1873 г.) просит III отделение освободить „первенца" его от полицейского надзора, „предоставив ему свободу для окончания образования, чтобы он современем мог быть полезным своему отечеству и верным слугой Всеавгустейшего монарха". Молодой Пругавин, несомненно, ничего не знал об этом шаге своего старика-отца, этого пасынка жизни, скромного чиновника-труженика. Отец обращается и к бывшему архангельскому губернатору Качалову (лично знавшему хорошо Пругавина-отца) с просьбою походатайствовать перед III отделением за сына. Качалов исполняет просьбу Пругавина и посылает частное письмо шефу III отделения, прося последнего, во уважение несомненных „заслуг отца, обратить на заблуждения молодого человека... внимание". На полях прошения Пругавина-отца пометка карандашем: — „Запросить генерала Слезкина о последствиях дознания в отношении к Пругавину". Слезкин уведомил: „... Александр Пругавин к делу дознания, производящегося в настоящее время во вверенном мне управлении, еще пока не привлечен". Затем следует упоминание о старых грехах Пругавина, когда он состоял еще слушателем в Петровской академии. И только. На полях этого донесения пометка карандашем рукою, повидимому, самого Шувалова: „В случае согласия отца поручиться за сына, можно снять надзор с тем, чтобы отец сообщал нам о месте нахождения сына" [5]). Лед тронулся. На горизонте молодого Пругавина, казалось, блеснул луч свободы. Но не надолго. Что же случилось? III отделение запросило, как полагается, начальника, воронежского губернского жандармского управления. Последний донес, что Пругавин организовал кружок молодежи в Воронеже, вел деятельную пропаганду среди учителей и учительниц, а особенно учительниц школы Бунакова. Начальник губернии по этой причине выслал Пругавина в уездный город той же губ. Коротояк, а учительницы Бунаковской школы устранены от должности. Предположенное освобождение Пругавина от надзора полиции было аннулировано. Пругавин оказался у разбитого корыта.

Проследим дальнейшую судьбу Александра Пругавина в ссылке. Колесо жизни прошло через него, но не раздавило его.

... благодатна
Всякая буря душе молодой,
Зреет и крепнет душа под грозой.

Окреп и Пругавин, твердо стал на ноги, энергично и неустанно шествуя по избранному им еще в академии пути. Но отец его не успокаивается. Он снова ходатайствует через Качалова, пытается еще

---

5) 1873 г., дело № 52, ч. 2.

раз'яснить, нет ли здесь недоразумения, ошибки какой-либо... Качалов по собственному административному опыту хорошо знает, какие нередко бывают роковые последствия, благодаря „маленьким недостаткам механизма“ и он снова тактично просит Шувалова навести „справки“... И III отделение снова запрашивает начальника воронежского жандармского управления. Последнее дало такой ответ: „...Александр Пругавин по прибытии из Архангельска в Воронеж под надзор полиции сначала сблизился с быв. студентами Петровской Земледельческой академии Ланге и С.-Петербургского университета Серафимом Шашковым... Ланге по приговору Особого Присутствия Судебной Палаты за участие в деле Нечаева выслан под надзор полиции, а Шашков по делу о покушении 4 апреля 1861 года на жизнь Государя Императора, с последним Пругавин бывает в переписке, как уведомил Коротоякский уездный исправник, и по настоящее время. Впоследствии Пругавин завел знакомство не лучше Ланге и Шашкова, а именно с состоящим под надзором полиции отставным губернским секретарем Петром Ефименко, семинаристом Ефимовым и гимназистом Верстаковым, затем совершенно неблагонадежными девушками-гимназистками Алтуховой, Почтеновой, Павленковой и Левиной (по мужу Янович). Всматриваясь вообще в жизнь Пругавина совершенно беспристрастно, оказывается, что он все время имел знакомство с самыми неблагонадежными и, находясь в Воронеже, был во главе их... Об'яснив вышеизложенное Вашему Превосходительству, считаю обязанным представить мое мнение, что перемещение Пругавина из Воронежской губ. в Архангельскую крайне необходимо, во-первых потому, чтобы разорвать знакомство с указанными выше лицами, во-вторых, что там можно будет передать его отцу на особое попечение, вменив при том в обязанность как полиции, так и чинам корпуса жандармов иметь за ним по прежнему строгий надзор, освободить же от такового, вследствие вышеупомянутых поступков, я признаю совершенно невозможным“ [6]).

Пругавин—bête noire в глазах местных властей. И вот начальник воронежского управления снова бьет тревогу. Он обращается в III отделение с донесением с приложением писем Пругавина к Ядринцеву, Ушарову и Натансону, присовокупляя, что „следовало бы сделать осмотр: как у Натансона, так и у Шашкова и Ефименко, так как по всему вероятию они имеют свои библиотеки подобно Пругавину“.— Одновременно и воронежский губернатор находит необходимым обратный перевод Пругавина в Архангельск, тем более что „Пругавин пользуется прекрасным здоровьем и климат Архангельской губ. едва ли может влиять на его молодой, полный сил организм“. Но III отделение оставило его на прежнем месте, усилив надзор как за ним, так и его знакомыми. Что же делал Пругавин? Молодежь уже тогда сознавала необходимость обосноваться так или иначе в местном самоуправлении, как операционной базе для своих начинаний. И Пругавину удается вскоре познакомиться с предводителем дворянства,

---

[6]) См. донесение начальника воронежск. губ. жанд. упр. от 8 января 1874 г. за № 27, дело № 218. Сведения по Воронежск. губ. 1873 г., 3 эксп.

который готов содействовать Пругавину, но необходимо разрешение губернатора. Сам-то губернатор, повидимому, и не прочь „уважить“ предводителя, но здесь необходимо дозволение министра внутренних дел. И губернатор, вдруг забыв о своих страхах, ходатайствует (1874 г.) о допущении Пругавина на службу в земскую управу. Но III отделение, обладая хорошей памятью, не только резко отклоняет ходатайство губернатора о допущении Пругавина на службу в управу, но вообще „на какую бы то ни было службу“ и „подымается вопрос о переводе Пругавина в Архангельскую губ., так как он совершенно здоров“ — III отделение усмотрело в намерении Пругавина поступить на службу большую опасность. Министерство выражает свое согласие и делает распоряжение о переводе Пругавина в Архангельскую губ. Но все же по ходатайству отца Пругавин был оставлен на старом пепелище. Он получил частным образом место у предводителя дворянства, а потом поступает в земскую управу и воинское присутствие в качестве секретаря. Он получает в общей сложности 1400 руб. Это положение, связи с местными людьми ему нужны для кардинальной его цели — для дела пропаганды. Он продолжает работать среди молодежи. Он сходится с учительницей Нашивочниковой, с женой непременного члена по крестьянским делам присутствия Л. И. Троцкой и поднадзорным Кузьминым, организует кружок и библиотеку, которую пополняет своей собственной. Начальник жандарм. управления сообщил (1877 г.), что в кружке проявилась цель разврата, основанного на идее нигилизма, отрицания религии, семьи и супружеской жизни... Такие „безнравственные“ поступки Пругавина вынудили исправника просить о возвращении Пругавина из Воронежской губ. на родину в Архангельскую, так как здоровье его вполне поправилось... Губернатор же, ввиду вышеизложенного, предложил местному предводителю дворянства отрешить Пругавина от занимаемых им должностей и вошел в мин. вн. дел с представлением о высылке Пругавина обратно в Архангельск [7]).

Пругавин был отправлен в Архангельскую губ. Заноза вынута, наконец, из тела воронежской полицейской и жандармской власти [8]).

Прошло два слишком года. О Пругавине летописец III отделения ни слова, словно канул Пругавин в воду и след его простыл. Лето-

[7]) См. донесение нач. воронежск. губ. жанд. упр. в III отд. от 27 мая 1877 г. за № 164. Дело № 173, 1874 г. 3 эксп. Сведения по Воронежск. губ.

[8]) В деле № 173, 1874 г. 3 экс. Сведения о Воронежск. губ. Имеется донесение в III отд. нач. воронежск. губ. жанд. упр. от 4 августа 1876 г. за № 343, в котором, между прочим, говорится о состоянии умов в Воронежск. губ. следующее: — „Лица, находящиеся под надзором полиции, живут спокойно, за исключением находящегося под надзором полиции в г. Коротояке бывшего студента Александра Пругавина, который, как дознано, позволяет себе заниматься адвокатурой, защищая дела в мировых учреждениях, а также высылкой в Воронежские местные газеты различных статеек. Имея в виду неблагонадежность названного Пругавина, я 3 июля сего года довел об этом до сведения и. д. воронежского губернатора, который предписал Коротоякскому уездному исправнику следить за действиями г. Пругавина“. На полях надпись карандашем: — „Уведомить полковника Мезенкампера, что Пругавину не должно быть дозволено заниматься адвокатурой“.

писец занят теперь новыми людьми. Их много, много. Все они захвачены тем же порывом, что и Пругавин, они борются за свое дело, защищаются, нападают... Прошло восемь лет, а дело Пругавина не только не заглохло, а ярче, полнее, глубже развертывается. Что, же однако, делается с Пругавиным, этим пионером движения 70-х годов? Все ли он в Архангельске в ссылке, „под строгим надзором“ в родном краю? Он там еще „под полицейским надзором“. Так гласит „последнее сказание“ Нестора—летописца III отделения. Мы называем его последним, ибо оно, действительно, для блага Пругавина оказалось „*последним* сказанием“. Оно говорит: — „Пругавин во все время пребывания его в г. Архангельске со времени перевода его из Воронежской губ., ведет себя вполне безукоризненно и в настоящее время заведует делопроизводством Архангельского по военной повинности присутствия и по удостоверению председателя присутствия Пругавин обращает на себя внимание полным знанием дела и вполне похвальным поведением как в нравственном, так и в служебном отношениях“. Такова аттестация начальника губернии, возбудившего ходатайство о предоставлении Пругавину права государственной службы, каковое было удовлетворено (1879 г.), при чем Пругавин был освобожден от надзора и ссылки.

Итак, Пругавин провел в ссылке с 1871 г. по 1879 г. — восемь самых лучших, светлых, жизнерадостных годов. Но природа одарила Пругавина большим запасом творческих сил: физической выносливостью, серьезным пытливым умом, чутким, благородным сердцем и твердою волею. Волею к познанию „истины и справедливости“, волей к благородным порываниям, волей к воплощению в общественные отношения этих начал „истины и справедливости“. На студенческой еще скамье он проникся этими идеями и стремлениями и перевоплотил их в живое дело жизни—в *народное* дело.

Пругавин вынес свое мировоззрение и жизнеощущение из 70-х годов, этих славных годов Sturm'a и Drang'a нашей передовой молодой интеллигенции. Он вышел из этих годов, как Минерва из головы Юпитера—во всеоружии идейной, эмоциональной и волевой целостности и гармонии. Дитя сурового севера, он является подлинным воплощением этой целостности и гармонии. К этому стремился всей душой еще Пругавин-юноша, этому credo оставался неизменно верен и в зрелом возрасте, как один из благороднейших представителей „третьего элемента“ в земстве, как добросовестный, вдумчивый наблюдатель запросов народной массы, как, наконец, серьезный исследователь новых течений раскола в среде русского народа. Пругавин-юноша и Пругавин в зрелом возрасте один и тот же человек: *социалист-народник.*

Закончу очерк о юных годах Пругавина некоторыми моими о нем воспоминаниями. Эти воспоминания—одна из светлых страниц книги моей собственной жизни.

С Александром Степановичем я впервые познакомился в 1901—1902 году, когда он переехал на жительство в Симбирск для изучения какой-то разновидности раскола в этой губернии. Он навестил меня в Карамзинской колонии для душевно-больных (в 9 вер. от Симбирска), где я состоял ординатором этой колонии. Я увидел мужчину уже зрелых лет высокого, представительного с значительной уже сединой в волосах на голове и в бороде, с серыми, слегка потухшими глазами, но удивительно углубленными и вдумчивыми, с лицом мыслителя, с выражением спокойствия, уравновешенности и твердости. От него веяло целиной. Что-то родственное с В.-Г. Короленко бросилось мне в выражении его лица, будь оно лишь мягче, нежнее. У нас было много общих знакомых, много общих дорогих воспоминаний и переживаний. Много также дорогих теней. Ведь мы оба — дети одного поколения, родили и вскормили нас те же семидесятые годы, те же идеи, цели и стремления. Мы—братья по духу, а потому и наша первая встреча, наша первая беседа были подлинно братские. Я сразу убедился, что Пругавин остался верен себе. О чем мы говорили в первую нашу встречу? Да о чем же могут говорить братья по духу?... Мы безбоязненно переоценивали старые наши ценности, сохранили то, что было в них вечного и нетленного.

Мы во многом были согласны, хотя он неизменно стоял на народнически-социалистической точке зрения, а я тогда уже был горячим сторонником революционного марксизма. И это-то именно особенно мило-дорого было мне в Александре Степановиче. Не был он сухим догматиком, у которого чутье живой действительности вытравлено. Его идейная устойчивость не была окостенелостью, неподвижностью мышления. Нет! она целиком вытекала из особенностей его духовной организации: раз он что-либо восприял, он уж не легко выпускает это из своего духовного содержания. Но честность его мысли, глубина восприятия делала его чутким к пониманию действительности, восприимчивым к новым течениям мысли и практики. Он словно не переставал учиться. Вот почему так хорошо было говорить с ним, вот почему наши воскресные „ассамблеи" были так поучительны и интересны. Обыкновенно собирался у него небольшой кружок местной интеллигенции. Были между нами и представители новых течений—эсеры и социал-демократы. Благодаря присутствию Ал. Ст., его терпимости, уравновешенности, чувствуемому нами всеми стремлению его к выяснению истины и только истины,—беседы наши, горячие наши споры носили серьезный характер. Собеседники были все люди, вполне установившиеся уже, они ценили свои взгляды и даром порох не растрачивали. Тяжелое тогда было время—царство тьмы, но уже тогда чуялось, что на нас надвигается что-то большое, мощное, грозное и, вместе с тем, светлое.... А потому собеседники считали себя ответственными за свои мнения, с которыми, может статься, вот—вот придется им публично выступать, защищая их перед аудиторией рабочих масс. И присутствие светлого спокойствия и мудрости Александра Степановича особенно давало себя чувствовать, как напоминание

о важном моменте, где все личное должно осыпаться.... Я с большим удовольствием вспоминаю об этих „ассамблеях“ у Ал. Ст. Хорошо, легко, свободно чувствовалось в его особняке: уют физический и духовный! И еще скажу. Как часто в результате нашего обмена мыслей оказывалось полное согласие мое с Александром Степановичем! Это так. Интересны отношения Ал. Ст. к террору. Я буду близок к истине, если я их сформулирую так: партия, опирающаяся на трудовые массы, не нуждается в индивидуальном терроре. Зарождение террора—верный симптом уже начинающегося распадения партии, потери ею рабочих масс, как операционный базы. И ее выступления не есть уже выступление партии, как *таковой*, а лишь проявление самодовлеющей, на свой страх и риск действующей организационной силы. Такая сила не всегда может расчитывать на успех. Успеха можно ждать только от организации *масс*. Вот почему Ал. Ст. был против террора.

Я вскоре оставил Симбирск, получил место в Вологде. Накануне моего от‘езда я вечер провел с Ал. Ст. Пароход стоял очень далеко за городом и отходил рано. Мы попрощались очень тепло. Когда я уже стоял на пароходе, в ожидании его отхода, вдруг вижу быстро подымающуюся по мосткам высокую фугуру Ал. Ст. Не утерпел таки и пришел еще раз повидаться! Я, конечно, несказанно обрадовался и заболтались мы, а пароход, между тем, уже отчалил и на всех парах двинулся в путь. Мы и не слышали последнего гудка. Весело рассмеялись и проехали вместе одну станцию.

Встретился я потом во второй и последний раз уже с Ал. Ст. в Петербурге во время Японской войны. Он узнал, что я приехал на время и пришел повидаться. Я был поражен его видом. Он был мрачен, лицо его словно пеплом посыпано. Вообще время было тогда напряженное и оно на нем тоже сказалось.

Помню, как-то раз, во время наших разговоров, я коснулся депутации, представившейся Николаю II во главе со Стасюлевичем. Я конечно, негодовал. Ал. Ст. вдруг круто повернулся ко мне и буквально прошипел:— „чего же вы, О. В., ждали от либералов?“... Признаться, я не ждал этого от обыкновенно спокойного, выдержанного Ал. Ст.: сколько желчи, презрения и ненависти слышалось в этой реплике!...

Я вскоре оставил Петроград. В 1906 году я эмигрировал, а вернулся на родину лишь в 1917 г. Ал. Ст. я совершенно потерял из виду, а между тем, говорят, он эти годы жил в Петрограде. Признаться, за бурными событиями того времени я сам, грешный человек, и не вспомнил о нем. В 1921 году Александр Степанович Пругавин скончался.

О. В. Аптекман.

Загадка смерти Николая I.

Трагические события конца царствования Николая I и его внезапная кончина 18 февраля 1855 г. создали легенды вокруг его имени. Одна говорила, что Николай не мог пережить неудачи Крымской кампании и отравился, другая обвиняла лейб-медика Мандта, иностранца, в том, что он „уморил царя“. Но каковы бы ни были вариации сущность легенд заключалась в пронесшемся слухе о неестественности смерти государя. Легенды эти, распространившиеся с молниеносной быстротою, были настолько тревожны и держались настолько упорно, что уже в первые недели после кончины Николая потребовалось правительственное оповещение о событии 18 февраля.

24 марта 1855 года „с Высочайшего соизволения“ вышла книга на русском, польском, английском и французском языках—„Последние часы жизни Императора Николая Первого“ (без указания автора и издателя, с пометою типографии II Отделения Собственной Его Имп. Вел. Канцелярии), как оказалось впоследствии, принадлежавшая перу главноуправляющего II Отделением графа Д. Н. Блудова.

Начиная с эпиграфа „Блажени мертвии, умирающии о Господе“, книга эта в высшей степени тенденциозна и направлена к тому, чтобы, изложив ход болезни и последние часы жизни императора, нарочито подчеркнуть христианскую и просветленную кончину его, дабы рассеять всякие сомнения в неестественности его смерти. „Умирал Император России, Тот, Коего Имя наполняло вселенную, к Коему стремились почти непрестанно взоры не только 60 миллионов подданных, но и всех чуждых народов и правительств. И в сем поражающем умы и сердца событии было нечто еще больше разительное: состояние души Государя. Он умирал, как достойный Правнук Петра Великого, и с тем вместе, как достойный Сын, достойный член Церкви Христовой. Непоколебимая, смеем сказать, хладнокровная твердость Царя и Воина, мысль о важных, иногда столь тягостных обязанностях Монарха, которые он свято исполнял в продолжение 30-летнего почти управления государством, наконец, и нежная любовь к ближайшему и великому Его Семейству—России, сливалась в сии торжественные минуты в одно, все превосходящее, все об‘емлющее и освящающее чувство Веры“. Заключительная часть книги посвящена разбору завещания Николая I—„Тайной беседы Его с Собою, излияния Его мыслей и

чувствований, как человека и христианина", написанного им 4 мая 1844 г. во время холерной эпидемии. Чрезвычайно характерна, между прочим, скрытая мысль опубликования этого завещания: помимо желания окончательно убедить читателя в постоянном христианском настроении государя (т. е. исключающем возможность лишения себя жизни), автор хочет „предупредить буде сие возможно, нелепые слухи, подобные тем, которые распространялись иными журналами о мнимом, никогда не существовавшем политическом завещании Петра Великого".

Почти одновременно с этим сочинением вышло за границей подобное же официозное, инспирированное из России, произведение [1]), и по размеру (19 стр. небольшого формата), и по содержанию весьма скромное, но дающее богатую возможность чтения между строк. Это—попытка психологического анализа внутреннего состояния Николая I во время Крымской кампании, попутно с сообщением фактических сведений о последних его минутах. Он рассматривается здесь, как оскорбленное и непонятое Европой величие. Более всего автор старается обратить внимание на „самим Богом установленный священный союз" между Россией и ее „порфировой колонной", между царем и „обожавшим государя" и „им обожаемым народом русским". Брошюра написана специально для Европы и для „людей политических".

Отличительная черта обоих названных произведений—однообразность и официальная тенденциозность; они являются ответом на общественное мнение, неблагоприятное для Николая, каковое чувствуется даже и по этим „трудам", на тревожное настроение, вызванное толками и слухами в связи с внезапной его кончиной.

В эти же годы (1855—57) вышли за границей несколько обзоров царствования Николая и брошюр, в той или иной степени затрагивавших вопрос о его смерти, но, заимствуя свои фактические сведения из официальных источников, никаких новых данных к вопросу о смерти Николая, кроме рассказов о дурных предзнаменованиях, предшествовавших его смерти, и серии дворцовых анекдотов, они не дают [2]).

---

[1]) *De-Poggenpohl.* L' empereur Nicolas I. 3 mars 1855 (Bruxelles). Нам пришлось пользоваться переводом этой брошюры *Маркова* „Европа и Россия в предсмертные минуты жизни Императора Николая I" (М. 1856). Подлинника в доступных нам книгохранилищах не оказалось.

[2]) *Balleydien*—„Histoire de l'emp. Nicolas" (trente années de règne). (P. 1857). *Bagréef-Speransky*—„Les dernières heures de Sa M. L'Emp. Nicolas" (Lpz. 1855). *Sitakoff* — „Nicolas I, Emp. de Russie, sa vie, sa politique et sa mort" (Genève 1855).

См. также: *Р. Зотов,* „30-тилетие Европы в царств. Имп. Николая I" (1857 г.), 2-й т., стр. 278—296, и его же „Истор. очерки царств. Имп. Николая I" (1859 г.), где автор (стр. 91 — 98), повторяет фразы о священном союзе государя с народом и дает совет назвать Россию „Николаевиею". Первонач. редакция „Воспоминаний" *В. И. Панаева* („Москвитянин", 1855 г., т. 2-й, № 5, стр. 33—42). Мелкие рассказы *М. М. Попова* „Последние дни жизни Имп. Николая I („Русская Старина", 1896 г., т. 86, стр. 607—614). „Из записок старого преображенца, князя *Н. К. Имеретинского*" („Русский Архив", 1855 г., кн. 1, стр. 54—66). — Правительственные издания: „Восшествие на престол Александра II по кончине Его Авг. Родителя и Благодетеля России Николая I" (М. 1855).

Для той же цели — успокоения умов — была напечатана записка доктора Мандта „Ночь с 17-го на 18-е февраля 1855 года“ [3]), первоначальная редакция которой была исправлена и дополнена В. И. Панаевым в духе политической необходимости момента. Мандт же издал ценную с точки зрения сообщаемых сведений статью „О последних неделях Имп. Николая I“ [4]).

Несколько корректирует и дополняет официальные сообщения о событии 18 февраля мемуарная литература. Из этой литературы мы назовем пока лишь те записки, авторы которых не подвергают сомнению факт естественности смерти Николая I, а именно: „Воспоминания“ В. И. Панаева [5]), „Университетские воспоминания“ Н. Ф. Устрялова [6]), записки неизвестного автора „Из преданий об Имп. Николае Павловиче“ [7]). К упомянутым источникам теперь присоединяется печатаемая здесь, найденная в архиве графа Павла Дм. Киселева, рукопись, принадлежащая его перу [8]).

---

18 февраля. 1855 года. „Судьба совершилась. — Я поцѣловалъ тѣплою еще руку покойнаго, нынѣ усобшаго Императора—Милостивца и благодѣтеля моего. — Слѣза горькая выпала изъ глазъ и окропила эту руку, которая 29 лѣтъ съ постоянною твердостiю и любовью управляла народомъ русскимъ.—Исторiя воздастъ Ему должное;—я скажу только въ первымъ порывѣ душевнаго огорченiя, что въ доблестномъ его сердцѣ отразились всѣ благородныя чувства, которыми Всевышнiй въ благости своей украшаетъ человѣка и за вѣру къ нему вознаграждаетъ народы, даруя ихъ вѣнценосцу. Императоръ Николай Павловичъ скончался 18 февраля въ 12¼ ч. пополудни. 31 Генваря, при моемъ Докладѣ, Государь изволилъ мнѣ сказать съ обыкновенною Его привѣтливостiю:— *ты вѣдь не забудишь, что нынче понедѣльникъ и что мы обѣдаемъ вмѣстѣ.*—Я отвѣчалъ, что простудился и опасаюсь быть непрiятнымъ гостемъ для Императрицы,—на что Государь возразилъ— „*я тоже кашлею—жѣна съ нами обѣдать не будетъ и мы въ двоемъ будемъ кашлить и сморкатся.* Такъ и послѣдовало, столъ былъ накрытъ въ комнатѣ Ея Величества, которою засталъ я на канапе и которая въ сей день оставалась на дiетѣ, т. е. безъ обѣда. Государь кашлялъ изрѣдко и жаловался на спинную боль, но был покоенъ

„Высоч. утвержд. церемониал погребения тела в Бозе почившего Имп. Николая I“ (Общий Архив М-ва Имп. Двора. Оп. № 125/2382, кн. № 16, разряд № 1; то же, второе издание, оп. № 125/2382, кн. 16, разряд № 1).

Несколько особняком стоит работа „Nicolás I, Empereur de Russie 1796—1825—1855. Recueil d'articles publiés dans les journaux á l'occasion de sa mort“—интересная по мысли, к сожалению, невыпущенная. На экземпляре, хранящемся в Российской Публичной библиотеке (13. VI. $\frac{2}{858}$), помечено „Редкость“ и сделана приписка карандашем — очевидно результат справки сотрудника библиотеки: „Hombourg“ „Édition entreprise par m-r *Poltoratzky* est restée inédite“.

[3]) „Русский Архив“ 1884 г., № 1, стр. 192—198.

[4]) „Русский Архив“ 1905 г., № 7, стр. 479—480.

[5]) „Русская Старина“ 1892 г., т. 76, стр. 480—496.

[6]) „Исторический Вестник“, 1884 г., т. 17, стр. 307—308.

[7]) „Русский Архив“, 1898 г., кн. 8.

[8]) Архив графа Киселева находился до последних месяцев 1918 года у одного из наследников автора известного исследования „Гр. П. Д. Киселев и его время“ *А. П. Заблоцкого-Десятовского—В. П. Семенова-Тянь-Шанского.* Ныне хранится в Петр. Отделении Центр. архивн. управления.—Орфография подлинника сохранена.

и даже весѣлъ, что въ послѣдніе мѣсяцы в Гатчино и Петербургѣ я не всегда имѣлъ утѣшеніе видѣть — напротивъ, онъ утомлялся и сколько не желалъ преодолѣвать душевное безпокойство — оно выражалось на лицѣ его болѣе, чѣмъ въ рѣчахъ, которыя при разсказѣ о самыхъ горестныхъ событіяхъ заключались однимъ обычным возгласомъ:—Твори Богъ волю Свою.—Послѣ обѣда, приблизясь къ канапе, на которомъ сидѣла Императрица, Государь вынулъ изъ кармана такъ называемое *зеленое* письмо отъ К-ни Ливенъ [9]) и по обыкновенію прочиталъ его въ слухъ, а за тѣмъ, пробывъ 1/2 часа, сказалъ: *я усталъ и пойду къ Себе — прощай.* Это было для меня послѣднее свиданіе и послѣднее мною слышенное слово.

Я, возвратясь домой, почувствовалъ лихорадочной припадокъ— остался у себя и по совѣту доктора Мыновскаго не выходилъ 15 дней изъ дома. — Государь на другой день, т. е. во вторникъ 1-го февраля почувствовалъ усиленіе *гриппа*, не выходилъ изъ своего кабинета и спалъ въ теченіи дня. Въ среду пошолъ къ Императрицѣ и выѣхалъ въ саняхъ къ Великимъ Княгинямъ и къ больному Воен. м-ру. Въ четвергъ на перекоръ докторов своихъ Манда и Карелля [10]) поѣхалъ в Мих. Манежъ—дабы, какъ отзывался, проститься съ *маршевымъ гвардейскимъ баталіономъ* — при семъ случаѣ когда медики упрашивали Государя не выѣзжать и посвятить этот день на окуратное лечѣніе — он (какъ утверждаютъ) отвѣчалъ имъ — *совѣтуя мнѣ не выѣзжать вы исполняете свою обязанность—позвольте-же и мнѣ исполнить ту, которая лежитъ на мнѣ* — это былъ обычной Его отвѣтъ на подобныя приглашенія, — *покуда на ногахъ каждой долженъ выполнять свою обязанность — а я болѣе другихъ.* По возвращеніи, Государь почувствовалъ лихорадочной припадокъ — въ ночь или на другой день, т. е. въ пятницу онъ жаловался на тупую боль въ боку. Доктора должны обратить вниманіе на печень, говорилъ Государь—*тутъ мой недугъ*—и затѣмъ кашлялъ и съ трудомъ освобождался от мокротъ.— Орловъ [11]) къ которому Каррель пріѣзжалъ ежедневно—говорилъ мнѣ 10-го числа, что у Государя Гриппъ очень сильной,—но что опасности нѣтъ.—

15, при моемъ выѣздѣ я желал видѣть Кн. Долгорукова [12]) и Орлова, дабы узнать о состояніи здоровья Его Величества, ибо съ воскресенья Государь докладовъ уже не принималъ и лѣжалъ въ постелѣ.—Оба мнѣ сказали, что болѣзнь *серіозная*, но что прямой или положительной опасности нѣтъ. — Въ четвергъ 17 февраля я поѣхалъ во Дворецъ дабы отъ камердинера узнать о состояніи Его Величества—отвѣтъ былъ довольно тѣмной—Государь очень жалуется на боль въ боку, худо почивалъ—много кашлялъ, а теперь успокоился. На другой день, т. е. в пятницу, я послалъ во Дворецъ за Бюллетенем—мнѣ привезли копію подъ № 3-мъ, который [13]) изумилъ меня и разтрево-

---

[9]) Княгиня *Ливен*, Дарья Христофоровна, жена русского посланника в Берлине и в Лондоне, игравшая за границей видную роль, вернулась в Россию в 1834 г., когда ее муж стал воспитателем наследника престола. Свою корреспонденцию Ливен неизменно вела на бумаге *зеленого* цвета.

[10]) Карелль, Филипп Яков. † 1886 г. *А. Пеликан* сообщает о Мандте следующее: „Мандт был вывезен в Россию из Германии императрицей Александрой Өедоровной... В Германии он никаким авторитетом не пользовался и к тамошним ученым силам не принадлежал. Его карьера была исключительно придворная, а не ученая“ („Голос Минувшего“, 1914 г., январь, стр. 119).

[11]) Орлов, Алексей Өед., князь, комендант импер. главной квартиры.

[12]) Князь Вас. А. Долгоруков—военный министр.

[13]) Бюллетень № 3 — „Затруднительное отделение мокроты, коим страдал вчера Государь-Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным“.

жилъ — я немедленно отправился во Дворецъ, гдѣ въ нижнем корридорѣ и впреди — камердинерской нашелъ многихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, а также нѣсколько военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. Сдѣсь мнѣ объявлено, что Государь находится въ безнадежномъ состоянiи, что онъ исповѣдовался и прiобщился. — Призывалъ всѣхъ дѣтей и внуковъ, прощался съ Императрицою, выговорилъ Ей и прочимъ члѣнамъ своего Семейства утѣшительныя слова, простился съ прислугою своею и нѣкоторыми лицами, которые тутъ находились [14]), и наконецъ, послѣднiй и тихiй вздохъ отдѣлилъ душу отъ тлѣннаго тѣла. — Государь 65 миллiоновъ людей скончался смиренно, безъ страданья, сохранивъ въ послѣднеи минуты всѣ силы душевныя и всѣ упованiя христiанина.

Будутъ порицатѣли — это удѣлъ всѣхъ, а паче тѣхъ, которые принадлѣжатъ Потомству, но будутъ и болѣе, которые постигнувъ Императора Николая воздадутъ Ему должное.—

По выходѣ изъ кабинета, въ которомъ столько лѣтъ имѣлъ счастiе подносить Его Величеству мои доклады—и наслаждаться всегда милостивою и привѣтливою Его бесѣдою, въ которой отражался высокiй умъ, проницательность, постоянное добродушiе и неоцѣненная простота въ обхожденiи всѣмъ приближеннымъ столь извѣстная. Первая мысль посвѣщена была къ потери, которая отразится на Россiи, вторая мѣлькнула какъ гроза о собственной ко мнѣ лично относящейся. Въ эту минуту голосъ военнаго Министра прекратилъ размышленiя, приглашенiемъ по принятому обычаю итти въ придворную цѣрковь для исполнения присяги Императору Александру 2-му.

Всѣ пошли и исполнили обрядъ—я со слезами въ глазахъ—и съ горемъ въ душѣ—пожелалъ сыну наслѣдуя могущество Отца—наследовать и добродѣтелямъ Его, въ чѣмъ Богъ да поможетъ Ему".

Рукопись эта не дает новых фактических сведений и материал ее даже более скромен, чем опубликованный ранее. Интересно в ней другое—то непосредственное чувство полной неожиданности внезапной кончины Николая, затушевывавшееся в воспоминаниях современников, неожиданность еще более знаменательной оттого, что автором рукописи является граф Киселев, лицо близкое ко Двору. Ценно то, что это—документ, написанный современником крупного события, сановником, ждущим смены царствования с чувством деятеля внезапно оборвавшейся эпохи: „Первая мысль посвящена была к потери, которая отразится на России, вторая мелькнула. как гроза о собственной ко мне лично относящейся".

Но прежде и упорнее всего внимание фиксируется на фразе, являющейся лейт-мотивом всех официозных сочинений о последних днях жизни Николая: „*Государь 65 миллионов людей скончался смиренно без страданья; сохранив в последние минуты все силы душевные и, конечно, все упования христианина*".

Какую цель преследовал Киселев, когда писал приведенные выше строки? Хотел ли он ответить на широко распространившиеся слухи о неестественности смерти государя и что-либо помешало ему опубли-

---

[14]) На поляхъ рукописи примечание: „Адлербергъ, Орловъ и кн. Долгоруковъ". (Адлерберг, Влад. Фед., граф, министр имп. двора).

ковать записку? Или, быть может, было желание современника крупного события сохранить его для потомства? Конечно, Киселев писал не для себя лично—слишком много в ней торжественных фраз, трафаретных определений „Императора-Милостивца", слишком много пафоса. Приведенная выше фраза о силах душевных и христианских упованиях Николая опять и опять заставляет задумываться над тем, не имела ли основания народная молва? Была ли смерть следствием осложнившегося гриппа, или Николай не сохранил сил душевных и оборвал нить своей жизни?

Отмеченная выше литература, как официальная, так и мемуарная, представляет кончину Николая следующим образом: „Сей драгоценной жизни положила конец простудная болезнь (grippe), вначале казавшаяся ничтожною, но, к несчастью, соединившаяся с другими причинами расстройства, давно уже таившимися в сложении лишь повидимому крепком, а в самом деле потрясенном, даже изнуренном трудами необыкновенной деятельности, заботами и печалями, сим общим уделом человечества и, может быть, еще более Трона" [15]). Доктор Мандт пишет: „В Гатчине Государь стал неузнаваем: душевное страдание сломило его прежде, чем физическое. Если бы Вы его видели при получении каждой плохой вести! Он был совершенно подавлен, из глаз его катились слезы и часто он слишком обнаруживал Мюнстеру овладевшее им отчаяние. Но эти минуты бывали для государя нечеловеческим мучением"... [16]) Об этом же состоянии его упоминает и Киселев: „Он (государь) утомлялся и сколько ни желал преодолевать душевное беспокойство,—оно выражалось на лице его более, чем в речах, которые при рассказе о самых горестных событиях заключались одним обычным возгласом: „Твори Бог волю Свою". — В более поздних заметках о Николае мы находим указание на то, что в Гатчине, где он тогда жил, „помнят про его бессонные ночи, как он хаживал и клал земные поклоны перед церковью" [17]).

Нет надобности входить в рассмотрение политической обстановки и причин того морального угнетения и беспокойства, которые переживал Николай; достаточно лишь отметить это состояние его, предшествовавшее болезни и сопровождавшее ее и, помимо фактов, дающее впечатление наростающей трагедии.

„Поставленный в такое тяжкое положение, как ни старался Его Величество превозмочь себя, скрывать внутреннее свое терзание,—пишет Панаев,—оно стало обнаруживаться мрачностью взора, бледностью, даже каким-то потемнением прекрасного лица его и худобою всего тела. При таком состоянии его здоровья малейшая простуда могла развернуть в нем болезнь опасную. Так и случилось. Не желая отказать гр. Клейнмихелю в просьбе быть посаженым отцом у дочери его, государь поехал на свадьбу, несмотря на сильный мороз, надев крас-

---

[15]) *Блудов.* Последние часы жизни Имп. Николая Первого (М. 1855), стр 6.
[16]) „Русский Архив", 1905 г., № 7, стр. 479.
[17]) „Из преданий об Имп. Николае" („Русский Архив", 1892 г., № 8, стр. 478).

ный конно-гвардейский мундир с лосиными панталонами и шелковые чулки... Этот вечер был началом его болезни: он простудился. Возвратясь, ни на что не жаловался, но ночь провел без сна, стараясь об'яснить это Гримму (камердинеру) не болезнью, а неловким положением в постели и простынею, которая под ним часто скидывалась и не давала спать; другую и третью ночь провел тоже беспокойно, но продолжал выезжать. Ни в городе, ни даже при дворе не обращали внимания на болезнь государя; говорили, что он простудился, нездоров, но не лежит" [18])... „Сам Государь не из'являл опасения на счет своего здоровья, потому ли только, что в самом деле не подозревал никакой опасности, или же, вероятнее, и для того, чтобы не тревожить любезных своих подданных. По сей последней причине он запретил печатать бюллетени о болезни его. Сия болезнь продолжалась с разными изменениями от последних чисел Генваря до 9-го Февраля" [19]).

Наиболее точную датировку развития болезни мы находим в камер-фурьерском журнале [20]), начиная с 5 февраля.

Суббота, 5 февраля: „Сего числа Его Величество почувствовал себя несовершенно здоровым. Поутру Е. В. по несовершенному здоровью прогуливаться не выходил. За обеденным столом кушал Е. В. в своем Нижнем Кабинете суп и картофель, а Ее В-ство в своей опочивальне".

Воскресенье, 6-го февраля: „По утру Е. В. по несовершенному здоровью прогуливаться и принимать с докладами никого не изволил. По окончании литургии Государь Цесаревич приходил к Е. В-ству: В 12 час. Е. В. принимал с докладом (следует перечень лиц)... За обеденным столом кушал Е. В. у себя в Нижнем Кабинете, а Ее В. у себя в уборной. В 8 часов Его Величество, Государь-Цесаревич, Гос.-Цесаревна с Великими Князьями... в Золотой Гостинной комнате изволили слушать Вечернюю, совершаемую Духовником Божановым, служба кончилась 45 минут 9-го часа".

Понедельник, 7 февраля: „Первая неделя Великого поста. Во всю неделю кушанье для Е. В. приготовлялось постное, а для Ее В.— диэтное. Поутру Е. В. прогуливаться не выходил и принимать никого не изволил. В 12 часов Е. В. в Нижнем своем Кабинете изволил смотреть ратников вновь формируемого Государственного ополчения, а после принимал с докладом... За обеденным столом кушали Е. В. у себя в Нижнем Кабинете, а Ее В. у себя в уборной".

Вторник, 8 февраля: „Поутру Е. В. прогуливаться не выходил... От 45 минут 12 часа Е. В. принимал с докладом... За обеденным столом их В-ства кушали в почивальной Ее В. Половина 2-го часа Е. В. с Гос.-Цесаревичем в большом аванзале изволил смотреть и назначать в полки рекрут".

Среда, 9 февраля: „Поутру Е. В. прогуливаться не выходил... 30 минут 10-го часа был у Е. В. с докладом Вел. Князь Константин Николаевич. Половина 11-го часа Е. В., Гос.-Цесаревич с Гос.-Цесаревною и Вел. Князьями... в Золотой Гостинной комнате изволили

---

18) *В. И. Панаев* (поэт и директор канцелярии двора), „Воспоминания" („Русская Старина", 1892 г., т. 76, стр. 480).

19) Последние часы жизни Имп. Николая Первого.

20) Архив императ. двора. Оп. 125—2382, кн. 1, Разр. 1.

слушать утреню и часы, совершаемые Духовником Божановым; служба окончилась 20 минут 12-го часа. 5 минут 1-го часа их Величества, Гос.-Цесаревич, Гос.-Цесаревна с Вел. Князьями... выход имели в малую церковь и слушали Божественную Преждеосвященную Литургию, совершаемую Духовником Божановым... Служба кончилась 5 минут 2-го часа. По окончании Литургии Е. В. принимал... и после с Гос.-Цесаревичем изволил иметь выезд в Михайловскую Манеж осматривать войско и возвратился в 2 часа. В 4 часа Е. В. принимал... За обеденным столом их Величества кушали внизу в Почивальне Вел. Княгини Ольги Николаевны".

Четверг, 10 февраля: „Поутру Е. В. прогуливаться выходить не изволил. 20-ть минут 11-го часа имел приезд к их Величествам Вел. Князь Константин Николаевич с Вел. Княгинею Александроювою Иосифовною и был у Е. В. с докладом. 45 минут 11-го часа Е. В., Гос.-Цесаревич с Гос.-Цесаревною и Вел. Князьями... в Золотой Гостинной Комнате изволили слушать Утреню и часы, совершаемые Духовником Божановым; служба кончилась 35 минут 12 часа. От 40 минут 12-го часа Е. В. принимал с докладом... Половина 2-го часа Е. В. с Гос.-Цесаревичем изволил иметь выезд в Михайловскую манеж осматривать войска и возвратился 35 минут 3-го часа. За обеденным столом Их Величества кушали в Малиновой Комнате Ее Величества".

Исследователи последних дней жизни Николая в передаче фактов как будто не расходятся с показаниями камер-фурьерского журнала, но закругленность изложения, связь, в которую они ставят факты, приводят к логически-неизбежному заключению — к кончине Николая от осложнившейся простуды, тогда как при чтении сырого материала—записей камер-фурьера—такого впечатления не получается. И мемуары, и правительственные брошюры также останавливаются на смотре маршевого батальона лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков, воздержаться от которого по нездоровью уговаривали Николая врачи, — об этом факте упоминает и Киселев. Наиболее обстоятельный из мемуаристов В. И. Панаев пишет, что „после смотра Государь заехал к великой княгине Елене Павловне, а от нее к бывшему тогда больным военному министру; возвратясь же, почувствовал себя хуже, чем накануне. Кашель и одышка, уже и в предшествовавшие дни иногда проявлявшиеся, увеличились. Ночь Его Величество провел без сна; однако, на другой день, 10-го числа изволил опять выехать в тот же экзерцир-гауз для осмотра маршевых батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского резервных полков и людей лейб-гвардии Саперного резервного полубатальона. 11-го числа, хотя намеревался еще быть у преждеосвященной обедни, но не мог и слег в постель". В камер-фурьерском журнале в записи за 11 февраля мы находим некоторый намек на то, что в этот день Николай чувствовал недомогание: „Его В-ство по пробуждении чувствовал себя слабым и потому изволил приказать послать к Отцу Духовнику и сказать, что он по несовершенному здоровью слушать утреню и часы не может, но постарается быть к преждеосвященной литургии". Вечерняя запись говорит, что „по причине лихорадки Его В-ство в церкви быть не мог и вечером".

С 12 февраля Николай „с докладами г.г. Министров принимать не изволил, но отсылал дела к Его Высочеству Государю-Цесаревичу"; однако, из записи за тот же день явствует, что от 11-ти часов „были у него на посещении" граф Орлов и министр двора граф Адлерберг. В табели за воскресенье 13-го февраля на полях помечено: „Его В-ство заболел 10 февраля лихорадкой, которая 11-го числа повторилась. Ночью на 13-ое число было мало сна. Лихорадка менее. Голова свободнее. Его Величество выхода к Литургии иметь не изволил". В записях за последующие дни читаем: 14 февраля, понедельник: „Его В-ство ночью на 14-ое число февраля мало спал, лихорадка почти перестала. Голова свободна". 15 февраля, вторник: „Его Величество провел ночь на 15-ое февраля немного лучше, хотя вчера волнение было. Пульс сегодня удовлетворителен. Кашель, извержение мокроты не сильное". 16 февраля, среда: „Вчера после лихорадочного движения, сопровождаемого с ревматической болью под правым плечом, Его В-ство в эту ночь спал, но не так спокойно. Голова не болит, извержение мокроты свободно, лихорадки нет".

И Блудов, и Панаев, и Мандт, давшие наиболее полное описание последних дней Николая, не останавливаются на этом *улучшении состояния здоровья его с 12-го по 17-ое число* и берут все развитие болезни за одни скобки, с 9-го по 17-ое февраля, отмечая только то гнетущее впечатление, которое произвела на Николая телеграмма о поражении русских войск под Евпаторией, полученная 12-го февраля.

В 10—11 часов ночи с 17-го на 18-ое февраля Мандт, как он пишет, не терял надежды на выздоровление государя и, сделав все нужные медицинские предписания, не раздеваясь, прилег отдохнуть до 3-х часов в одной из комнат дворца, оставив у постели больного д-ра Карелля. В половине третьего ночи, когда он встал, чтобы итти на смену Кареллю, ему подали записку от флейлины Блудовой (Антонины Дмитриевны) следующего содержания: „Умоляю Вас, не теряйте времени в виду усиливающейся опасности. Настаивайте непременно на приобщении св. Тайн. Вы не знаете, какую придают у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы—иностранец, и вся ответственность падет на Вас. Вот доказательство моей признательности за Ваши прошлогодние заботы. Вам говорит это дружески преданная Вам А. Б." [21]).

Мандт поспешил к Николаю и после осмотра его, убедившись в том, что его положение крайне опасно, что у него начало паралича, приступил к возложенной на него миссии. Николай I мужественно выслушал диагноз Мандта и попросил позвать наследника.

Современники самым подробным образом описывают последние минуты Николая, мольбы императрицы о принятии св. Тайн, прощание с семьей, находившимися во дворце сановниками и слугами, обряд

[21]) Записка была составлена на французском языке („Русский Архив" 1884, № 1, стр. 192—198).

исповеди и затем кончину его в 12 ч. 20 м. пополудни 18-го февраля [22]).

Первый бюллетень о болезни от 13 февраля (запись в камер-фурьерском журнале 13 февраля) появился в газетах только 18 февраля, когда Николай уже умирал. В прибавлениях к тому же номеру газеты был приложен бюллетень № 2 о состоянии здоровья 17-го февраля в одиннадцать часов вечера, подписанный М. Мандтом, лейб-медиком Иваном Енохиным и Филиппом Кареллем: „Лихорадка Его Величества к вечеру усилилась. Отделение мокроты от нижней доли правого легкого сделалось труднее“. В субботу, 19-го февраля, в отделе внутренних известий газеты повторили бюллетень № 2 и вновь напечатали нижеследующие бюллетени за теми же подписями. Бюллетень № 3 от 18 февраля, четыре часа пополуночи: „Затруднительное отделение мокроты, коим страдал вчера Государь Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным“. И № 4 от того же числа, девять часов пополуночи: „Угрожающее Его Величеству параличное состояние легких продолжается и вместе с тем происходящая от того опасность“, с припискою после подписей врачей: „Государь Император сего числа, в $3^1/_2$ часа пополуночи, изволил исповедаться и причаститься св. Тайн в полном присутствии духа“. И только 21 февраля, *на четвертый день после смерти Николая*, был опубликован манифест об его кончине.

Таким образом, на основании цитированной выше литературы и камер-фурьерского журнала, смерть Николая являлась прямым завершением его болезни.

На наш взгляд, естественен и логичен ход болезни только *до двенадцатого* февраля: так говорят за себя факты явные и в записях камер-фурьера. 12-го февраля Николай получает известие из под Евпатории, которое, по свидетельству Мандта, „положительно убило его... тут ему был нанесен последний удар.—„Сколько жизней пожертвовано даром“—эти слова и эта мысль постоянно возвращались к нему—„бедные мои солдаты“ [23]). Итак, Мандт рассматривает факт получения дурных известий с театра военных действий с медицинской точки зрения. Медицинскими же предостережениями об'ясняет В. Панаев прекращение с этого числа приема министров с докладами. Однако, как мы заметили уже выше, у всех авторов воспоминаний и записок, не исключая и Киселева, остается пробел с 12-го по 17-ое число. Камер-фурьерский же журнал свидетельствует об улучшении самочувствия Николая с 13-го по 16-ое февраля:—лихорадка, появившаяся 10—11 числа, прошла, голова перестала болеть, ночами он не спал, но бессонница могла быть следствием и морального беспокойства.

До вечера 17-го февраля, с которого Мандт начинает описание знаменательной ночи, во дворце все спокойно, спокойно именно

---

[22]) „Последние часы жизни Николая Первого“.

[23]) „Русский Архив“, 1905 г., № 7, стр. 470—480 (Из записок близкого к имп. Николаю Павловичу лица).

потому, что до самой этой ночи сам Мандт продолжал уверять, что опасности нет. Наследник, императрица, не говоря уже о дворе и широкой публике, не подозревают возможности смертельного исхода.

Когда Мандт встал, чтобы итти сменить Карелля, он получил записку Блудовой с просьбой „не терять времени в виду усиливающейся опасности“. Каким же образом Блудова могла знать о тяжелом положении больного и сообщить об этом пользовавшему его врачу *до того*, как этот врач осмотрел его и убедился, что кризис наступил? Очевидно, здесь кроется какая-то неточность. В „Воспоминаниях“ Панаева мы находим следующее интересное сообщение о генезисе оставленного Мандтом документа о последней ночи Николая. Когда Панаев наскоро набросал свое описание последних дней Николая, Александр II дополнил его некоторыми деталями; затем Панаев снова редактировал эту „удачную в литературном и политическом отношении“, по выражению правительственных кругов, статью и в 2 часа ночи по высочайшему повелению лично распорядился в редакции четырех газет, чтобы вынули часть набранного на завтра материала и заменили им привезенным. „Потребовано было—пишет Панаев — от д-ра Мандта подробное описание хода самой болезни государя; он составил его (разумеется, на немецком языке). Надобно было, для соблюдения верности, перевести его буквально, что поручил я одному из чиновников канцелярии, хорошо знавшему по-немецки, а потом *исправил -или, лучше сказать, вовсе переделал в слоге, что уже я должен был взять на себя* при помощи д-ра Енохина, так как многие медицинские термины были мне неизвестны. Мы проработали с ним часа три, не вставая с места, и успели в том, что статья Мандта появилась вслед за моею статьею“.

Найдя это сообщение, мы уже с другой степенью доверия подходим к оставленному Мандтом документу, полагая, что редакция Панаева могла и записку Мандта (можно думать, и в существе своем достаточно тенденциозную) изменить в надлежащем политическом направлении.

Взяв под сомнение записку Мандта, можно позволить себе привести свидетельство „неизвестного лица“, сообщенное со слов д-ра Карелля. Это лицо рассказывает, что „17-го февраля он (Карелль) был потребован к Императору Николаю ночью и *нашел его в безнадежном состоянии и одного—Мандта при нем не было. Император желал уменьшить свои сильные страдания и просил Карелля облегчить их, но было уже поздно и никакое средство не могло спасти его.* В таком положении Карелль, зная, что не только в городе, но даже во дворце никому неизвестно об опасности, отправился на половину Наследника-Цесаревича и потребовал, чтобы его разбудили. Пошли разбудить и Государыню и немедля отправили напечатать в „Journal de St.-Pétersbourg“ два бюллетеня за два предшествующие дня“ [23а]).

[23а]) „Русский Архив“, 1892 г., № 8, стр. 478—81. Курсив всюду наш.

Предположим, что приведенная здесь ссылка на свидетельство Карелля является достоверной: записка Мандта теряет все свое значение и дело в связи с данными камер-фурьерского журнала принимает иное освещение.

События могут представляться следующим образом. В начале февраля Николай заболевает простудой, настолько, однако, незначительной, что почти не нарушается обычный ход его жизни: с 7-го по 10-е никаких указаний на развитие болезни не встречается в камер-фурьерских журналах. А 10 — 11 февраля простуда обнаруживается легкой лихорадкой и проходит. Далее, 12-го числа Николай получает известие из Евпатории. Современники рисуют мрачную картину отчаяния, которое овладевало Николаем в связи с печальным ходом войны. Он отсылает дела к наследнику, отказывается от пищи, страдает бессонницей, но физически здоров или чувствует лишь недомогание (судя по камер-фурьерским журналам). Чтобы скрыть тяжелое настроение, овладевшее Николаем, во дворце поддерживают разговоры о лихорадке, о его нездоровьи. Двор обеспокоен затворничеством царя, ежедневно с'езжаются во дворец лица, близкие царской фамилии; в ночь с 17-го на 18-ое во дворце остается на ночь великий князь Константин Николаевич и министр двора гр. Адлерберг. Предположим, что Николай, действительно, принял в эту ночь яд. Этим мы как будто противоречим главному нашему источнику—камер-фурьерскому журналу, который начинает бить тревогу еще 17-го февраля днем. Помимо того, что на страницах журнала за 17-ое февраля имеется сообщение о молебне во дворце о здравии государя и запись о том, что „по случаю опасного положения в здравии Его Величества Государь Цесаревич и Великий Князь Константин Николаевич и Министр Имп. Двора граф Адлерберг оставались на ночь по близости Его Величества“, на полях того же журнала встречаются три бюллетеня, содержание которых указывает на то, что во дворце ночной кризис не был неожиданностью:

„Вчера была сильная лихорадка с страданием правого легкого. Всю ночь лихорадка продолжалась и мешала спать Его Величеству; извержение мокроты свободное, заметно, что и подагра участвует в болезни“.—„Болезнь Его Имп. Величества началась легким гриппом, а 10-го же февраля при слабых подагрических припадках обнаружилась лихорадка“.—„С появлением вчера страдания в правом легком лихорадка была довольно сильна. Ночь Его Величество провел без сна. Сегодня лихорадка несколько слабее и извержение легочной мокроты свободно“ (на подлинном подписали: Мандт, Енохин, Карелль).

Самым важным вопросом при определении создавшегося в действительности положения является вопрос о том, когда камер-фурьер заносил записи в журнал? Ровность почерка, выдержанность стиля каждой ежедневной записи говорят за то, что они делались им поздно вечером, когда жизнь во дворце замирала и можно было подвести итоги дню, или на другой день post-factum. При внимательном

рассмотрении страниц журнала за 17-ое и 18-ое февраля [24]) мы заметили, что запись касательно молебна о здравии больного [25]) сделана свежими черными чернилами до слов „читана была молитва об исцелении от тяжкой болезни Государя Императора“; эта-же фраза и последующие (о дежурстве во дворце наследника, вел. князя и Адлерберга и о событии 18 февраля) написаны явно в другой прием, везде иными бледными разбавленными водою чернилами. Далее, все сообщения и бюллетени о болезни Николая за эти дни вписаны на полях журнала, тогда как вообще поля оставались чистыми, и в продолжение нескольких недель на них появлялось сообщение только о событиях, пропущенных камер-фурьером.

Возникает соблазнительное, но и опасное предположение, не были ли вписаны бюллетени за 17-ое февраля и часть событий за этот день задним числом 18 февраля? До 18 февраля бюллетени имеют с текстом мало связи. Мы видим только, что двор усиленно посещается великими князьями и княгинями, что затворничество Николая беспокоит близких ему лиц, но ни на какие консультации врачей в журнале нет и намека — он не упоминает даже имени Мандта, не говоря уже о докторах Енохине и Карелле. Впечатление *явно вписанного* после текста производит только бюллетень от 18 февраля (напечатанный в газетах под № 3), содержание которого „изумило и растревожило“ Киселева и который был написан после ночного кризиса: „Затруднительное отделение мокроты, коим страдал вчера Государь Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным“.

Когда мы рассматриваем далее страницы этого журнала, то видим, что три предыдущих вышеприведенных бюллетеня написаны тем же почерком и чернилами, что и явно вписанный бюллетень за 18-ое февраля. Можно предположить, что после того, как 18-го февраля камерфурьер закончил свои записи, ему велели вписать на полях табели за 17-ое число три бюллетеня и за 18-ое—один. Убедившись при записи событий за 18 февраля в неудобстве писать разбавленными водой чернилами, он берет свежие чернила, отчего разницы между текстом, написанным тоже свежими чернилами (текст за 17-ое), и бюллетенями как будто нет, но она сразу бросается в глаза при взгляде на запись за 18-ое февраля и вписанный на ее полях бюллетень.

Это предположение опасно, главным образом, потому, что вписанный бюллетень об'ясняется, быть может, каким-нибудь случайным фактом, но, вчитываясь в этот бюллетень № 3 от 4-го часа пополуночи

---

[24]) В архиве министерства двора, где хранятся камер-фурьерские журналы, имеются два экземпляра этих журналов за 1855 год. Шифр первого — опись 125/2382, кн. I, разр. I; второго—опись № 28/1618, дело № 167, разр. I. Первый экземпляр (об'емистая книга за весь год событий Двора) представляет собою первоначальную редакцию камер-фур. журналов за 1855 год. Второй экземпляр, состоящий из 12 книг (по месяцам) — копия первого. Этот экземпляр написан грамотнее, чем оригинал, и в немногих случаях дает более подробные записи. Мы пользовались по преимуществу первоначальной редакцией журнала.

[25]) Дело № 167, I разр.

18 февраля, нельзя не удивляться его содержанию: он написан после того, как Мандт убедился в том, что у Николая начало паралича (3 часа ночи), после приобщения умирающего, написан тогда, когда он находился уже в агонии; между тем, содержание бюллетеня весьма осторожно, что опять наводит на мысль о том, что *все четыре бюллетеня были написаны сразу* с целью создать иллюзию постепенности хода болезни и преемственности ее от той лихорадки, которой страдал Николай в начале февраля [26]).

Для утверждения предположения о несвоевременно вписанных бюллетенях понадобился бы, быть может, более подробный анализ записей камер-фурьера. Однако, данные об улучшении состояния здоровья Николая, извлеченные из записей камер-фурьера; сообщение Панаева о происхождении записки Мандта; показание Мандта о долгой беседе его с царем ночью с 17-го на 18-ое; записка Блудовой; указание современников на мольбы императрицы о принятии св. Тайн умирающим, человеком, действительно, религиозным и, во всяком случае, всегда точным в исполнении обряда, и, наконец, вышеприведенная ссылка на свидетельство Карелля (хотя оно и относится к категории „рассказов очевидцев")—могут навести на некоторые размышления и сомнения в достоверности официальных сообщений о кончине Николая, навести на мысль о достоверности предания о самоубийстве его и участии Мандта в этом.

Некоторое подтверждение сказанному может дать цитированная выше брошюра Поггенполя; это—в высшей степени тонкий и искусно составленный документ. Раз'яснив Европе в напыщенных фразах неоцененного и непонятого ею покойного русского императора, автор подходит к изложению обстоятельств, подготовивших кончину его. Практический вывод у него вполне определенный: Николай умер вследствие развившейся простуды. Теоретические же его рассуждения приводят к обратному заключению: огорченная душа Николая не вынесла испытаний и „он за лучшее почел удалиться". Предоставим этому документу говорить самому за себя: „...в беспрерывное течение тридцати лет (царствования) неутомимо сея добро, на остаток дней своих и в последний час свой пожать зло, проведя всю жизнь свою в том, чтобы силою труда и долготерпения воздвигнуть на зыблющейся почве Европы здание чести, справедливости и мира; видеть, что здание это разрушается в своих основаниях и, разрушаясь, оскорбляет седины его злословием, подозрением и неблагодарностью, — вот что уязвляет кровавыми ранами благородное и чувствительное сердце, вот что разбивает, как стекло, натуру твердую, как гранит. Честь, которая столь долгое время поддерживала этого монарха в битвах, где сражался он равным оружием, эта самая *честь должна была сделаться причиною смерти его* в тот самый день, когда он увидел, что против него на-

26) Не наличностью ли вписанных бюллетеней об'ясняется существование *двух экземпляров* камер-фурьерских журналов за один и тот же год, где копия покрывает все погрешности оригинала?

правлены оружия, несвойственные ему. Он, которого поприще было беспрерывным рядом успехов, мог ли он, для заключения честного мира, покориться безуспешности своих усилий? Он, который во все течение своей жизни не отступал ни разу от своих правил, которого слово было столько же твердо и прямо, как был прям его стан,—мог ли он уничтожить, так сказать, все свое блистательное прошедшее и примириться с дурным настоящим? Нет, он не мог, он не должен был это сделать! При жизни он был бы мертв, по кончине он пережил себя...“

Это многозначительное и торжественное многоточие ни к чему не обязывает автора: на следующей странице он заявляет, что Николай умер от воспаления в легких. Далее, указав на высокое призвание русского императора быть спасителем монархического начала от падения, „которым угрожала с часу на час ему новейшая демократия“, и воздав всяческие хвалы Николаю, автор взывает: „Отложите ваш приговор, люди, всегда готовые изрекать суждения дерзкие и пристрастные! Теперь не та минута, чтобы произносить суд, теперь настала минута молитвы. *Вашему честолюбию, вашей ненависти нужна была жертва? Вот она, эта жертва. Довольны-ли вы? Нет, потому что вы желали победить этого великого человека, а он победил вас своею смертью.* Вы хотели унизить Его, а Бог возвысил Его до Себя!“.

Более или менее определенные намеки, утверждения и данные об отравлении Николая вообще не редки в мемуарной и исторической литературе, а также в устном предании, но наиболее авторитетными и, во всяком случае, наводящими на определенные пути „искания истины“ представляются записки А. Пеликана [27]). Сообщив некоторые данные, касающееся биографии Мандта и обстановки кончины Николая, Пеликан пишет: „Вскоре после смерти Николая Павловича Мандт исчез с петербургского горизонта. Впоследствии я не раз слышал его историю. По словам (моего) деда [28]), Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собою Николаю яду. Обстоятельства эти хорошо были известны деду, благодаря близости к Мандту, а также и благодаря тому, что деду из-за этого пришлось перенести кой-какие служебные неприятности. Незадолго до кончины Николая I профессором анатомии в академию был приглашен из Вены прозектор знаменитого там профессора Гиртля, тоже знаменитый уже анатом Венцель Грубер. „По указанию деда, который в момент смерти Николая Павловича соединял в своем лице должность директора военно-медицинского департамента и президента медико-хирургической академии, Груберу поручено было бальзамировать тело усопшего императора. Несмотря на свою большую ученость, Грубер в житейском отношении был человек весьма недалекий, наивный, не от мира сего. О вскрытии тела покойного императора он не преминул составить протокол и, найдя

[27]) „Голос Минувшего“, 1914 г., кн. 1—3. *А. Пеликан* род. в 1848 г., был консулом в Иокогаме (1875—1884), цензором СПБ. цензурного комитета.

[28]) *Пеликан,* Венцеслав Венцеславович (1790—1873)—председатель медиц. совета, директор медиц. департамента военного министерства, президент медико-хирургич. академии.

протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За это он посажен был в Петропавловскую крепость, где и содержался некоторое время, пока заступникам его не удалось установить в данном случае простоту сердечную и отсутствие всякой задней мысли. Деду, как бывшему тогда начальником злополучного анатома, пришлось оправдываться в неосмотрительной рекомендации. К Мандту дед до конца своей жизни относился доброжелательно и всегда ставил себе в добродетель, что оставался верен ему в дружбе даже тогда, когда петербургское общество, следуя примеру двора, закрыло перед Мандтом двери. Дед один продолжал посещать и принимать Мандта. Вопрос этический, выступавший с такой рельефностью в данном случае, не раз во времена студенчества затрагивался нами в присутствии деда. Многие из нас порицали Мандта за уступку требованиям императора. Находили, что Мандт, как врач, обязан был скорее пожертвовать своим положением, даже своей жизнью, чем исполнить волю монарха и принести ему яду. Дед находил такие суждения слишком прямолинейными. По его словам, отказать Николаю в его требовании никто бы не осмелился. Да такой отказ привел бы еще к большему скандалу. Самовластный император достиг бы своей цели и без помощи Мандта: он нашел бы иной способ покончить с собой и, возможно, более заметный".

И это сообщение Пеликана, и приведенные выше данные могут склонить суждение о смерти Николая в сторону, противоположную официальным утверждениям, или поколебать противное мнение, но вопрос о смерти Николая не может почитаться разрешенным.

Записки Пеликана наводят на след протокола Грубера. Дальнейшее исследование и должно итти в направлении разыскания того медицинского журнала, который поместил протокол Грубера, или хотя бы выяснения того, действительно-ли Грубер [29]) заключен был в Петропавловскую крепость за опубликование протокола.

Но даже оставив в стороне фактические и гипотетические данные, можно поставить себе вопрос, допустимо ли психологически самоубийство Николая?

И когда мы раскрываем биографию и историю царствования этого глубоко-самолюбивого человека и яркого самодержца с своеобразной идеологией, сначала полного торжественного пафоса и самоуверенности — „Берегитесь, народы, и трепещите, ибо с нами Бог", а затем униженного, сознающего если не то, что „все царствование его было ошибкой", то все же сомневающегося, опечаленного и, действительно, переживающего трагедию, то мы говорим — *да, допустимо.*

Н. Штакельберг.

⁂

[29]) В просмотренной нами литературе имя Грубера не встречается совсем. Панаев указывает, что бальзамировал Николая проф. Наранович. Однако, из записок неизвестного лица, помещенных в «Русском Архиве» за 1892 год (№ 8), мы узнаем что *бальзамирование производилось два раза:* „второй раз бальзамировали Енохин и Наранович".

Встречи с И. С. Тургеневым.

„Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1879 году.

Еще будучи студентом, Яков Петрович Полонский собирал у себя по пятницам своих друзей. После некоторого перерыва эти собрания возобновились в половине шестидесятых годов по возвращении Полонского из Парижа в Петербург и происходили до его смерти, последовавшей 18 октября 1898 года. В дальнейшем продолжением их явились собрания «кружка», хранившего память о «пятницах Полонского».

Чрезвычайно общительный, терпимый, гостеприимный, Полонский имел широкий круг знакомых, и, благодаря этому, его «пятницы» отличались многолюдством, разношерстностью гостей, оживлением, непринужденностью. На вечерах появлялись представители высшей бюрократии—Вышнеградский, Победоносцев, Витте и др., литераторы и артисты, как, напр., Тургенев, Достоевский, Антон Рубинштейн, Горбунов, Савина, художники Айвазовский, Судковский, Верещагин, Репин, Каразин и др. Гости приходили обычно без приглашений.

Одним из посетителей «пятниц» был Дмитрий Николаевич Садовников (род. в 1847 г., сконч. в 1883 г.), поэт и автор исследований по этнографии Поволжья [1]). Садовников особенно чтил Тургенева, и именно желание зафиксировать свои встречи с ним побудило, как надо полагать, Садовникова записать то, чему он был свидетелем на «пятницах» в те годы, когда он там видел Тургенева.

Рукопись «дневника» Садовникова после его смерти была передана поэту Полонскому, от которого, по его кончине, перешла к его сыну—Борису Яковлевичу Полонскому, с любезного разрешения которого «дневник» печатается в «Русском Прошлом».

10-е марта 1879 г. Вчера в Благородном собрании был литературный вечер [2]) с участием Достоевского, Полонского, Салтыкова, Тургенева и Плещеева с Потехиным. Я был на нем, получив предварительно от Полонского записку о том, что Тургенев после чтения заедет к нему пить чай. „Надеюсь, что завтрашнюю пятницу не пропустите“ — писал Яков Петрович. Дело в том, что ни в один из прежних приездов

---

[1]) См. о нем в „Русском биографическом словаре“.

[2]) В пользу Литературного фонда.

в Петербург мне не удавалось встретиться с любимым автором „Рудина“ и „Аси“. Я приезжал обыкновенно из провинции или слишком рано, или слишком поздно. Недели две назад, когда еще Иван Сергеевич не ездил в Москву, Полонский, затеряв мое письмо с адресом, не мог известить меня о том, что Тургенев у него обедает, и пригласить на этот обед, чтобы послушать талантливые рассказы всеми любимого романиста. И ему, и мне было это очень досадно.

Вечер 9-го марта прошел блистательно. Щедрин прочел своеобразно один из своих недавних рассказов, временами и очень кстати зевая. Его одутловатое лицо, значительно седая борода и темные еще волосы, самый голос,—все это как нельзя более шло к содержанию и тону рассказа о том, как русский человек *годит* [3]). Произвел сенсацию: вызвали три раза. Я так и думал, что он, в конце концов, нетерпеливо крикнет: „Ну, чему обрадовались? Черти!“. Однако, нет—аплодисменты смягчают. За ним прочел два либеральных стихотворения [4]) добродушнейший и сладкий Плещеев, смахивающий по наружности на москвича-славянофила. Тоже похлопали, как петербургскому либеральному старожилу. А. Потехин произвел на меня и наружностью, и чтением скверное впечатление. Напомнил он мне Пузынского [5]) в роли бабы, как две капли. Отрывок выбрал из последнего своего шаблонного романа [6])—вообще ерунда. Тоже понравился. Я начинал бояться за то, что рук, пожалуй, окажется в конце вечера недочет: слишком неразборчиво-расточительны. Щедрина три раза вызвали и Потехина, кажется, три; как тут понять? После небольшого антракта вышел маленький Достоевский и начал читать одну из глав „Братьев Карамазовых“ [7]). Начал он вяло и скучно: речь шла о такой чертовщине в полном смысле слова, что я невольно подумал: „вот человек, точно лорд Редсток [8]) какой-то апокалипсис об‘ясняет“. Но когда дело дошло до признания Дмитрия Карамазова, все разом переменилось. Публика замерла. Болезненная глубина чувства этого сладострастника была так художественно-правдиво передана автором, что я ничего подобного не слыхивал. Манера читать прозу, стихи, делать вставочные обращения к брату, трепет голосового органа, где это требуется, ускоренный темп в сцене самоубийства, какая-то характерная торопливость на самом драматическом месте—неподражаемы. Его вызвали, если не ошибаюсь, пять раз [9]). За Достоевским сейчас же читал По-

---

[3]) См. первые главы „Современной идиллии“.

[4]) „Проповедник“ и „О, петь не всякому дано“. См. „Голос“, 1879 г., № 70.

[5]) Вероятно, В. З. Пузынский, служивший в 70-х г.г. в Контрольной палате в Симбирске, родине Д. Садовникова (указание Б. Л. Модзалевского).

[6]) „Молодые побеги“. См. „Голос“, 1879 г., № 70.

[7]) Главы, составляющие „Исповедь горячего сердца“ (первоначальное название „Рассказ по секрету“).

[8]) Редсток появился в Петербурге в 1874 году.

[9]) 11 марта 1879 г. Страхов писал Л. Н. Толстому: «Третьего дня было литературное чтение, и меня порадовало, что публика встретила Достоевского с таким же восторгом, как Тургенева...“ („Толстовский музей“, т. II).

лонский и этим много проиграл. Во-первых, публика еще не стряхнула с себя тяжелое впечатление предыдущего чтения; во-вторых, стихотворение „Нина Александровна“ [10]) длинно и, в силу тягучей декламации, утомительно действует на непривычных слушателей. Раздавались глупейшие замечания некоторых особ прекрасного пола, в большинстве случаев, по справедливому замечанию Пушкина, вовсе лишенных вкуса в высоком смысле этого слова. „Почему это скрипучая арба“ (смех), „Ну, лампадку зажгли“ [11]) (смех), „Что это за вой?“ и т. д. Полонский отчетливо, с паузами, напирая на музыку слов, так и отчеканивал свои стихи, которые, впрочем, в этот раз мне далеко не так понравились, как в первый раз, когда он их читал мне у себя в кабинете. Перед выходом он, видимо, был взволнован и говорил в начале вечера, что зала слишком велика. Вызвали два раза. Больше посовестились почему-то.

Вот, наконец, появился и редкий наш гость И. С. Тургенев,— он должен был закончить этот вечер, прочтя „Бурмистра“ [12]). Долго приходилось ему раскланиваться и раскланиваться без конца. Как я ни старался рассмотреть его лицо в бинокль,— не мог. Все лицо сливалось в какое-то красное пятно, окаймленное совершенно белой подстриженной бородой и снежно-белыми волосами. Публика почти вся поднялась, раздались аплодисменты, крики „браво!“, махали платками, неистовствовали, особенно женщины. Голос чтеца оказался слабее всех предыдущих голосов, и сначала я плохо различал читаемое. Звуки точно терялись где-то, тонули в усах, если можно выразиться. Но мало-по-малу от промежуточных описаний, которые Тургенев прочитывает несколько певуче и быстро, автор „Аси“ перешел к сценам. В них он мастерски сумел оттенить все голоса, особенно бурмистра и старика-крестьянина, пришедшего с жалобой к барину. Слова последнего он тоже прекрасно произносил, несколько в нос. Комически выделились речи третьего мужика, ежеминутно повторявшего: „отцы-благодетели!“. Читает И. С. с небольшой жестикуляцией, но значительно меньшей, чем у Достоевского. Опять финальный взрыв рукоплесканий и вызовов, от которых, в конце концов, Тургенев, как я после узнал, успел удрать.

Литературное чтение окончилось, вероятно, в полночь или около этого, и я отправился к Полонскому, куда должен был приехать Тургенев. На первых порах я не застал там ни хозяина, ни хозяйки, ни Ивана Сергеевича. Зато было много гостей и, между прочим, две новых для меня личности: Соловьев (философ из Москвы) и Григорович. Лицо первого напомнило мне какого-то монаха: борода, широкие усы, длинные волосы (черные) — вообще лицо оригинальное и умное. От него я узнал, почему разрешили „Русскую Мысль“ и запретили „Русскую

[10]) „Нина Александровна Грибоедова“.

[11]) „...И что скрипучая арба везет его домой...“, „...Когда, лампадку засветив, остались мы одни..“

[12]) В 1871 г. Тургенев несколько раз читал „Бурмистра“ на литературных вечерах в Петербурге.

Думу": конституции испугались [13]). С вечера я явился чуть-ли не первым. „Ну, что, как приняла публика Ивана Сергеевича?" — посыпались расспросы, и когда я сказал, что лучшего приема требовать нельзя, все очень этому обрадовались. Старик И. Ф. Золотарев [14]) просиял.

Раздался звонок—оказывается Тургенев с высоким полным мужчиной, постоянным своим спутником, кажется, Топоровым [15]). Большинство знавших уже его окружило и радостно приветствовало. Топоров, повидимому, молился на него, предупреждая малейшие желания, устраняя всякие неловкости, неудобства и пр. И вот, когда И. С. сел за круглый стол, взял стакан чаю и заговорил, я в него вгляделся и составил о нем первое и, надеюсь, самое верное понятие.

Все портреты, какие только я видел, не передают выражения этого поистине прекрасного лица, прекрасного своей неотразимой симпатичностью, именно тем, чем отличаются все произведения этого широкого лба, этого глубоко чувствующего сердца. На портретах Тургенев выходит груб, мужиковат, прост. Живой Тургенев, Тургенев, польщенный приемом, Тургенев в духе—совсем не то. На чертах лица видна, в голосе слышна порода — это прежде всего, что бросается в глаза. Во время оживленного рассказа выражение дышит каким-то юношеским одушевлением, седой бороды не замечаешь или забываешь. Что-то молодое сквозит и приковывает.

В начале, когда его обсели и обступили, я сидел в стороне и лишь мельком прислушивался к его простой, изящной речи, а затем меня как-то невольно увлекло его рассказом о Франции, о дорожных происшествиях; я подсел ближе и стал слушать. Говорил он о Василевской (пианистке), о поэзии ее музыки; хвалил Куинджи [16]). В конце концов явился Гайдебуров [17]) и стал смотреть Тургеневу в самый рот. Схватив общее выражение лица, общий тон речи, манеру, я стал разглядывать, следя за разговором, за мелочами, на которые, обыкновенно, не обращают никогда внимания. Во время разговора Тургенев иногда делал легкие красивые жесты, и я нашел, что руки у него тоже красивы — аристократические руки, лицо розоватое, рубашка на груди немного замахрилась, и тому подобную ерунду. Налево от Ивана Сергеевича сидел известный говорун Григорович, очевидно желавший вставить в разговор и свой рассказ, но Тургенев овладел общим вниманием и, не торопясь, свободно, непринужденно передавал все, что вспоминал, думал, чувствовал, так же непринуж-

---

13) Ежемесячный журнал „Русская Мысль" (С. А. Юрьева) первоначально предполагалось назвать „Русская Дума" (см. „Сборник в память С. А. Юрьева").

14) Товарищ председателя Славянского комитета.

15) А. В. Топоров. О нем в—воспоминаниях Скабичевского („Ист. Вестник" 1910 г. № 1); „И. С. Тургенев в заботах о судьбе своих сочинений. Письма к А. В. Топорову". („Русская Старина", 1883 г., № 10). См. также „Памяти Тургенева", Л. Нелидовой. („Вестник Европы", 1909 г., № 9).

16) Широкая известность Куинджи началась с 1876 г., когда он выставил „Украинскую ночь".

17) П. А. Гайдебуров, редактор-издатель журнала „Неделя".

денно, как Лавровская[18]) берет любую ноту своего регистра. Речь шла о Париже и необыкновенной чинности национального празднества в память республики, празднества, где были тысячи, тысячи почти исключительно блузников, и не произошло никикого скандала.

— „Французов спасает эта особенная, свойственная им, courtoisie. Представьте, тут люди веселились вполне искренно, большей частью ремесленники,—буржуа почти не было—прачки, слесаря, фабричные, торговки с запахом сыра, водки. Для их праздника отведено было огромное помещение и никто не позволил себе, например, относительно женщин ничего. У нас бы давно вышло что-нибудь, и когонибудь за неприличие бы вывели. За то без возмущения и волнения, признаюсь, я ни разу не выходил из суда, где разбиралось дело какой-нибудь французской женщины. Возмутительно! Видно, что публика настроена в пользу подсудимой (я говорю, главное, об отношениях жены к мужу и т. п.). Но никакая защита не становится на сторону французской женщины. Закон решает наказать, и против буквы закона—ни слова. Все это так, но такая-то статья закона говорит то-то—и кончено. Возмутительно!“.

Затем, помнится, разговор перешел на Москву, где в последнее время проявился замечательный сценический талант у одной женщины, которая человек у тридцати сумела выпросить денег, разыгрывая несчастную, убитую горем, и пр., а, в конце концов, не выдержала и сказала, что это она только представляла—не более.

— „До того входила в роль,—говорил Тургенев,—что рыдала, буквально рыдала, уходя шаталась, дрожала, как бы невзначай, того сама не сознавая, роняла деньги, которые за ней подбирали и пр. в этом роде. Со мной там случилось нечто подобное. Один мой знакомый, Кашперов[19]), говорит раз при встрече: „Что, И. С., вы не откажетесь участвовать в концерте с благотворительной целью?“ Я, конечно, согласился. Дня через два, представьте мое удивление, вижу афишу и на ней крупными буквами, такими, какими о свежих устрицах вывешивают известие, стоит моя фамилия, что я буду что-то читать,—где бы вы думали?—в Большом театре. Просто убили. Явился я в Большой театр, с грехом что-то прочел. Набрал Кашперов, надо вам сказать, каких-то пискунов, визгунов в концерт—просто слушать невозможно. Входит в ложу человек и говорит, что меня желает видет некто. Выхожу—молодой человек ангельской наружности.—Что вам угодно?—Я, говорит, И. С., из Ташкента приехал сюда и желал видеть вас по одному делу. Барон Шван.—Здесь неудобно теперь, загляните завтра ко мне. Приходит, начинает путаться; ничего я не понимаю, спрашиваю: чего же вам надо? Штурманом, оказывается, где-то был, есть билет на проезд до Кременчуга, а от Кременчуга до Киева, кажется, нет, стоит 17 руб. и пр. Я ему даю 20 рублей. Только все

---

[18]) Е. А. Лавровская, в 1868—72 и 1879—1880 гг. певшая на сцене Мариинского театра.

[19]) Композитор Кашперов был рекомендован Тургеневу в 1856 году Герценом и Огаревым („Новое о Герцене“.—„Современник“, 1913 г., кн. № 6).

сомневаюсь и до сих пор. Такое наивное ангельское лицо—не эксплоатирует-ли он им?“ [20]).

Вообще вечер с Тургеневым принял какой-то особенно семейный характер. Помню одно меткое замечание И. С. на счет русского человека: „Ведь, вы знаете, когда русский человек попадает под суд, у него вид совсем изменяется. Является какая-то особенная гордая осанка“.

Представился я ему перед самым уходом, при чем совершенно искренно выразил свое довольство, тем, что вижу его после стольких тщетных стараний увидать. На вопрос, долго-ли он пробудет здесь, Тургенев отвечал, что с неделю. В следующую пятницу должен состояться литературный вечер с Савиной, [21]), на котором пойдет „Провинциалка“. Хотели многие попросить Достоевского повторить прочитанный отрывок из „Карамазовых“ [22]). Как маленькую память обо мне, я передал Тургеневу свой сборник, [23]) чем, повидимому, он остался доволен“.—„Милости прошу ко мне, часов до 12 я дома“. Был третий час утра, когда общество разошлось [24]).

Не обошлось и без маленького скандала [25]). Когда Тургенев прошел за занавес в комнату для чтецов, в корридоре он столкнулся со Щедриным и протянул ему руку; тот слегка взял ее и отворотился. Достоевский сделал то же. „Здесь что-то холодно!“—заметил Тургенев своему спутнику и вышел из комнаты. Те, очевидно, поняли это и после подходили к Тургеневу, заводя с ним разговоры о разной всячине.

Во вторник 13-го марта 1879 года я навестил Ивана Сергеевича часов около одиннадцати утра. Он стоял в Европейской гостинице, № 194. Накануне я был у него, но не застал. Через небольшую полутемную прихожую я подошел к нумерной двери и спросил, можно-ли войти. Несколько робкий голос ответил: „войдите“, и я очутился перед Тургеневым, еще не одетым, в пестренькой клетчатой фуфайке на французский манер. В первую минуту он не узнал меня.

— „Садитесь, пожалуйста, вот здесь“—приглашал он меня, указывая на диван, а сам располагаясь в креслах. „Просматривал ваш сборник и нахожу его интересным; мне особенно нравится толковая и ловкая группировка загадок“. „А я—продолжал хозяин номера—все читаю:

---

[20]) Этот рассказ приведен в воспоминаниях Ободовского („Ист. Вестн.“ 1893 г., № 2).

[21]) Отношения М. Г. Савиной (игравшей на сцене Александринского театра с 1874 г.) и Тургенева—см.: *М. Савина*, Мое знакомство с Тургеневым („Театр и Искусство“, 1900 г., № 2). „Тургенев и Савина—письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной“ (Петр., 1918 г., с предисловием А. Ф. Кони).

[22]) На литерат. вечере 16 марта Достоевский читал тот же отрывок („Голос“, 18 марта 1879 г.).

[23]) Вероятно, изданный Д. Н. Садовниковым в 1876 г. сборник „Загадки русского народа“.

[24]) В тексте здесь следует фраза: „Крупный нос, две глубокие морщины над переносицей“, относящаяся, очевидно, к Тургеневу.

[25]) На описанном выше литерат. вечере в Благородном собрании.

завтра буду читать у графини Толстой [26]), еще будут Полонский и Григорович, а в четверг с Савиной участвую в „Провинциалке“ [27]). Только я положительно не знаю, как это у меня сойдет; да и смешно выйдет: она будет играть, а я напротив нее читать по книжке. Иные вещи я сам сознаю, чувствую, что читаю как следует, ну, а актер я—более, чем плохой; до того плохой, что раз в одном интимном кружке составился спектакль; я был тоже участником, знал роль, но, представьте, вышел и ничего не могу сделать. Так мне закричали: вон, вон (à bas! à bas!)!. Одним словом, я такой же плохой актер, как и плохой драматический писатель“.

Я согласился с тем, что том его комедий—самый слабый том из собрания сочинений, и выразил сожаление, почему он не позволит издать своих стихов [28]) и почему считает их уже до такой степени плохими.

— Бесцветны они, и я их не люблю,—отвечал И. С. Затем продолжал он по поводу своих петербургских чтений.

— Напали на меня некоторые литераторы (Гайдебуров, например), зачем я согласился читать с Савиной, что мне, как литератору, это неловко, и пр. Во-первых, я ничего не вижу в том, что придется перед публикой выйти на сцену вместе с Савиной—это все вздор; во-вторых, отказаться я не в силах, не могу, чему, может быть, виной моя слабохарактерность. Но что у нас с Савиной выйдет — недоумеваю. Я могу, чувствую это, на первых порах сконфузиться.

— Долго-ли вы пробудете здесь?—спросил я.

— В субботу уеду непременно.

На это я высказал сожаление, что такой короткий срок не дает ему возможности оставить для России хороший, схожий портрет работы Крамского (к которому накануне я заезжал с Полонским, передавшим художнику желание Тургенева,—ибо Харламовским он недоволен [29]) и уверен лишь в таланте и искусстве одного И. Н. Крамского). На грех у Крамского были больны дети скарлатиной, да и срок (шесть дней) слишком мал для того, чтобы что-нибудь вышло.

Затем я обратился к Тургеневу с интересовавшим меня вопросом на счет молодой французской поэзии, по поводу Ришпена и Бушора, перевод из которого выпускал тогда в свет.

—„Я расскажу вам все, что знаю,—начал И. С.—Видите-ли, во Франции или, собственно в Париже, несколько поэтических партий, из которых каждая сторонится от другой. Во-первых, парнасцы, считающие своей

---

[26]) С. А. Толстая—вдова поэта. О ее литературных вечерах, на которых бывали Гончаров, Достоевский, Полонский, Вл. Соловьев, писал в апреле 1880 г. Н. Н. Страхов („Толстовский музей“ т. II). См. также воспоминания К. А. Головина, т. I, гл. XXIII.

[27]) Выступление Тургенева с Савиной состоялось не в четверг 15-го, а в пятницу 16-го марта.

[28]) Первое издание стихотворений Тургенева вышло после его смерти, в 1885 г.

[29]) Портрет Тургенева был написан Харламовым в 1875 г. в Париже. В письмах Тургенева середины 70-х г.г. повторяются восторженные отзывы о Харламове, как портретисте.

главой де-Лиля. Сюда принадлежат: Сулари, Банвиль, Лемуан и прочие. Франсуа Коппе стоит особняком между парнасцами, заботящимися исключительно об изящной форме, и молодыми реалистами-искренниками (Ришпеном, Бушором и др.). Последние, решившие говорить правду до такой степени, что один из кружка даже выразился: „Nous ecrirons sur notre drapeau: la verité seule! à bas l'interêt“ (не в смысле денежного интереса, а интереса содержания, лишь бы правда была), не всегда, однако, избавлены от французской напыщенности и деланности. В одном из стихотворений Ришпена (из „Chanson de gueux“) есть такие строки...

Тут Тургенев стал очень звучно и отчетливо декламировать строфы, содержание которых более чем курьезно и грубо, несмотря на красоту стиха: „Сядем, друг мой, в омнибус и заедем в кабачок—au Batignol, где поедим „des attignoles“ (хлебы, посыпанные тмином — на языке воров), затем выпьем вина, подойдем к стене, приложимся к ней лбами и... (et nous pisserons) этим вином“ [30]).

— Заметьте,—сказал Тургенев,—что слово pisser приобрело в „Assomoir“ Зола право гражданства: оно там minimum 30 раз попадается на страницах. Оба, надо заметить, и Бушор, и Ришпен — люди талантливые, особенно первый, но в последнем страшная любовь к фарсу—c'est un farceur. И рядом с таким грубым по содержанию и бесвкусным стихотворением попадаются вещи замечательной простоты и красивой отделки во вкусе А. Шенье. Я помню маленькое стихотворение: сцена в лесу,—два мальчика нашли в нем старого больного козла и несут его на себе. Прелесть, что за вещица по художественности исполнения! [31]).

Разговор наш прервал минут на десять Топоров, зашедший сообщить, что Савина, у которой он был сейчас, трусит читать с Иваном Сергеевичем и пересматривает Полонского, чтобы прочесть какое-нибудь стихотворение со сцены.

— Вот, видите,—заметил я Тургеневу—не вы один трусите, и Савина также. А на людях и смерть красна. Я даже почти уверен, что пьеска сойдет, потому что начинается очень непринужденно и подходит настоящему положению дела.

Говорили о том, что в Москве вообще теплее, чем в Петербурге, что в последнем немного старых знакомых, не столько, как там,—Полонский, Костомаров, и то только пожалуй (говорил Топоров).

— А Григорович?—добавил Тургенев.

После ухода гостя Иван Сергеевич продолжал начатый разговор.

— Да! так я остановился на молодых людях натуральной школы, как она у нас называлась. Главой своим они считают Бальзака, а предводителем, как вам известно, Флобера. Бушор и Ришпен часто бывают у Зола—они друзья.

— Вы лично знаете Бушора?—спросил я.

---

[30]) Стихотворение „Fleurs de boisson“ из отдела „Nous autres gueux“.

[31]) Вероятно, стихотворение „Le bouc aux enfants“ из первой части сборника „La Chanson de gueux“. Содержание стихотворения передано не совсем точно.

— Как же, знаю. Это—богатый молодой человек, так же, как и Ришпен, очень красивый, высокий, с продолговатым лицом и темной бородой. Живет в Париже.

Я был несколько изумлен, узнав, что Бушор богат.

— Вчера был я у Щедрина,—продолжал Тургенев,—и он мне показывал последнее произведение Ришпена („Madame André"), на обороте которого стоит посвящение от автора, где Щедрин называется maître или что-то в этом роде. Вообще, надо вам сказать, кружок французских реалистов считает молодых русских литераторов своими учителями: им нравится наша правда и искренность.

— Ну, они несколько ошибаются относительно правдивости многих современных русских писателей,—заметил я; это, однако, любопытное явление.

— Третий кружок—романтиков. Во главе их стоит В. Гюго. Драматические вещи его они отвергают, оставляя одни лирические стихотворения и романы. Парнасцы тоже примыкают к нему одной стороной.

При этом Тургенев упомянул о Сюлли и его „Vase brisè" [32]), как о человеке, у которого мелькает иногда поэзия, но которого философия убила, как поэта. Один из романтиков (он назвал какую-то фамилию; помню, что фавн играл роль в заглавии [33]) его поэмы) написал такую вещь, что даже сам ее не понимает, не говоря о французах.

— Что-нибудь в роде „Хевери" нашего Соколовского [34]) заметил я.

— Хуже еще. Каким-то особенным, выдуманным языком. Скажите пожалуйста, вы сами постоянно в Петербурге живете?—спросил И. С.

— Нет, я призжаю сюда только по зимам и ненадолго, за исключением нынешнего раза.

— А за границу собираетесь?

— В конце этого года думаю с'ездить в Париж.

— Когда именно? Летом или позже?

— Хотелось бы в августе или сентябре.

— Приезжайте. Я вас познакомлю со всеми тамошними молодыми поэтами. Это—хороший, милый народ, веселый и искренний. Вам будут рады. Я люблю французскую молодежь, только одно мне в ней не по вкусу: ни один из нее не может обойтись без женщины-самки. Есть у меня один знакомый, молодой поэт Maupassant [35])—его настольной книгой является такая вещь, про которую просто неприлично, собственно, упоминать. И это все почти такие. Влюбляться—влюбляются, но как бы совестятся сознания этого, а любовную, так называемую у нас, благородную интригу—сейчас на показ и хвастают ею. Старику еще это туда-сюда, как воспоминание об ушедшей юности, жаждав-

---

[32]) В переводе *Апухтина* приобрела широкую известность в России.

[33]) Не эклога-ли Малларме „L'après midi d'un faune", вышедшая отдельным изданием в 1876 г.

[34]) О *Соколовском* см. в „Былом и Думах" Герцена (ч. I, гл. XII), в „Литературных воспоминаніях" Панаева (ч. I, гл. IV) и в воспоминаниях Сатина в I томе издания „Русские пропилеи". Поэма Соколовскаго „Хеверь" была издана в 1837 г.

[35]) В 1879 г. Мопассану было 29 лет. В то время он писал преимущественно стихи.

шей всякого рода ощущений и приключений, ну, а молодому—право, не понимаю, зачем это? Если приедете в Париж зимой, то найдете меня № 50, Rue de Douai, а летом—в Буживале, это недалеко от Парижа. Да вот, я вам сейчас его запишу.

И, достав карандаш, Тургенев записал свой адрес на визитной карточке и отдал мне.

Пока он отыскивал карточку, я успел бросить беглый взгляд на окружающую обстановку. Номер был скромный, рубля в три; кровать отгорожена ширмочками; против стола, за которым я сидел, стоял комод, заваленный книжными приношениями; налево — небольшой письменный стол с пачкой французских писем и злосчастной брошюрой Цитовича [36]).

Разговор затянулся чуть не на целый час. Я раскланялся.

— Очень рад знакомству с вами—сказал Тургенев, пожимая мне руку. Кстати, позвольте ваш здешний адрес,—и записал его в свою памятную книжку.

Перед уходом я попросил у него на память карточку.

— Если будете сниматься, И. С.,—сказал я,—то дайте мне карточку, на память.

— А вот, постойте.—Он вынул из стола целую пачку портретов, снятых проездом в Москве, работы известного Дьяговченки.—Выбирайте любую. Они не совсем похожи: я все какой-то грустный выхожу на них, но лучше нет,—и он присел к столу сделать надлежащую в этих случаях надпись.

Я поблагодарил, пожал еще раз руку и вышел.

Третий раз я видел И. С. Тургенева в пятницу, 16-го марта 1879 года, после литературного вечера в Благородном собрании [37]). На вечере я сам не был. Женщины поднесли И. С. венок, перед принятием которого он невольно сделал недоумевающий курьезный жест и начал раскланиваться. Публика помирила его с Достоевским, заставив выйти обоих рука-об-руку [38]).

Только что кончился вечер, я встретил у Полицейского моста Ел. Эрн. Вашкевич (молодую женщину-медика) и мы отправились к Гайдебуровым, куда была кстати, как я узнал перед этим, перенесена пятница Я. П. Полонского (он читал в собрании своего „Казимира").

У Гайдебуровых (на углу Ивановской и Кабинетской улиц) собралось много самого разнохарактерного народа. Первые знакомые

---

[36]) В 1878 г. вышло несколько брошюр *П. П. Цитовича.* Крайне резкий отзыв Тургенева об одной из брошюр—в письме его к Стасюлевичу („Стасюлевич и его современники", т. III).

[37]) В пользу Литературного фонда. Тургенев читал с Савиной 15-ое и 16-ое явления „Провинциалки" и, кроме того, „Бирюка".

[38]) За два дня перед тем, 13 марта, на обеде, устроенном в честь Тургенева литераторами; учеными, художниками и артистами, демонстративное поведение Достоевского обратило на себя общее внимание.

лица, которые мне попались, не считая хозяина и хозяйки, были старик Золотарев (Ив. Өед.) и Тургенев. Последний был, очевидно, в духе, но, благодаря тому обстоятельству, что вечер был не у Полонского, сравнительно мало говорил. Вдобавок скоро явился мизерный по наружности Достоевский. Я больше года, как не видал его. Он похудел, нос как-то заострился, то же трусливое выражение нецветного лица, как и тогда. Он вошел и сделал как-то недоумевающе общий поклон, точно боясь, что никто или многие на него не ответят. Вообще он, должно быть, страшно подозрителен. На пятницу пригласила его Жозефина Антоновна [39]). Он согласился, а Яков Петрович мимоходом шепнул жене, зачем она пригласила, зная, что Тургенев будет и произойдет неприятная сцена. Достоевскому сейчас кинулось в голову, что Полонский не желает быть знакомым, сделал жене замечание по поводу его и пр., рассердился и начал везде распространяться о том, что его нога больше не будет у Полонских. Яков Петрович был вынужден ехать и лично об'яснить дело на чистоту. Только тогда Достоевский поверил и приехал. Я заметил в голосе Достоевского до странности болезненные, нервные ноты. Весь организм его явно расшатан до невозможности, и довести автора „Преступления и наказания" до слез—ничего, я думаю, не стоит.

Я забыл упомянуть о том, что при входе невольно обратил внимание на одну молодую хорошенькую даму в черном бархатном платье, в перчатках, с огромным, несколько раз охватывающим руку, браслетом и боковым пробором на каштановой головке. Это сидел оригинал того самого мастерского портрета, который я на-днях видел на Передвижной выставке (Юлия Петровна Маковская, жена художника). Она изображена на портрете в каком-то ярком пунцовом берете с грудью, сплошь покрытой кружевами. Тот же характерный, немного с одной стороны открытый, рот, хорошие глаза, несколько вздернутый нос и довольно наивное общее выражение лица.

Рядом с ней сидела актриса Савина, игравшая в этот вечер с Тургеневым „Провинциалку". Красивая женщина с умным и симпатичным лицом, обладающая манерами хорошей актрисы и, судя по многому, знающая себе цену.

Вскоре после моего первого беглого осмотра вошла Дарья Михайловна Леонова [40]), которая имеет вид женщины лет за сорок, хотя на самом деле ей, кажется, 55 лет. Она недавно вернулась из кругосветного артистического путешествия по Китаю, Америке и Японии. Фигуры Тургенева, вставшего ей навстречу, и Д. М. Леоновой были обе до крайности оригинальны. Представьте себе высокого, несколько наклонившегося старика с большой седой головой, с необычайно милым, до детскости, лицом и печатью какой-то особенной аристократической простоты талантливого образованного человека, а перед ним

[39]) Ж. А. Полонская—жена поэта Я. П. Полонского.

[40]) Д. М. Леонова пела на сцене Мариинского театра с 1852 по 1873 г. Ее воспоминания в „Историч. Вестнике", 1891 г., №№ 1 — 4. См. о ней: *Римский-Корсаков*, Летопись моей музыкальной жизни (гл. XVI).

толстую-претолстую, в черном бархате, декольте Леонову, среднего роста, принужденную глядеть вверх и говорящую: „Здравствуйте, Иван Сергеевич! Очень рада, что наконец опять увидела вас!“. Она была настолько любезна, что много пела. Голос у нее остался, но комнатный, или для небольшого театра. Поет она, как встарину, театрально, с большим выражением, только для пения любовных романсов—стара, и во время пения лучше смотреть не на нее, а в сторону. Небольшой перламутровый веер ходит постоянно в руках. Мне особенно понравилась, переложенная на музыку, байроновская вещь: „Душа моя мрачна“ [41]).

Тургенев и Достоевский уехали после чая; кажется, с ними же скрылся и М. М. Стасюлевич, что-то нашептывавший Ивану Сергеевичу. Савина тоже уехала.

После легкой выпивки и закуски подали ужин, обильный и с достаточным количеством вина. Ужинали на два стола; даже накрыт был небольшой третий, но неизвестно для кого—он остался пустым. Я спросил у Жозефины Антоновны (которая, замечу, была в этот вечер прехорошенькая), нельзя ли устроить уголок Полонских, подразумевается—из знакомых Полонских, и мы сели втроем на одном конце стола (ближе к входу): она—с правой стороны от меня, а за ней—Аленицын [42]). Всех гостей было человек за 30. Перечислю их по порядку, насколько помню.

Налево от меня сидел Червинский [43]) (молодой человек, писавший, как после оказалось, в „Неделе“), черненький малоросс, очень невзрачный, но почему-то все подливавший мне вина и говоривший об искусстве. За ним А. Потехин, Плещеев, Пыпин, кажется, Гаевский [44]), К. Маковский (хороший голос), И. Золотарев (член Славянского комитета — сердце Жуковского и душа Одоевского), Я. П. Полонский, Д. М. Леонова, Ю. Маковская, неизвестный молодой человек, аккомпанировавший Леоновой на рояле, m-me Ватсон [45]), m-me Вашкевич [46]) и композитор Рубец [47]), уморительный, маленький и толстый мужчина.

На другом заднем столе помню Л. Полонского [48]), с круглым лицом и широкой черной эспаньолкой под нижней губой. Больше не помню. Вероятно, это были люди, вовсе непричастные литературе.

По мере того, как выпивалось, разговоры становились шумнее, начали провозглашать тосты, благодаря которым и выяснились фамилии лиц, мне до той поры неизвестных. Чуть-ли не первый тост

---

41) Вероятно, „Еврейская песня“ Балакирева.

42) В. Д. Аленицын, известный зоолог.

43) П. П. Червинский — земский статистик. С 1875 по 1880 г. в „Неделе“ помещал статьи преимущественно по вопросам провинциальной жизни, за подписью П. Ч. «Черниговец».

44) В 1879—1881 г.г. В. П. Гаевский был (вторично) председателем Комитета Литературного фонда.

45) М. В. Ватсон—известная переводчица.

46) Упоминаемая выше Е. Э. Вашкевич, „женщина-медик“.

47) А. И. Рубец, музыкальный писатель и собиратель народных песен.

48) Л. А. Полонский с 1868 по 1880 г. вел внутреннее обозрение в „Вестнике Европы».

предложил Я. П., заявив желание, чтобы в будущем году было целых 52 недели (газета „Неделя“ была остановлена на три месяца, и 1-го апреля выходил положенный срок). Кто-то предложил тост за здоровье Маковского. Полонский воспользовался этим и пригласил всех выпить за здоровье той, которая его вдохновила. Я, признаюсь, был очень рад, что Я. П. нашел удобный случай не миновать такой хорошенькой в своем роде женской головки.—„Посмотрите,—говорил я Жозефине Антоновне,—какой оригинальный костюм, прическа и все. Очевидно, кокетничает и одевается нарочно не столько модно, сколько художественно. Жаль, что она—не литератор и не живописец, а то бы следовало провозгласить в честь ее особый тост“. Когда желанный тост был произнесен, и руки присутствующих потянулись к Маковской, Жозефина Антоновна заметила про находчивость своего мужа. Всех тостов было, я думаю, до двадцати. Помню, что я предложил его за здоровье Дарьи Махайловны Леоновой, что вызвало общее искреннее единодушие. Пили за Полонского, за весь прекрасный пол (тост Я. П. опять), за Червинского (предложил Гайдебуров), как за автора статьи о деревне, произведшей сенсацию, за А. Потехина, Плещеева, Ватсона [49]) и m-me Ватсон, m-me Вашкевич, как молодого медика (ее так и Тургеневу представили). Я встал опять, чтобы выпить за Золотарева, и вдруг слышу с противоположного конца стола голос Полонского: „Уж пили, пили. А вот,—продолжал он,—я предлагаю, г.г., тост за здоровье Дмитрия Николаевича Садовникова, как собирателя памятников народного творчества и будущего литератора“. Кто-то сказал: „Вот это так, это следует“. Я не мог не улыбнуться,—и началось чоканье. Прежде всех подошел сияющий добродушием Золотарев, указав на то, что собирать это — редкость в нынешнее время: все больше расточают; затем Полонский, сосед Червинский, Потехин, Плещеев и много женских рук потянулось с другого конца стола (Вашкевич, Ватсон и пр.), После тоста, предложенного за новоявленного беллетриста Л. Полонского, написавшего „Надо жить“ [50]), автор встал и произнес тост, содержание которого было следующее: „Г.г., я согласен, что надо жить, но при настоящих условиях жить трудно, и потому предлагаю выпить за русскую свободу“. Оставалось собственно вслед за этим выпить за здоровье тех, кто лишен ее, но такого тоста не было. После ужина опять пела Леонова (пел до этого тенором и Маковский). Вечер кончился около четырех часов.

Тургенев должен был уехать в воскресенье.

Д. Н. Садовников.

---

[49]) Э. К. Ватсон, известный журналист.

[50]) Повесть была напечатана в 1878 году в декабрьской книжке „Вестн. Европы“, за подписью Лукьянова. Очень сочувственные отзывы в письмах Тургенева и Анненкова к Стасюлевичу („Стасюлевич и его современники“, т. III).

Концессия на Ялу *).

К характеристике личной политики Николая II.

„...Чего я не постигаю, это — двойственность в ведении нашей политики на Востоке: *царская официальная* и *царская же неофициальная*, причем каждая имеет своих агентов, несомненно ссорющихся".

(Из письма гр И. И. Воронцова к С. Ю. Витте в мае 1903 г.).

I.

Знаменитые в свое время лесные концессии на реке Ялу, на корейско-манчжурской границе, вокруг которых оформилось „Русское Лесопромышленное Товарищество на Дальнем Востоке" (31 мая 1903 г.), входили лишь частицей в некоторый обширный план—организации „Восточно-Азиатской промышленной компании" с целью приобретения возможно большего количества концессий в Манчжурии, Корее и Восточной Сибири и передачи их, под верховным надзором „Компании", в эксплоатацию „филиальных" обществ, с привлечением в эти последние и иностранных капиталистов.

Политический смысл этого плана усматривался авторами его в том, чтобы создать „реальные" экономические русские интересы на Дальнем Востоке, связать их с интересами иностранного, преимущественно французского и американского, капитала и под предлогом охраны этих интересов сделать возможным проникновение русских военных отрядов, под видом рабочей силы промышленных предприятий, в Корею и те пункты Манчжурии, где нельзя было, в виду международных соглашений, держать войска открыто.

Этот „истинный" смысл концессии на р. Ялу до русско-японской войны и ее печальной развязки держался в секрете, и пища для слухов о таинственном коммерческом предприятии и самих предпринимателях была богатая. Содержание слухов тогда, в 1904—05 г.г., сводилось к тому, что в предприятии, из-за которого-де началась война, материально заинтересованы члены императорской фамилии и дворцовые круги, и в просторечии принимало такой вид, что Россия воевала из-за чужих лесов, которые царь в аренду взял и не хотел уступить японцам. Соблазн был так велик, что в начале декабря 1904 г. царь поручил В. М. Вонлярлярскому, одному из „концессионеров", составить исторический очерк всего дела с самого его возникновения в 1898 году и посвящать, при случае, „благонадежных лиц в истинные задания концессий". Такой очерк Вонлярлярским вчерне был составлен, но,

*) Настоящий очерк представляет извлечение — отчасти переработанное и дополненное—из другой работы автора о том же предмете.

насколько известно, опубликован так и не был[1]). В 1905 г., еще до заключения мира, сделана была вторая попытка реабилитировать фактических руководителей русской политики на Дальнем Востоке, участников Лесного Товарищества, засевших в „Особом Комитете Дальнего Востока“ под председательством царя (учр. 30 августа 1903 г.) и действовавших через наместника на Дальнем Востоке адм. Алексеева, минуя центральные ведомства иностранных дел и финансов и даже не осведомляя их о предпринимаемых шагах и состоявшихся решениях. Канцелярией Комитета была отпечатана и распространена в высших кругах официального Петербурга „на правах рукописи“ т. наз. Малиновая книга под заглавием: „Документы по переговорам с Японией 1903—1904 г.г., хранящиеся в канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока“. Здесь проводилась мысль, что „в деле уступок“ в корейском вопросе „мы дошли до крайних пределов“, и „повидимому, не оставалось причин, почему бы все недоразумения с Японией не могли быть улажены, а война с Японией—избегнута“; однако, „войны мы не отвратили потому, что скрытые цели Японии оказались лежащими за пределами корейского вопроса и остаются перед нами до сих пор скрытыми“. Министерство иностранных дел поспешило (через несколько дней) выступить с ответной „Запиской по поводу изданного Особым Комитетом Дальнего Востока Сборника документов по переговорам с Японией 1903—1904 г.г.“, где, в резком тоне критикуя как самое издание, так и политику Комитета, обвиняло Особый Комитет в „государственном преступлении“—опубликовании „Высочайших секретных депеш“. Малиновая книга, разосланная уже „*в нескольких сотнях экземпляров*“ [2]), после этого выступления министерства была из‘ята из обращения канцелярией Комитета под предлогом „вкравшихся в нее неточностей“ [3]). Николая II, однако, продолжала занимать мысль о реабилитации, и в июле 1905 г., после от‘езда Витте в Портсмут на мирную конференцию, он поручил членам Государственного совета О. Б. Рихтеру и В. П. Череванскому „ознакомиться с имеющимися в разных правительственных ведомствах данными о предшествовавшей войне с Японией деятельности правительства на Дальнем Востоке, начиная со времени возникновения мысли о занятии нами Порт-Артура“ и „на основании этих материалов выяснить причины, которые привели нас к вооруженному столкновению с Японией“ [4]). Составление Череванским соответствующей записки

[1]) Незначительная часть его, много позднее, была включена автором в брошюру „Чукотский полуостров. Экспедиция В. М. Вонлярлярского и открытие нового золотоносного района близ устья р. Анадыря, 1900—1912 г.“. Брошюра эта была разрешена к напечатанию 1 марта 1913 г. министерством императорского двора „только на правах рукописи“. Стр. 1 — 16 и 44 — 49 (из 69 с.с.) попали в брошюру из названного черновика. Сохранились и копии документов, которые имелось в виду приложить к тексту.

[2]) Назв. „Записка“, стр. 6.

[3]) Как выразился управляющий делами комитета адм. Абаза в письме к министру финансов, прося его вернуть доставленный тому экземпляр издания.

[4]) Письмо О. Б. Рихтера к В. Коковцову от 25 июля 1905 года. 29 октября министерство финансов препроводило в комиссию Рихтера двенадцать обширных томов документов. Архив Общей канцелярии минист. финансов, 3 отд., № 147.

затянулось до конца 1907 г., когда, вероятно, интерес к вопросу у царя успел ослабеть. Ялу-цзянскому Товариществу отведено в ней много места и критических замечаний. При всей осторожности тона записки и здесь царь мог прочитать ту же досадную версию о причинах войны, получившую, повидимому, неот'емлемые права гражданства даже в близких к сферам кругах: „если беспристрастная история и упрекнет когда-либо Россию в ее правовых отношениях к независимости Кореи, то только в пределах неудачных операций полуофициальной, получастной компании в бассейне р. Ялу", операций, которые в глазах „иноземного мира" представлялись „как бы завесою иных, более серьезных целей, одною из которых могло служить завладение Кореей" [5]).

Не случайно, что царь предложил начать обследование вопроса с момента „возникновения мысли" о занятии Россией Порт-Артура. Именно к этому моменту относится его первое активное выступление в дальневосточной политике наперерез направлению, какое придано было ей, в связи с постройкой Великого Сибирского пути, главным руководителем постройки и диктуемой ею политики — министром финансов С. Ю. Витте. И именно с отрешением Витте от этого поста связано было окончательное, оформленное в учреждении Особого Комитета Дальнего Востока, торжество личной политики Николая [6]).

Сооружение Сибирского ж.-д. пути, попавшее фактически в руки министра финансов еще при Александре III, стало для Витте делом жизни и, как кажется, основным, организующим всю его политическую программу, фактом. В частности, решение международной проблемы России у Витте—мало сказать—связывалось с Сибирской магистралью: оно определялось во всех деталях и вынуждалось доступными его глазу последствиями этого грандиозного начинания. Колосс на глиняных ногах, как понимал Россию Витте, только при соблюдении крайней размеренности в движениях, мог расчитывать на дальнейшее существование, и внешний мир становился непременным условием какой бы то ни было работы над внутренней перестройкой и экономической поправкой истощенной страны. Для мирного хозяйственного труда, и надолго, Россия уходила с Ближнего Востока на Дальний, вступая там в роль культурного посредника между Европой и Азией. Она отныне не будет угрожать европейскому миру и даже хотела бы утвердить его не только в своих интересах, но и в интересах самой Европы. Ведь, вооруженный мир едва-ли способен удержать европейское равновесие, но если он и не разрешится войной в ближайшее время, он грозит надорвать силы народов Старого Света и ведет их неизбежно и неизменно к культурному упадку. Среди цветущего роста вне-европейских могущественных цивилизаций Старой Европе предлежит незавидная будущность второстепенной величины, а война и совсем выведет ее из счетов мировой политики [7]). В этой мировой постановке европейской проблемы Витте

[5]) „Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией", стр. 59 и 69.

[6]) Отставка Витте состоялась 16 августа 1903 г., 30-го—учрежден Комитет.

[7]) *С. Ю. Витте* „Воспоминания„ т. I—беседа Витте с Вильгельмом I 1897 г.—стр. 110.

находил почву для такой международной комбинации, в которой роль России соответствовала бы и ее достоинству, и ее насущным интересам, и историческому, как не уставал он повторять, призванию. Речь шла об установлении великого континентального союза государств европейско-азиатского материка: Франции, Германии и России и России и Китая, в интересах внутреннего и внешнего их самосохранения. Это означало бы, прежде всего, освобождение соответствующих бюджетов от гнетущих расходов на сухопутную оборону при незначительной лишь прибавке расходов по усилению обороны береговых линий. Витте не обольщал себя относительно легкой и быстрой осуществимости такой редакции континентальной системы, когда излагал ее Вильгельму II в 1897 году [8]). Но русскую внешнюю политику текущего дня он считал необходимым ясно и твердо вести к так поставленной цели. Проблема Дальнего Востока в ней становилась центральной проблемой. Громадный „политический риск“, заключенный в проблеме, требовал чрезвычайной осторожности в решениях, поверки их с помощью всей совокупности мыслей, складывавшихся в голове Витте на тему о приспособлении отсталой России к условиям современной ему мировой кон‘юнктуры. В те самые дни, когда Витте имел помянутый разговор с германским императором, царь присоединился к мысли о континентальном союзе и распорядился по горячим следам послать Вильгельму особый о том меморандум. Однако, тогда же намеченной Витте комбинации был нанесен двойной удар—Вильгельмом и самим Николаем. Пришелся он по месту, казалось, наиболее обеспеченному от неожиданностей: по Дальнему Востоку, где осуществление замысла Витте было в полном ходу и только-что достигнут был крупнейший результат — союз с империей богдохана.

II.

Когда Николай II вступал на престол, Витте настолько вложился уже в дело постройки Сибирской дороги, что считал его своим делом и кругом себя не видел соперников в знакомстве с далекой окраиной и международной кон‘юнктурой, в которую суждено было войти там России. На очереди стоял тогда вопрос о направлении железнодорожной линии между Читою и Владивостоком. Можно было вести ее русским берегом Шилки и Амура, делая большую дугу к северу от прямой, или же выпрямить ее направление, заручившись согласием Китая вести ее через северную Манчжурию. Второй вариант, сокращая протяжение дороги на 500 слишком верст, представлял значительное преимущество еще и потому, что избавлял от больших затрат по выведению профиля ее на Амурском участке. Витте был убежден, что не он создал условия, которые делали столкновение с Японией в близком будущем неизбежным, когда решал вопрос в пользу манчжурского направления и блестяще провел это дело в 1895—96 годах. Хорошо известно, как ему оно удалось. По его настоянию, Россия, совместно

[8]) В беседе с Вильгельмом Витте не касался Китая, а говорил лишь о Европе и России. Англия исключалась им из союза, как держава „заморская“.

с Германией и Францией, выступила в защиту Китая, разбитого Японией в войне 1894—95 годов и согласившегося на территориальные уступки и уплату контрибуции. Державы заставили Японию отказаться от южной части Мукденской провинции с Ляодунским полуостровом, переходившей к Японии по Симоносекскому договору (1895 г.), и Япония, таким образом, не приобретала ни пяди земли на территории собственно Китая, сохранив за собой лишь остров Формозу и Пескадорский архипелаг [9]). Одновременно Витте выступил с предложением займа Китаю для уплаты контрибуции и провел его в размере 400 мил. франков, разместив его преимущественно на французском рынке с гарантиею России [10]). В такой обстановке переговоры о проведении ж. дороги по китайской территории, до того безуспешно ведшиеся нашим посланником в Пекине, могли рассчитывать на благоприятный исход. Витте, естественно, принимал в них деятельнейшее участие и лично привел их к желанному концу, устроив и использовав приезд Ли-Хун-Чана в Россию на коронацию царя (1896 г.) для заключения союзного договора о защите Китая от нападения со стороны Японии (Московский договор) и соглашения о концессии Русско-Китайскому банку, незадолго до того учрежденному, на образование Общества Китайской Восточной ж. д. Наконец, он же сделал первый шаг к мирному завоеванию преобладающего влияния в Корее, проведя русского финансового агента в главные советники по финансовой части при корейском императоре и наладив организацию Русско-Корейского банка [11]). По мысли Витте, неприкосновенность Китая и неприкосновенность Кореи должны были надолго сделаться лозунгами русской дипломатии на Д. Востоке и обеспечить русским политическим и экономическим интересам в этих странах длительный период спокойного развития в мирном соседстве двух слабых и дружественных государств. Япония, спешившая до окончания постройки Великого Сибирского пути встретить Россию на территории Китая и Кореи, при деятельнейшем участии Витте была сброшена с Ляодунского полуострова и политически обогнана на Корейском [12]). Неизбежное столкновение с Японией в более или менее отдаленном будущем произошло бы таким образом в обстановке, благоприятнее которой нельзя было себе и представить.

---

[9]) Текст договора 17 апреля 1895 г. напечатан в офиц. издании мин. ин. дел — „Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895-1905 г.г.“ (СПБ. 1906 г.).

[10]) Этим Япония устранялась от влияния на таможенное управление в Китае, каковое предусматривалось Симонос. договором в виде гарантии уплаты контрибуции.

[11]) Он проектировал также корейский заем, имевший целью упрочить положение корейского правительства. Русский финансовый советник К. А. Алексеев, согласно инструкции, был бы негласным министром финансов Кореи.

[12]) Сеульский меморандум между Россией и Японией 2 мая 1896 г. и Московский протокол 28 мая т. г., признавая суверенитет Корейской империи, утверждали принцип полной согласованности действий договаривающихся сторон на территории Кореи (Сборник документов и т. д., стр. 146 сл. и 159 сл.). Появление К. Алексеева в двойной роли русского финансового агента и советника корейск. императора противоречило духу названных документов.

Как известно, внезапная высадка германского десанта в Цзяо-Чоу, под предлогом требования удовлетворения за убийство германских миссионеров, в начале ноября 1897 г., а затем вход в Порт-Артур русских судов, приведшие к занятию Россией Ляодунского полуострова по договору 15 марта 1898 г., опрокинули всю постройку. То, что было до последнего времени известно о подробностях происшествий конца 1897 г. по официальным — даже и не опубликованным *документам*, оставляло некоторую неясность. 3 ноября были получены в Пекине первые известия о германской высадке. Китайские министры тотчас обратились за помощью к русскому поверенному в делах, который, оказывается, *„уже раньше* обещал правительству Китая нашу помощь в случае насилия со стороны Германии" и теперь отнесся в этом смысле в министерство иностранных дел. 7-го числа поверенный „получил уведомление, что нашему (морскому) отряду приказано зимовать в Цзяо-Чоу", а уже 8-го „пришла телеграмма об отмене этого распоряжения"[13]. 11 ноября министр иностранных дел гр. Муравьев представил царю записку о необходимости для России воспользоваться примером Германии для занятия под стоянку судов нашего флота бухты Далянвань на Ляодунском полуострове или какого-нибудь другого китайского порта. В записке указывалось, что Цзяо-Чоу был уже в 1895 г. предметом переговоров русского министерства с Китаем и что нам было дано разрешение пользоваться этим закрытым портом для продолжительных стоянок наших судов. В начале 1896 г. Германия имела в виду воспользоваться этим портом в тех же целях, но после об'яснений германского посланника с русским посланником гр. Кассини, „ясно установившим наши права на этот порт", Германия решила искать места на побережьи южного Китая. Отсюда вытекал вопрос: как Германия теперь решилась нарушить признанные ею наши права или, по крайней мере, не предупредила о своем намерении? Муравьев в своей записке едва скользнул по этому вопросу: „если Германия снова вернулась к первоначальной мысли" и т. д., то „вероятно" оттого, что мы „выказали полное равнодушие" к указанной бухте. „Как бы то ни было", заключал Муравьев, совершившееся „не оставляет сомнений на счет целей, преследуемых Германией на этом побережьи; и, в виду *сложившихся* обстоятельств, мы ныне находим неудобным командировать нашу эскадру в Цзяо-Чоу". Записка Муравьева с пометой — „вполне справедливо", сделанной царем, была 14 ноября представлена на обсуждение совещания из министров военного, морского, финансов и иностр. дел в присутствии Николая[14]. Витте резко возражал против захвата Россией части китайской территории, что было бы прямым нарушением Московского договора и повело бы к разделу Китая, и предлагал воздействовать на Германию, вплоть до посылки эскадры в Цзяо-Чоу. Отвечая, Му-

---

[13]) Донесения финанс. агента в Пекине Покотилова м-ру финансов в деле № 33 3 отд. Общей канцелярии мин. финансов.

[14]) Текст записки Муравьева в том же деле.

равьев опять туманно сослался на *„особые обстоятельства“*, по которым мы в данное время не можем препятствовать Германии занять Цзяо-Чоу [15]). Возражения Витте на время отклонили царя от уже принятого решения [16]). В конце ноября, однако, по докладу Муравьева, что если мы не займем П. Артур, то его займут англичане, русской эскадре был дан роковой приказ занять Порт-Артур [17]).

Отмеченные здесь подробности, равно как и несвойственная Муравьеву настойчивость, наводили на подозрение, которое в „Воспоминаниях“ Витте находит себе полное освещение в рассказе о пребывании Вильгельма в Петергофе летом 1897 года. Вильгельм не только предупредил, но прямо спросил царя, нужен ли России Цзяо-Чоу, и пояснил, что он желал бы занять этот порт, но не хочет этого сделать, не имея на то согласия царя. Передавая об этом разговоре вел. князю Алексею Александровичу, Николай прибавил, что ему этот вопрос был неприятен, потому что Вильгельм—гость, и он не мог категорически отказать гостю. Витте уверен, что Николай дал просимое согласие, тем более, что о „неосторожном согласии“ царя сообщил ему после и Муравьев, и что Вильгельм на переданную ему через посла просьбу Витте удалиться из Цзяо-Чоу ответил, что ему, Витте, повидимому, неизвестны „некоторые, весьма существенные, обстоятельства“, этого дела [18]). Это сообщение Витте рядом с указанными подробностями ведет к заключению, что до 7 ноября царь руководился еще „неприятным“ чувством, возникшим при разговоре с Вильгельмом, и под его влиянием дал еще до события инструкцию в Пекин обещать Китаю помощь в случае насилия со стороны Германии, а когда насилие совершилось, решил было выполнить обещание, но на другой день его отменил в виду данного в свое время Вильгельму „неосторожного“ согласия. Через три дня ему был поднесен Муравьевым проект, обосновывавший привлекательные следствия этой неосторожности, и такой выход из положения показался ему „вполне справедливым“. Еще через три дня он вынужден был признать обратное: несправедливость такого выхода, нарушающего заключенное в Московском договоре обещание, и вновь остаться при бесплодной „неосторожности“ поступка, как ни были ему теперь в свою очередь „неприятны“ возражения министра финансов [19]).

Занятие Ляодунского полуострова заново ставило проблему Д. Востока и чрезвычайно ее усложнило. Во-первых, нам приходилось

---

[15]) *Б. Глинский* „Пролог русско-японской войны“ (Петр. 1916 г.), стр. 44. Участие Николая в совещании опущено в тексте.

[16]) Помета рукою Витте на экземпляре цитир. записки в том же деле.

[17]) На телеграмме о прибытии трех русских военных судов в Порт-Артур царь написал „Слава Богу! я нахожу желательным, чтобы два наших крейсера были посланы в Талиенван, покуда англичане его не заняли. Прошу сообщить об этом Дубасову. По занятии этих двух портов я буду спокойно относиться к дальнейшим событиям на Востоке“. — Шифрованная срочная телеграмма в этом смысле дана была управляющим морск. мин-вом Тыртовым в 3 ч. ночи 3 декабря. См. дело № 116.

[18]) „Воспоминания“, стр. 110, 111, 123 и 124.

[19]) „Воспоминания“, стр. 121.

покинуть Корею начисто, т. к. необходимо было избегать лишних осложнений и дать удовлетворение Японии, недавно изгнанной из Ляодуна во имя неприкосновенности Китая, которую мы же теперь и нарушили. Русский финансовый советник, столь успешно открывший свои действия в Сеуле осенью 1897 г., с декабря стал встречать все большие препятствия и в феврале 1898 г., получив отставку, был отозван еще до заключения нового русско-японского договора о полной независимости Кореи и признания за Японией преимущественных там экономических интересов [20]). Во-вторых, приходилось спешно вести южно-манчжурскую ветвь Китайской Восточной ж. дороги через Мукден на Порт-Артур, что ставило нас в крайне трудные отношения к Китаю. В густо-населенную, хлебородную провинцию ж. дорога несла с собою стихийное бедствие в виде полосы отчуждения для массы мелких землевладельцев и в виде конкуренции с вековым гужевым промыслом, питавшим многочисленную, подвижную и влиятельную группу населения. Вместо двух друзей—Китая и Кореи—Россия разом восстановила против себя Китай, допустила на материк в ближайшее свое соседство Японию и прославилась своим „неслыханным“ коварством.

Таков был результат столкновения двух политик—политики Витте и политики Николая. Последний имел тоже свои основания считать Д. Восток „своим“ делом. Еще в качестве наследника престола он был поставлен Александром III во главе Комитета по постройке Сибирской ж. дороги и мог видеть здесь особую личную задачу своего царствования, завещанную ему к тому же его отцом. Здесь он, как умел, и искал проявить могущество Империи и стяжать себе личную славу.

В течение последующих пяти лет (1898—1903) Николай шел на Д. Востоке на тормозах Витте. Однако, эта роль сдерживающего начала возможна была для Витте лишь, при сохранении действительного влияния на дела Д. Востока. Убедившись, что „захват“ Ляодуна непредотвратим, Витте принял участие в деле, чтобы провести его как можно безболезненнее. Он одобрил формулу, в которую облечен был этот захват: Россия утверждается в Порт-Артуре, дабы в духе Московского договора иметь возможность помочь Китаю в случае нападения какой-либо иной державы, и отнюдь не умаляет суверенных прав Китая на арендуемое пространство [21]). С этой точки зрения необходимо было устранить всякую видимость военного принуждения в деле заклю-

---

[20]) „Сборник“, стр. 346, сл.—договор 25 апреля 1898 г.

[21]) Поверенному в делах в Пекине, Павлову, еще 23 декабря дана была инструкция напомнить китайским министрам, что „занятие портов состоялось по добровольному приглашению китайцев“. 10 января 1898 г. Витте просил агента м-ва фин. в Пекине „конфиденциально узнать, правда ли, что мы заняли П.-Артур по приглашению китайцев, как здесь утверждают, или же это сделано вопреки желанию китайцев“. Агент ответил, что Павлов сам впервые узнал о предстоявшем занятии из телеграммы адмирала, китайцы же никаких приглашений Павлову по этому предмету не делали (См. дело № 33). Проект аренды сообщен был поверенному впервые 8 февраля 1898 г. и развит в телеграмме от 11 февраля. 12 числа в мин-ве ин. дел был изготовлен текст сообщения китайскому правительству о нашем требовании с ссылкою на Московский договор. Текст этот

чения конвенции об аренде Ляодуна. И Витте прибег к подкупу Ли-Хун-Чана и Чана, как только те были назначены вести переговоры [22]). Насколько этот шаг Витте „спас" тогда положение, видно по письму к нему Муравьева „с сердечною благодарностью за драгоценное участие и содействие, без которых невозможно было бы довести до благоприятного результата столь трудное дело", и по тому, что Николаю „даже не верилось", когда Витте (раньше других) сообщил ему о подписании соглашения [23]).

Нет сомнения, что, только уступив царю и облегчив осуществление его желания, Витте удалось удержать в своих руках экономическую политику на Востоке и сохранить политическую фикцию дружбы с Китаем. Но фикция эта ничуть не ослабляла милитарной природы случившегося. Не Дальний, за устройство которого деятельно принялся Витте, а П.-Артур стал центром дальнейших событий. Военный министр Куропаткин и военное ведомство неизбежно заняли первый план. Боксерское движение, карательная экспедиция к Пекину, военная оккупация и эвакуация Манчжурии—с лета 1900 г. сделали Д. Восток военной темой по преимуществу. От фикции дружбы почти не осталось следа. Исходное логическое сказуемое в суждениях о Манчжурии определялось мыслью о том, что эта китайская территория рано или поздно, но непременно будет принадлежать России—целиком или в части, как аннекс или вассальная „Бухара". Своевременно или несвоевременно осуществлять сейчас (1901—1902) эти „естественные" права на Манчжурию — вот язык этих лет. Витте, правда, не уставал говорить против агрессивных выступлений, но свести события с пути, на который они стали, ему не удавалось. Для этого нужно было, по меньшей мере, заставить царя поверить, во-первых, что его политика непременно вызовет войну, во-вторых, что Россия не выйдет из нее победительницей, в третьих, что Россия и после событий 1898—1902 гг. может на Д. Востоке вернуться на „штатское" положение, не рискуя сделанными приобретениями. Но Витте ни разу не рискнул прямо заговорить с царем о неминуемом военном поражении, а иногда даже отвергал возможность подобного предположения [24]). Между тем, именно в этом пункте лежало решающее для всей аргументации обстоятельство. Выходило так, что Витте, наружно примирившись с П.-Артуром, про-

---

был доставлен м-ру финансов на заключение, и Витте ответил, что „совершенно" разделяет изложенные в нем мысли. В тот же день Витте телеграфировал агенту м-ва фин. в Пекине с приказанием „оказывать содействие" поверенному в делах. Ламсдорф, представляя названный проект царю, счел нужным отметить „вполне сочувственное" отношение Витте (См. дела № 116 и № 18).

[22]) О подкупе было известно и до опубликования „Воспоминаний" Витте (цит. „Пролог русско-японской войны", стр. 56). Ново лишь сообщение о цифре — первому 500 т. р., второму—250 т. р. („Воспоминания", стр. 128).

[23]) Дело № 18. „Воспоминания", стр. 128. Резолюция царя: „это так хорошо, что даже не верится".

[24]) *Глинский*, „Пролог и т. д.", стр. 243, письмо Витте м-ру ин. дел от 28 ноября 1902 г.

должал относиться к захвату его, как к акту „ребяческому“ и „преждевременному“, и не желал признавать логики этого шага [25]). Предлагая в 1902 г. очистить Манчжурию от русских войск и предоставить Корею в монопольное обладание японцев, он явно ставил П.-Артур вместе с южно-манчжурской линией под удар Японии. По его мысли, России надо было дать 5—10 лет передышки в дальнейшем продвижении ее к Тихому океану, т. к. в настоящее время она истощена громадными расходами последних лет. В противном случае неизбежны тяжелые „внутренние осложнения“, т. е. революция: война с Японией вызовет революцию „наружу“. Весь вопрос, таким образом, сводился к тому: какая политика предотвратит или отсрочит неизбежную войну— политика немедленного и полного военного отступления из Манчжурии или политика частичного и замедленного отступления, комбинированного с рядом открытых (в П.-Артуре) и маскированных (в Корее и остальной Манчжурии) мероприятий в предупреждение войны.

Когда вопрос ходом событий был поставлен так ясно, царь разошелся со своими министрами (Витте, Ламсдорфом и даже Куропаткиным) и открыто взял в свои руки практическое решение дальневосточной проблемы при помощи группы лиц, которых уже более пяти лет привык выслушивать на эту тему, но все откладывал припустить к делу, встречая дружное сопротивление министров, главным образом, со стороны Витте [26]).

Эта группа появилась в непосредственной близости к престолу как раз в момент Порт-Артурской завязки великой манчжурской драмы (1898 г.). Самым суетливым, беспокойным и многоглаголивым представителем группы был А. М. Безобразов, по имени которого группа получила в просторечии название „Безобразов и К⁰“, а вся совокупность ею содеянного и ее приемов—наименование „Безобразовщины“. Компания для эксплоатации естественных богатств Корейского полуострова, с проектом которой выступили эти люди в момент официального ухода России из Кореи (1898 г.), должна была посредством

---

25) „Воспоминания“, стр. 125; „Пролог“, стр. 119: записка Витте от 11 авг. 1900 г.

26) Обе указанные точки зрения получают лишнее освещение в письмах, которыми обменялись гр. И. Воронцов и Витте сейчас после известного совещания 7 мая 1903 г. (см. „Пролог“, с. 282 сл. и дело № 120, ч. I). Ознакомившись с материалами, присланными ему Витте, Воронцов откровенно признался, что „дивится“ он двум вещам. Во-первых, как можно оставлять беззащитным Порт-Артур, Дальний и ж. дорогу, столько затратив на их оборудование. „Второе, чего я не постигаю, это — двойственность в ведении нашей политики на Востоке: *Царская официальная и Царская же неофициальная*, причем каждая имеет своих агентов, несомненно ссорющихся. *Пора это все об'единить и в военном отношении быть на месте настолько сильным, чтобы японцы не мыслили о войне*, а лишь о мирном с нами соглашении“. В заключение Воронцов высказывался за необходимость использовать „англо-германские трения“ и войти в соглашение с немцами „при всегдашнем желании Вильгельма сойтись с Россией“. Витте ответил, что Куропаткин считает наши силы „совершенно достаточными для обороны того, чем мы уже обладаем“, а он сам и министр ин. дел „убеждены в том, что Япония никогда нас не тронет, если мы не пожелаем делать дальнейшие захваты“. „Нам нужно бросить мысль о захвате Кореи. Все тут“—кончал Витте.

своей экономической работы выполнять некоторую политическую „миссию", присущую России на Д. Востоке. „Русское дело" и „русские идеи"—вот лозунги, под которыми выступили патриоты-добровольцы, частные люди, „благонадежные" и притом совсем „бескорыстные", готовые работать под непосредственным руководством „своего царя". Во всем замысле скрывалось недоверие к официальному руководителю экономической политики на Д. Востоке—Витте, о сопротивление которого неизменно разбивались проекты патриотов. С течением времени становилось ясно, что дело, пролагавшее окольную дорогу личной политике царя, при Витте обречено на неудачу. Сами не министериабельные, эти люди нуждались в министре, который взялся бы за их дело и помог оформить и узаконить их посягательство на Д. Восток. Они нашли такого в лице Плеве, который и свалил Витте, дав ход (1903 г.) проекту выделения далекой окраины в особое наместничество, непосредственно подчиненное царю, при котором имел состоять особый Комитет Д.-Востока. Это—расцвет Безобразовщины, хлынувшей в административный механизм. Затем война, скандал и отступление патриотов в частную жизнь. Восстановить целиком эту темноватую страницу в „истории болезни" того режима едва-ли когда-нибудь будет возможно, по самой природе явления.

III.

Таинственное предприятие возникло в конце 1897 г. в связи с приездом в Петербург владивостокского купца Бринера для продажи приобретенной им у корейского правительства концессии на эксплоатацию лесных пограничных районов р. Тумень и Ялу с притоками [27]). Уезжавший в то время в Корею Н. Г. Матюнин, назначенный туда поверенным в делах, зная, что переговоры о продаже уже ведутся с директором Международного и членом правления Русско-Китайского банков, зятем Ротшильда, А. Ю. Ротштейном, сообщил о том Вонлярлярскому. Попытка последнего заручиться поддержкой министра ин. дел Муравьева для осуществления русской промышленной компании, по образцу прежней Российско-Американской, не увенчалась успехом. Тогда в дело был посвящен однополчанин Вонлярлярского, А. М. Безобразов, который и решил обратиться с этим проектом к царю.

26 февраля 1898 г. через гр. И. И. Воронцова царю представлена была записка, обосновывавшая необходимость русской „Восточно-Азиатской" К°, как учреждения политического, „направляемого державною волею русского императора" для проведения в Корее „русского начала, а, м. б., даже для самого насаждения русских идей". Специальная „вполне конфиденциальная" цель К° обусловливала особый подбор акционеров, непременно русских подданных, „которые не требовали бы немедленного дивиденда" и готовы были бы „сослужить службу русскому царю".

---

27) Печатная копия договора от 28 августа 1896 г. сохранилась в деле № 213. Последующее основано отчасти на изложении Вонлярлярского в вышеупоминавшемся черновом очерке, отчасти на документах, приложенных к нему в копиях. Д. № 278.

В недалеком будущем записка предсказывала России возможность „полного хозяйничанья“ в Корее, где „представители компании со временем должны занять места по государственному управлению“: „задача эта значительно облегчается тем, что корейский король является единственным собственником земли и всех природных богатств страны“ и „легко может подпасть под влияние представителей компании“. Записка возымела успех, и Воронцову царь поручил обсудить с мин. двора Фредериксом финансовую сторону дела: решено было концессию Бринера приобрести, если экспедиция, которую предположено было туда направить, на месте убедится в ее пригодности для указанных целей. Следующая записка, поданная через вел. князя Александра Михайловича 30 апреля, доказывала в ряде кратких положений неотложность экспедиции: „завоевание силою оружия такой примитивной концессионной страны, как Корея“ сулило бы России „роль городового, охраняющего чужую собственность“; но в настоящее время „юридическое право на лесную монополию (sic) в Корее есть собственность Государя Императора, приказавшего ее приобрести у купца Бринера“; на этой площади в 5000 кв. верст может быть развернут „наш боевой авангард до 20 тысяч человек, переодетых в платье лесных рабочих“; экспедиция, под коммерческим флагом, „произведет чисто военные исследования и подготовительные работы по организации операционной базы с ее коммуникационными линиями“. Безобразов подчеркивал, что „анонимность высочайшего в деле вмешательства хорошо обставлена, и потому здесь никаких политических осложнений предвидеть нельзя“ [28]).

6 мая, по докладу Фредерикса, на отправку экспедиции Николай отпустил 70 тыс. рублей из сумм кабинета и распорядился во главе дела встать вел. князю Александру Михайловичу и Воронцову, „исполнительную“ часть возложить на Безобразова и Вонлярлярского и соблюдать „полную тайну“, причем Фредериксу принимать участие в деле, как частному человеку [29]).

Фактически душой всего дела стал Безобразов и хлопотал больше всех он. Не может быть сомнения, что Николаю должна была прийтись по сердцу мысль стать во главе пионеров „русского дела“ на Востоке и личным участием в нем удержать Корею в сфере русского влияния, от которого только что пришлось отказаться официальной дипломатии. В докладе о тех общих программных мыслях, которые Безобразов развивал перед участниками экспедиции, царь мог найти лишнее основание в пользу нового дела: Безобразов указывал там на центральную роль района концессии, связующего два фланговых пункта нашего Японского фронта—только-что приобретенный Порт-Артур и Владивосток, и на опасное положение нового детища, вне изложенного стра-

---

[28]) „Подставным собственником“ концессии явился Н. И. Непорожнев, чиновник министерства двора.

[29]) За его подписью выданы были инструкции экспедиции, через него же подавались иногда доклады царю.

тегического плана, обреченного на гибель. Как видим, Безобразов с корейской концессией подоспел как раз во-время, когда Николай только-что настоял на захвате П.-Артура и получил от Витте за то, через третьи руки, упрек в „ребячестве“.

Этот доклад, как и вообще все, что писал впоследствии Безобразов, дает почувствовать, что могло „особенно“ привлекать Николая к этому „полупомешанному“, но „честному“ человеку[30]). Вот про кого можно было сказать, что стиль выдает человека. Безобразов совершенно не владел казенным языком, спокойствием и плавностью речи, выработанной, корректной фразой. Он мыслил больше образами, никак не мог уместиться в обычный запас слов, выражался размашисто и любил словечки. Высказывался он всегда уверенно и производил впечатление человека, не умеющего скрывать свои мысли. С большой легкостью переходил он от одной мысли к другой и явно предпочитал аподиктические суждения. Для несильного ума общение с таким человеком было лишено ненавистного для такого ума переживания: бессильного подчинения логической принудительности чужой речи. Универсальный диллетантизм и бесстрашие Безобразова, при неистощимой словоохотливости, создавали царю необычную обстановку делового разговора, в котором он оставался совсем свободным: слушать, пока не устал, и если внутренне соглашался, узнавая свою собственную мысль, или произвольно оборвать беседу без обидного осадка, что не сумел справиться с безукоризненной аргументацией чуждой или неприятной или неприемлемой чужой мысли. Было что-то „истинно-русское“ в этом человеке, манившем царя перспективой дальне-восточной опричнины, призванной под покровом тайны перехитрить „банковских дельцов“ и официальных политиков. Стоит отметить, что именно Безобразова подослали к царю (весною 1899 г.) с им же составленным докладом о выделении Добровольного флота в особое ведомство с вел. князем Александром Михайловичем во главе[31]).

Однако, опереться на Безобразова при сопротивлении заинтересованных министров и при его подкупавшей неделовитости царю было трудно решиться. И дело по началу было приостановлено: спроектированная (за 200 т. р.) Непорожневым концессия на управление кабинетскими землями корейского короля и разработку рудных их богатств не состоялась, вследствие отрицательного отзыва Муравьева; дело с Добровольным флотом не вышло из-за несогласия в. кн. Алексея Александровича, что повлекло за собою отказ в. кн. Александра Михайловича, а вслед за ним и Вонлярлярского, и от „Корейского дела“. Однако, концессию Бринера все же приобрели (8 мая 1899 г.), но до лучшего будущего по докладу Безобразова передали (26 июня) фиктивно

---

[30]) „Воспоминания“, стр. 125, 222, 164—5.

[31]) Доклада не имеется в деле. В «Воспоминаниях» (стр. 208) инициатива приписывается Александру М-чу. По Вонлярлярскому, инициатором был Воронцов; он же, хорошо зная царя, и предложил доклад именно Безобразову. Под „защиту“ этого ведомства предполагалось поставить и наше предприятие.

Матюнину [32]). Так кончилась первая попытка Николая выделить в свое личное ведение одну из пружин восточной политики. С министром финансов о корейском деле в этой стадии не разговаривали совершенно.

Не прошло и года, как Безобразов возобновил дело и убедил царя согласиться на образование „Восточно-Азиатской К°" с денежным участием в ней кабинета и с тем, что участниками ее могут быть „только русские подданные христианских вероисповеданий", каковое „условие должно быть означено на самых паях" [33]). Николай успел положить резолюцию о внесении устава в комитет министров и о том, что *„кабинету будет приказано купить 200 паев на имя капитана 1 ранга Абаза"*. Но тут с решительными возражениями выступил Фредерикс. Он представил (2 июня) доклад, в котором указал на коммерческую неверность предприятия и на то, что участие кабинета „не может остаться тайной" и сделается „достоянием заграничной печати", что „возбудит лишь недоверие" к делу,—и предложил заменить кабинет министерством финансов. 4 июня к царю обратился, в свою очередь, Воронцов с предупреждением, что если учредителям „не будет ясно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство от дела откажется, не желая, потеряв свое знамя, отдать время и труд на увеличение средств X-а, Z-а или Y-а, при могущих измениться взглядах г.г. министров"; „Фредериксу же пугаться нечего", „т. к. „капитал должен быть возвращен из первых прибылей". Указав таким образом на „психологический момент" для всего дела, Воронцов располагал „завтра лично" получить „указания" царя. Приходится думать, что Фредерикс выступал здесь по соглашению с Витте, потому что именно 5 числа Витте явился в Петергоф раньше Воронцова и получил резолюцию *„не вносить это дело в комитет министров, покуда не успокоятся события на Д. Востоке"* [34]).

„Психологический момент" был упущен, и Безобразову, „согласно высочайшему повелению", оставалось „выжидать обстоятельства". И хоть ему и казалось „очевидным, что это порядок нескорый и что пройдет

---

[32]) По надписи на договоре Бринера, последний уступал ее Непорожневу за 65 т. р. См. дело № 213. Тут же в копиях договор Непорожнева с Матюниным и Альбертом об уступке им концессии за 30 т. р. и обязательство двух последних, выданное Фредериксу в том, что они передадут, по первому требованию Фредерикса, принадлежащие им права лицу или компании, на которые им укажет Фредерикс. Тут же они удостоверяли, что суммы, уплаченные за концессию, „были внесены по особому указанию бароном В. Б. Фредериксом" и что „все права" по концессии принадлежит им „лишь номинально". Экспедиция и концессия вместе обошлись кабинету в 250 т. р. Прежде, чем остановиться на Матюнине, была сделана попытка передать концессию морскому министерству, потом министерству государственных имуществ. Оба министерства уклонились от предложения. Переговоры вел Вонлярлярский. Д. № 278, л. 19, доклад последнего в. кн. Ал-дру Мих-чу.

[33]) § 8 п. 2 Проекта Устава в деле № 213. Список учредителей: В. М. Вонлярлярский, кн. Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, гр. В. А. Гендриков, М. А. Серебряков и А. М. Абаза.

[34]) Дело № 213. Боксерское „восстание" было тогда в самом своем разгаре.

не мало времени, пока кое-что выяснится и *решение назреет*« [35]), но он повременил уезжать из Петербурга, как то сделал Воронцов на другой же день после неудачи. В течение следовавших за сим недель события на Востоке создавали новое положение и, могло казаться, приближали „психологический момент“.

В Петербурге в это время шла борьба между Куропаткиным и Витте по вопросу об участии России в наступлении на Пекин и 24 июня разрешилась поражением Витте: русские войска получили приказ итти к Пекину, Алексееву указано было на желательность, чтобы европейские отряды стали под команду русского адмирала. Одновременно и в Манчжурии не сбылись успокоительные предсказания м-ра финансов, и он вынужден был сам просить (26 июня) об отправке войск на защиту ж. дороги [36]). И у Безобразова пошли мысли вокруг манчжурского вопроса. Он, однако, придержал их при себе до возвращения Воронцова, а пока попробовал сделать нападение на Витте через Александра Михайловича. В письме к нему (15 июля) он подверг критике недавнюю политику нашу на Д. Востоке и особенно обрушился на всю „систему“ Витте. „Мы страдаем не от китайского большого кулака, а от с.-петербугского“; „Сергей Юльевич создал систему, которая и в мирное время... тяжело ложилась на производительные силы страны, породила массу недовольных и обездоленных, в военное же время“ она „вызывает опасение в возможности государственного банкротства“; „вместо того, чтобы действовать лучшими нашими силами, мы предоставили работу жидам и полякам, которым С. Ю. поручил быть носителями нашего знамени“; „активными на Д. Востоке были: Р.-Китайский банк и манчжурские строители“; но „эта польско-жидовская справа, которая там хозяйничала“, „своевременных сведений нам не дала и дела никакого не сделала (кроме жидовских гешефтов)“. Его теперь беспокоит, что „хозяин“ (т. е. Николай) и теперь все узнает через тенденциозный „фильтр“ ведомств и все еще „предполагает, что нам нужно чего-то ждать“, между тем как именно сейчас необходимо подготовить людей и средства „для начала работ при первой возможности“. Теперь решается: „станем мы на высоте положения и русское дело укрепим политически и экономически или попадем в руки жидовского кагала и проделок европейской дипломатии“. А „С. Ю. уверяет, что вся беда происходит от *преступного* (подлинное его выражение) занятия П.-Артура“,—не преминул тронуть и эту отзвучную струну Безобразов.

Прошла неделя, и 23 июля у Безобразова был готов „меморандум“ о дальнейшей политике нашей на Д. Востоке, текст которого он представил на просмотр вернувшемуся Воронцову. Тот одобрил, предложил несколько развить и высказал, что „результат будет лучше, ежели меморандум пошлете Вы“, что тот и сделал. „Куй железо, пока горячо“—счел нужным напомнить царю пословицу автор, прежде чем при-

---

[35]) Из письма Безобразова к Александру Михайловичу 15 июля. Дело № 278. Курсив наш.

[36]) „Пролог“ стр. 107, 115.

ступить к „конкрету желательного использования наших успехов". А „конкрет" такой: 1) „наше единоличное влияние в Манчжурии и сев. Китае", 2) „переселение остальных иноземных влияний в южный Китай". „Эта комбинация" требует „доминирующего" военного положения на месте и „континентального европейского соглашения", основанного на „разделе в Китае английских интересов", и с Германией, наиболее в том заинтересованной, во главе. Ибо только так, при общем „континентальном соглашении в колониальных вопросах" против Англии, можно оторвать от Китая „английскую ненасытную пиявку" и одолеть без излишних осложнений „английское пройдошество и вечный мировой раздор". Инициатива „конфиденциального communiquée"—наше дело; инициативу же „исполнительной работы" „следует поручить Германии". Нам „только" требуется собрать на Д. Востоке „достаточно сил", чтобы „мимикой без слов дело осуществить".—Выждав всего три дня, 26-го, Безобразов вновь заговорил с царем о необходимости составить совещание для пересмотра вопроса о Восточно-Азиатской К⁰ „в новых условиях" [37]). Однако, и на этот раз „всесильный Витте сумел затормозить дело" [38]).

Повидимому, Николай раз навсегда усвоил доводы Фредерикса против затраты кабинетских сумм, а в таком случае неизбежно было привлечение в дело государственных средств, т. е. участие министерства финансов. И свой следующий приступ к делу Безобразов попытался уже произвести, начав с соглашения с Витте. В этом смысле он доложил царю в апреле 1901 г. и, получив разрешение, „работал совместно" с м-ром финансов и как будто даже „встретил сочувствие" с его стороны. К середине июня (17-го), казалось, все было уже уговорено и оставался „один шаг": 19 июня устав К⁰ должен был пройти через комитет министров [39]). Но в последний момент Витте убедил царя в незаконности утверждения учредителями К⁰ лиц, состоящих на государственной службе, и все предположенные имена были сняты и заменены двумя подставными лицами [40]). Вместе с тем Витте поспешил предоставить (15 июня) право делать заявки в Приморской области на добычу полезных ископаемых английскому „Об-ву изысканий по северо-восточной Сибири", а компании гр. Апраксина разрешил искать концессии на золотые прииски в Манчжурии [41]). Безобразов справедливо усмотрел в этом „колоссальный подвох" и высказал царю опасение, что все дело „вынуждено остановиться впредь до того времени, когда у нас будет новый министр финансов", и оставил его, „скорбя об участи наших государственных интересов". Действительно, подходил февраль 1902 г., когда по уставу должно было быть собрано 20% капитала К⁰ или она будет признана не-

---

37) В деле № 278 нет текста доклада 26 июля. Доклад 23 июля на л. л. 30—31.

38) Записка Вонлярлярского о Корейском деле, л. 79.

39) Всепод. доклад Безобразова 17 июня, л. 33.

40) Альберт и Крузе.

41) Несколько позднее, 5 июля 1902 г., Витте учредил „Манчжурское Горнопромышленное Товарищество" в составе трех лиц (два чина м-ва фин. и Ротштейн), имевшее целью скупать русские концессии в Манчжурии.

существующей. 31 января Безобразов ходатайствовал „о милостивом разрешении считать вопрос поконченным", т. к. „никакая борьба с Витте, создавшим себе доминирующее положение в среде своих коллег на почве служебной эквилибристики, невозможна", и сознавался, что „пал духом" и хотя „глубоко ненавидит и презирает г. Витте и его систему, но должен скорее уйти, чтобы не подвести тех, которые имели с ним дело", так как он—„bête-noire Витте-Сипягинской группы".

Итак, „личное дело моего Государя" [42]), как привык слышать от Безобразова Николай, кончалось полной неудачей в сознании даже такого упорного оптимиста, каким явил себя в нем Безобразов. На пути ему стал „всесильный" Витте. Осуществить дело мыслимо было двумя способами: или рискнуть средствами кабинета, или заставить министра финансов открыть кредит государственного казначейства [43]). Николай не решился на первое и не сразу рискнул на второе, потому что на безлюдьи не находил в себе на то силы. И Витте [44]), и Вонлярлярский придавали одинаково решающее значение в судьбе этого „личного дела" позиции, какую занял в нем Плеве (назначенный 4 апр. 1902 г. на пост министра вн. дел). Секрет был в том, что „в лице его явился серьезный конкурент Витте на роль первого министра" [45]). Возможно, что именно Д. Восток явился главным полем борьбы „конкурентов", а безобразовщина и „маленькая победоносная война"—ее орудиями. В течение лета 1902 г. вызревал „психологический момент", а осенью, когда Витте вернулся из поездки на Д. Восток и мог считать себя не только знатоком, но и единственным его „очевидцем", Николай, не пожелав выслушать подробный доклад министра финансов о виденном, поставил его перед совершившимся фактом—образования Гл. Управления торгового мореплавания с вел. кн. Александром Михайловичем и Абазой (двоюродным братом Безобразова) во главе. „Корейские" враги Витте торжествовали первую свою победу, урвав частицу его ведомственной компетенции. В конце года Безобразов уже „вызвался" поехать на Д. Восток, „в надежде на поддержку Плеве" и, видимо, разрешенный от прежнего „обязательства молчать по существу главной своей (т. е. царя) поддержки" [46]). Вот тут Витте уступил в самом существенном: в январе 1903 г. открыл кредит в распоряжение Безобразова" „на известное его имп. величеству употребление" в 2.000.000 р. [47]). Вся-

[42]) Напр., доклад 17 июня 1901 г. в деле № 278, л. 33.

[43]) Вероятно, в этом смысле Безобразов применял к Вост.-Аз. К⁰ выражение „безденежное оборудование денежного дела".

[44]) „Воспоминания", стр. 222.

[45]) № 278, л. 90.

[46]) Он жаловался на это обязательство Николаю в докладе 24 июня 1901 г. (дело № 278). О поездке Безобразова довольно обстоятельно рассказано в „Прологе", стр. 253 сл.

[47]) С отнесением его частью на 12-миллионный фонд (520.800 р.), частью временно на секретный фонд Рус.-Кит. банка (256.640 р.), частью на прибыли Иностр. Отд. при Особ. Канц. по Кредитной части (1.227.060 р.). Кредит был исчерпан Безобразовым к ноябрю 1903 г. без остатка (№ 213, л. 1). Сверх того, на канцелярию статс-секретаря, каковым Безобразов был назначен 6 мая 1903 г., отпущено было еще 200 т. р. (Там же, л. 2, а также в деле № 114, где переписка по этому вопросу между Безобразовым и мин. фин. Плеске).

кие возражения и борьба, которую месяца два еще продолжал Витте, после этого были совсем бесплодны. Торжество политики царя было обеспечено „горячим“ участием в ней Плеве, взявшего твердый курс, под прикрытием „безобразовцев“, на пост единственного вершителя судеб Д. Востока: не кончи он жизнь насильственной смертью 15 июля 1904 г., в сентябре он должен был стать вице-председателем Особ. Комитета по делам Д. Востока при царе-председателе — роль, о которой Витте в лучшие свои дни едва-ли мог и мечтать для себя [48]).

Как известно, задуманный аппарат управления Д. Востоком целиком выстроить не дал быстрый ход событий [49]). Но и то, что было достигнуто, должно было превзойти всякие ожидания, без малого пять лет пребывших на привязи „корейцев“. Безобразов, 6 мая назначенный статс-секретарем, стал фактически докладчиком по всем делам Д. Востока, военным, дипломатическим, финансовым и внутреннего управления; с 30 августа 1903 г. к нему присоединились Абаза и Матюнин, и уже все трое вели ту же работу в канцелярии Особого Комитета. Понабравший несколько концессий в Манчжурии во время своей первой поездки, Безобразов сдал их, как и корейскую, на руки егерм. И. П. Балашову [50]) в должности уполномоченного „Русского Лесопромышленного Т-ва на Д. Востоке“, которое временно призвано было заменить прежнюю Вост.-Азиатскую К°. В данной обстановке стратегические и дипломатические вопросы возобладали над хозяйственными интересами, и только в январе (13-го) началось „предварительное“ обсуждение зато уже целиком всей экономической политики на Д. Востоке в особом совещании [51]). Постановка старого вопроса об образовании К° с участием правительства (три четверти паев) явно уже не соответствовала масштабу достигнутого „успеха“, и совещание остановилось на необходимости учреждения особого финансового административного органа при Наместнике, назначенного стать во главе всех предприятий в крае, и решило передать дело в комиссию, занятую составлением „Положения“ о наместничестве (под председательством Плеве).

Таким образом, до печальной развязки давнее „Корейское дело“ в его собственно коммерческой части приняло вид лесопромышленного т-ва, относительно которого заключен был товарищами лишь „предварительный договор“ [52]), с субсидией от казны в два миллиона рублей. Хозяйственное положение лесного дела на Ялу, по мере израсходования полученной субсидии, становилось день ото дня „печальнее“. 6 сентября 1903 г. Балашов сообщал, напр., Безобразову, что лесная операция дохода не даст, если не будет выдано еще 6 мил. руб. и не будет установлена монополия в скупке леса; 17-го того же месяца—

---

[48]) № 278, л. 101.

[49]) Детальная схема его—в деле № 134.

[50]) Балашов находился тогда в П.-Артуре с „конфиденциальным поручением“ царя.

[51]) Дело № 134. Открывшаяся 27 янв. война не прервала занятий совещания; заключительный доклад царю был представлен председателем гр. А. П. Игнатьевым 3 июня 1904 г.

[52]) Текст его полностью—см. „Пролог“, стр. 290.

просьба выслать 850 тыс. р. „на текущие расходы до декабря", но это без затрат на покупку леса. 18-го Безобразов ответил советом „не зарываться в расходах, итти тише и работать уже хотя бы только ради престижа фирмы". В октябре же (11-го) Безобразов телеграфировал Балашову, что „в виду деловой слабости организации лесного дела и ненадежности агентов, необходимо дело пока приостановить, чтобы дать ему новую организацию". В ноябре „касса т-ва была уже совершенно пуста" и Балашов взывал из П. Артура о присылке „хотя сколько-нибудь денег" [53]). При таких условиях до реализации паевого капитала и составления постоянного договора и устава дело так и не успело дойти. Когда началась война, Абаза собрал товарищей и предложил продлить действие договора на год; то же повторилось и в начале января след. 1905 г. Но далее становилось все яснее, что война клонится к худому концу", „концессионеров на Ялу" открыто провозглашали виновниками надвигающегося позора, и весною 1905 года большинство товарищей, „оберегая свое доброе имя", покинуло Т-во нотариальным порядком [54]). Концессии опять, как в 1899 г., остались держаться на ниточке до более благоприятного времени или иного своего устроения. Остались при них на страже Абаза и Матюнин. Какова дальнейшая судьба наследия Безобразова и Николая?

Безобразов покинул дело и уехал из Петербурга в конце ноября 1903 г., когда понял, что война близка и что приходится встретить ее в состоянии неудовлетворительной подготовки. Вся, так называемая, „авантюра" осталась на руках Абазы. 29 июня 1905 г. состоялось назначение Витте в Портсмут [55]). „Ни пяди русской земли, ни копейки контрибуции" — это было максимум, о чем можно было мечтать. Весь политический смысл, который приписывался корейскому делу, если бы даже и удалось удержать концессии в руках, утрачивался без остатка и навсегда, и решено было от них отделаться.

Уже 2 июля Абаза известил министра финансов Коковцова, что Николай „приказал приступить к полной ликвидации всех дел, которые велись под фирмою Лесопромышленного т-ва, и передать м-ву финансов все права, которые считаются принадлежащими т-ву". Коковцов решительно уклонился от ликвидации дел т-ва, и она была возложена на Абазу. Так как исчисленные в сумме 419,087 р. 97 к. поступления в кассу товарищества, по заявлению Абазы, „все подлежали сомнению", а сумма предстоящих уплат — 265,952 р. 25 к. — представлялась преуменьшенной, то на удовлетворение всех претензий к т-ву было выдано Абазе 350,000 р. из госуд. казначейства (в 1910 г. Абаза представил отчет, из которого видно, что сумма эта была истрачена целиком). От восприятия прав, считающихся принадлежащими т-ву, Коковцову тоже хотелось устранить м-во финансов, под предлогом недостаточности доку-

---

[53]) Записка *Череванского*, стр. 59 и 60.

[54]) № 278, л. 101. Кроме прежних учредителей Вост.-Аз. К°: гр. А. П. Игнатьев, П. П. Гессе, Н. Г. Матюнин.

[55]) „Воспоминания", стр. 355.

ментов, представленных ему Абазою. Но Абаза настаивал и торопил, странным образом мотивируя необходимость передачи прав министерству тем, что только *частное имущество* может рассчитывать на защиту мирного договора, но тут же подчеркивал—и совершенно правильно—что права т-ва имели „юридический характер *частной собственности*". Когда, при образовании октябрьского кабинета, на месте Коковцова оказался Шипов, Абаза попытался воздействовать на профессиональное чувство нового министра финансов, прося охранить и отстоять от японского захвата имущество т-ва (на сумму 1,567,178 р.), „как *юридически* частную собственность, *но фактически собственность казны, ибо во всем деле не было участия частных лиц*". И просил иметь в виду это последнее обстоятельство на случай продажи концессии в частные руки. Но только что успело министерство финансов прекратить свой „саботаж" и начать в феврале 1906 г. переписку об охране имущества, как в дело вмешался, совершенно неожиданно, подлинный собственник—император Николай.

14 марта 1906 года министр финансов получил записку на маленьком листе почтовой бумаги: *„передайте егермейстеру Ивану Петровичу Балашову имеющиеся в министерстве финансов документы (числом 60) относительно концессий лесопромышленного т-ва. В 1905 г. эти документы были представлены к.-адм. Абазою ст.-секр. Коковцову. Н."*—И 15 марта документы, с которых все же успели снять копии, как и предприятия, „*составлявшие собственность казны*", ушли из рук министерства финансов. Только через 6 месяцев Балашов, прося министра ин. дел не принимать никаких мер к защите прав на концессии т-ва, сообщил, что „все *наше* лесопромышленное дело передано *нами с высочайшего соизволения* американцам".

При обсуждении сметы чрезвычайных расходов по военному ведомству на 1914 г. председатель бюджетной комиссии Гос. Думы, усмотрев, что долг ведомства лесопромышленному т-ву за купленный в 1904 г. лес, в сумме 76,000 р., зачислен в погашение выданной т-ву из казны ссуды, просил навести справку, какие суммы, сверх этой, поступили на погашение этой ссуды. В совершенно доверительном ответном письме к помощнику военн. м-ра Вернандеру министр финансов Барк подчеркнул, что суммы, отпускавшиеся т-ву, показывались под наименованием „на известное Его Имп. Величеству употребление", и потому все сведения по этому долгу подлежат сохранению в полной тайне. Эта тайна, однако, в тот самый год широко распубликовывалась Витте в „Историческом Вестнике"[56]). Но, вероятно, и для Барка осталось тайной, на каких условиях „личные" концессии царя были переданы американцам, и, в частности, вернулись-ли кабинетские 250 т. р. в капитал кабинета и куда предполагалось передать „казенные" 2 мил., если бы в этом размере удалось реализовать все имущество таинственного предприятия.

---

[56]) „Пролог русско-японской войны и т. д.", куда попало много сведений об „авантюре" Безобразова, в частности и упоминание о 2 мил. руб., печатался первоначально в „Ист. Вестн." за 1914 г.

Как оно ни было на самом деле, Николай до конца выдержал занятую им в 1898 г. позицию: концессия на Ялу это—„личное дело“ государя. И ликвидировал он это дело так же, как и начал: в тайне от своих министров и с помощью своих личных приказчиков [57]).

IV.

Концессия на Ялу и попытка получить таковую же на управление кабинетскими землями корейского императора [58]) выступили в 1898 г. на смену оборвавшемуся на ходу плану организации финансового хозяйства Кореи посредством русских чиновников и при участии русского кредитного учреждения. „Неосторожность“ царя повлекла за собою захват П.-Артура и расстроила план. Николай знал, что Витте считал этот шаг „ребячеством [59]), понимал, что именно П.-Артур заставил нас официально покинуть Корею, и взял на себя поправить это последствие своей „неосторожности“. В „довольно детских формах“, по выражению Витте, затеяно было это „личное дело“; царь долго тянул с ним и дал ему, наконец, многошумный ход в самый неподходящий момент, когда Япония была в военном и политическом (союз с Англией, 1902 г.) отношениях куда лучше готова к войне, чем в 1898 г. Витте был убежден, что не будь этого вмешательства царя, не будь „безобразовщины“, Россия еще долго избегала бы угрозы вооруженного столкновения с Японией. Но аргументация его сводится лишь к той отрицательной мысли, что военные приготовления Японии сами по себе столь же мало предвещали войну, как и гораздо более многолетние и серьезные—на русско-германской границе, которые не повели же к войне [60]). На „безобразовщине“ и сосредоточено преимущественное внимание Витте в об‘яснении всех „зол и бед“, постигших Россию в 1903—1906 г.г. Исследуя происхождение русско-японской войны, историк едва-ли подастся на такое сужение постановки вопроса. Последний перегон к русско-япооской войне, действительно, начинается с безобразовского полустанка. Но следствие должно быть направлено на узловую станцию отправления, где всем движением управлял еще всецело сам Витте: решение вести ж. дорогу через Манчжурию и заключение секретного договора с Китаем (1896) стали возможны в день зловещего для Японии изменения Симоносекского договора под давлением России при настойчивой инициативе Витте. Николай своими личными выступлениями (П.-Артур и Ялу) много сделал для обострения уже определившихся таким образом отношений двух держав, и Витте был бессилен предотвратить эти выступления. Но его положительное и активное, „ценное“ и „вполне сочувственное“ уча-

57) О ликвидации т-ва сохранилось целое дело (213), откуда и заимствованы вышеизложенные подробности.

58) Она и после 1898 г. имела некоторое продолжение, но не завершилась формальным договором. Кое-что об этом см. „Пролог“, стр. 250, 253.

59) „Воспоминания“, стр. 125.

60) Там же, стр. 203—204.

стие в „благополучном“ исходе переговоров с Китаем об аренде Ляодуна засвидетельствовано, мы видели, и его „Воспоминаниями“, и документами, какие можно было найти в „его“ архиве. Те же документы устанавливают, что и второе выступление царя прошло не без участия Витте: лесопромышленное предприятие Безобразова развернулось в 1903 г. не на средства кабинета, а на кредит, отпущенный из средств министерства финансов „по личному приказанию министра“ [61]). Но в „Воспоминаниях“ нет следа, чтобы Витте этому обстоятельству придавал какое-нибудь значение в том, что за сим последовало и, по его убеждению, привело к войне и революции. „Крест на деле Дальнего Востока“ Витте, по его признанию, поставил не в январе 1903 г., когда собственноручно предоставил средства для „авантюры“ своих врагов, а лишь в июле, „в день утверждения наместничества“ [62]). У Витте не было возможности предупредить выступления царя, но его до самого этого дня не покидала надежда личным участием предотвратить их роковые последствия. А удавалось, самое большее, лишь их отсрочить [63]).

О концессии на р. Ялу и личной политике царя, получившей в ней свое выражение, можно говорить лишь как о моменте, ускорившем столкновение, „причины“ которого лежали неизмеримо глубже и в завязке которого Витте, при всем внешнем „миролюбии“ его политики, сыграл свою роль. Существеннее Ялу-Цзянский эпизод для характеристики внутренних отношений режима.

Б. Романов.

---

[61]) Дело № 213.

[62]) „Воспоминания“, стр. 215.

[63]) Наблюдениям, какие можно было собрать о последней попытке Витте обезвредить „авантюру“ (февраль—апрель 1903 г.), мы посвящаем особую статью.

Книга в старом Петербурге.

Книжная лавка XVIII века.

„Рассуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, к чему бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные“ [1])—такое суждение имел в 1734 году святейший Синод, высший авторитет в делах веры, в области руководства духовным просвещением россиян, и это суждение было высказана по тому случаю, что Академия наук, собрав ряд хронографов, хотела их отпечатать. „Лжи явственные“ изрекли отцы церкви, и в высшей степени важное, полезное научное начинание Академии наук чуть-чуть не потерпело крах. И особенно характерно, что главным, если не первенствующим мотивом для духовного начальства была забота о казенном интересе — „бумагу и прочий кошт терять будут напрасно“ — в российской действительности наиболее сильные казнокрады отличались на словах особенным ревностным отношением к защите казенных денег. Если так на книгу смотрели духовные отцы, то большинство населения, конечно, руководилось в своем отношении к книге заветами XVI и XVII веков. В сознании большинства все еще звенели те слова, которые так часто списывались в рукописные прописи: „братие, не высоко умствуйте, но во смирении пребывайте, по сему же и прочая разумевайте. Аще кто ти речет: веси ли всю философию? И ты ему рцы: Елинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы не бывах, учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха“ [2]).

Понятно поэтому, что книга была чужда населению, что книга рисовалась населению какой-то повинностью, одной из тех повинностей, что, точно из рога изобилия, сыпались на российский народ, начиная с XVIII века, с века реформ и изменения Московскаго царства в Российское Государство. Книга — повинность, и, конечно, этою повинностью должно заниматься исключительно соответственное начальство. И вследствие такого взгляда распространение книги в старом Петербурге принимало особые специфические формы. Долгое время центром книги была Академия де сианс — нынешняя Академия наук. При этой Академии была книжная академическая лавка.

---

1) *Пекарский.* Книга при Петре, т. I, стр. LXVII.

2) Там же, стр. 3.

„Понеже ныне 2 часть Комментариев здешния Академии наук, такожде и 3 части Сокращение Математики, содержащая в себе Фортификацию, в скором времени из печати выйдут, того ради чрез сие ученым людям чинится известно, что в будущую осень из типографии здешней Академии наук имеют ожидать Өеофила Сегефрида Бауэра Региомонтанского Історию Эдесса, монетами из'ясненную, которое в такой же форме, как и комментарии и с многими грыдором изображенными фигурами издано будет. Творец сея книги не мало о лучшем из'яснении сии части Азиатическия Істории трудился, а наипаче королей Агари именуемых точную и исправную Хронологию сочинил, к которому делу он кроме двух ассирийских хроников и кроме Римских и Греческих писателей, довольного числа употребил монет, из восточных стран ботаником Бумбаумом привезенных, такожде и прочих которые от древних писателей в разных местах упоминались, но по сие время еще не могли подлинно из'яснены быть. При том же он не токмо о древних деяниях попечение имел, но такожде оного и до новых времен продолжил" [3]).

Это одно из первых об'явлений академической книжной лавки, оно датируется 16 августа 1729 года — и как бесконечно далеко оно от жизни, от могущих в то время возникнуть среди широких кругов населения требований к книге. „Өеофила Сегефрида Бауера Региомонтанского Історию Эдесса" — такую книгу предлагала Академия наук, и весьма понятно и естественно, что эта книга спокойно стояла на полках академической лавки, что на нее не поступало требований. А вот не менее характерно и другое об'явление, тоже довольно раннего времени, именно 1733 года 20 декабря. „В академической книжной палате продаются на будущий 1734 год сочиненные немецкие и русские календари разных рук". Таким образом, русская книжная лавка в русском городе извещала о продаже сначала „немецких", а затем уже „русских" календарей; очевидно, первые находили больший сбыт, чем вторые. Та же самая особенность проявлялась и в несколько иной форме [4]): „В академической книжной лавке продается на Российском и Немецком языках (очевидная несообразность вышеприведенного об'явления здесь исправлена: на первое место поставлен „российский" язык, а затем „немецкий") Генеалогическая табель, в которой об'явлено не только начало, имя, рождение, избрание, коронование и резиденции всех Цесарей, Королей, Курфирстов и Князей, но при том еще находится краткое описание о их летах, также и о положении и пространстве их владений и пограничных с ними соседев. Российская по 30, немецкая по 25 коп.". Немецкая книжка стоила дешевле российской, несмотря на то, что они обе печатались в том же городе, в одной и той же академической типографии. Наконец укажем, что лица, заведывавшие академическою книжною лавкою, были немцы; контракты с ними заключались на немецком языке, и они, если и вла-

---

[3]) «С.-Петербургские Ведомости», 1729 г., стр. 260.

[4]) Там же, 1733 г., стр. 414; 1736 г., стр. 295.

дели российским языком, то, конечно, с грехом пополам. На это обстоятельство обратили внимание лишь в 1747 году [5]), когда решили „академическую книжную лавку привесть в такое состояние, чтоб как Академия наук, так и народ большую против прежнего пользу от нее имели". И первою мерою должно было нанять двух человек: „одного такого, который довольное познание имел в книгах и в их изданиях и разумел бы разные языки, а особенно французский, чтоб с иностранными книгопродавцами корреспонденцию иметь мог и сочинял бы реестры выписанным книгам, книги Академии наук издания продавал и купцам в покупке способствовал, а другого такого, который русские книги в руках имел и продавал". Но несмотря на такое определение, приглашен был все-таки один „швейцарской природы Франц Гирш", а торговля русскими книгами велась попрежнему.

Нельзя не обратить внимания и на то, что академическая книжная лавка помещалась при Академии на Васильевском острове; туда нужно было специально итти, и это путешествие по тем временам не было приятным и могло вполне считаться за утомительное хождение.

Не одна Академия наук должна была заботиться о просвещении россиян. Эту заботу брали на себя чуть ли не все казенные ведомства того времени, прибавляя к своим непосредственным работам и устройство школ, типографий, книжных магазинов и т. п. Так, например, в 1757 году директор Сухопутного Шляхетного корпуса об'являл, что „за весьма нужное и к немалой пользе и общества находит для печатания книг к обучению находящихся при том корпусе унтер-офицеров и кадет сочиненных профессорами и информаторами того корпуса на российском диалекте единственной методы, як то ариѳметика, геометрия, география и генеральная история, также и принадлежащей по воинским обрядам специальных великих генеральных компаний и прочих достопамятных их дел, учредить типографию" — и появляется типография при учебном заведении, и в этой типографии, как видно из одного документа [6]), печаталось большинство литераторов того времени. Но в истории этих добавочных, если так можно выразиться, учреждений была одна характерная черта—развитие их не было последовательно, вся их история напоминает собою движение волны: явилось во главе учреждения лицо, сочувствующее просветительным взглядам, и просветительная деятельность учреждения развивается, достигает своего апогея, но меняется начальство, порыв стихает, деятельность упадает и очень часто исчезает и само учреждение, а в лучшем случае влачит едва заметное, жалкое существование. В то время надворный советник Волков выступил с проектом громадного типографского предприятия, но в литературе об этом почти вовсе нет сведений.

Заботы различных правительственных учреждений о просвещении привели к тому, что для продажи книг в Петербурге появилась также

---

[5]) Полное собрание законов, № 10718.

[6]) См. мою монографию „Из прошлого Рыцарской Академии" (Педагогич. Сборник, 1915 г., № 1).

не совсем обыкновенная форма продажи: торговали сами эти правительственные учреждения, но у них торговля производилась кое-как, даже сказать больше, все делалось как будто нарочно, сознательно, с целью помешать распространению книги; но русская действительность пришла на помощь, и в середине XVIII века на столбцах единственной не только петербургской, но всероссийской газеты появлялись об'явления в роде нижеследующих: „В большой Миллионной в доме его превосходительства генерала Чулкова у переплетчика Белке продаются разные новые российские книги", или: „Переведенная с французского на российский язык в типографии сухопутного шляхетного кадетского корпуса вновь напечатанная книга Изабелла Мандоза Ишпанская повесть продается *того ж корпуса* у переплетчика Гексбре по 30 коп.", или: „*государственной военной коллегии* при типографии у переплетчика Лоцова продается Ода на выздоровление Его Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, каждый экземпляр по 10 коп.", или: „у *академического* переплетчика Розенберга, живущего в 9 линии в доме адмирала Синявина, продаются следующие книги:...", и, наконец, последний пример [7]): „В большой Морской, в доме советника Чихачева у переплетчика Томаса продаются разные математические и физические, исторические, географические и многие другие книги на немецком языке *в переплете*".

Из приведенных примеров видно, что большинство переплетчиков были не простые переплетчики, а переплетчики казенных мест — сухопутного шляхетного корпуса, государственной военной коллегии, Академии наук и т. д. Затем большинство переплетчиков вовсе не упоминают, что книги у них продаются в переплетах, наоборот, это последнее упоминание является как бы исключением: в редких случаях переплетчики предлагают книги в переплетах. Об'яснение этому странному на первый взгляд явлению самое простое: в XVIII веке для наших государственных учреждений издаваемая ими книга была не только средством просвещения, но и ходкою разменною монетою. Книгою учреждение очень часто платило жалованье своим служащим. Так, неоднократно в журналах Академии наук читаем строчки, подобные нижеследующим: [8]). „По доношению ад'юнкта Михайла Ломоносова, который требовал о выдаче ему для его пропитания на щет его жалованья книгами, какими он пожелает, по цене на восемьдесят рублев, выдать ему Ломоносову из книжной лавки". Переводчики и сочинители книг получали свой гонорар также экземплярами переведенных или сочиненных ими книг. Нужно думать, что к такому же способу расплаты прибегало начальство и по отношению переплетчиков, которые в XVIII веке были в штате большинства учреждений: переплетчики должны были переплетать для учреждений получаемые учреждениями указы, линовать бумагу и т. д. Затем вышеуказанные лица, получавшие жа-

---

[7]) „С.-Петерб. Ведомости" 1777 г., № 89; 1760 г., № 103; 1771 г., № 70; 1767 г., № 27; 1770 г., № 11.

[8]) *Билярский.* Материалы для биографии Ломоносова, стр. 51.

лованье книгами, должны были их реализировать, превратить в денежные знаки и, очевидно, они относили полученные книги переплетчикам. Таким образом, у последних появлялся значительный запас книг—и переплетчик начинал торговать книгами. Затем учреждения убеждались, что переплетчики торгуют книгами лучше, чем казенные лавки учреждений, и решались закрывать лавки и поручать торг книгами, выходящими из типографии учреждения, переплетчикам.

И в первой половине XVIII века в Петербурге обыватель мог получить книгу или в казенной книжной лавке или у переплетчика. Книжной лавки, книжного магазина, как таковых, не бывало. У этих же переплетчиков производилась и подписка на издаваемые в то время журналы. Приведем об'явления о подписке; они до сих пор не перепечатывались, а, между тем, являются очень любопытными документами: „Между Моховою и Литейною улицами каменный дом священника церкви св. мученика Пантелеймона у переплетчика Вебера сочиненой на неделю экземпляр „Поденщик" по 6 коп. а впредь каждой дневной листок по 1 коп. будет продаваться с 8 сего Мая", „в луговой Милионной у переплетчика Веге продается еженедельное издание Трутень 1769 года 1 р. 40 коп., а порознь по 4 коп. лист. Сие сочинение и на 1770 год продолжаться будет: кто желает иметь на любской бумаге, тот, заплатя 2 рубля, получит от помянутого переплетчика на весь год билет, а порознь на простой бумаге по 4 коп. лист. Продажа оным начнется с 30 числа января месяца, за январь все листы вместе, а следующие в каждый вторник по полулисту. Издатель приносит извинения, что он в рассуждении некоторых обстоятельств с начала года не издавал понедельно"; „Сухопутного Шляхетного Кадетского Корпуса у переплетчика Тидцемуса продается периодическое сочинение под заглавием „Полезное с приятным", и уже выходит понедельно каждую среду лист по 5 коп." [9]).

Переплетчики действовали, обыкновенно, очень недолго—год, два, три; затем они исчезали, и вместо какого-нибудь Штихлера появлялся Шубарт. Большинство переплетчиков были немцы. Удалось зарегистрировать 37 переплетчиков и из них русских всего на всего четыре—Казачинский, Маркелов, Яковлев и Федоров. На это обстоятельство тоже нужно обратить внимание. Многие из этих переплетчиков вовсе не говорили по-русски, большинство понимали русскую речь с грехом пополам. Понятно, с каким успехом они могли торговать русскими книгами;—им приходилось торговать этими „российской печати" книгами во многих случаях против желания, лишь потому, что эта русская книга попала в их переплетные заведения. Понятно, что думать о каком-либо просветительном значении этого торга не приходилось. Подсчитав свой образовавшийся капитал, переплетчик находил, что он в достаточной степени обеспечит его на родине, тотчас уезжал из этой варварской России nach Vaterland. Из разысканных нами переплетчиков лишь двое продолжали работу в России, при чем с течением времени

---

[9]) „С.-Петерб. Ведомости" 1769 г., № 19; 1770 г., № 7; 1769 г., № 20.

они из переплетчиков обратились в книгопродавцев. Одним из таковых был переплетчик Торно, появившийся на петербургском горизонте в 1770 году; через четыре года в 1774 году Торно продавал уже „разные санкт-петербургской и московской печати российские книги и некоторые в уменьшенные цены, которым можно у него получить новый печатный реестр безденежно"; в 1783 году Торно печатал о себе уже не как о переплетчике, а как о книгопродавце, а затем появляются известия о книжной лавке Торно. Другой переплетчик—Иван Миллер. Первое его об'явление нами отыскано за 1751 год: „Трагедия Синев и Трувор" „продается по 80 коп. здесь в Милионной на дворе г. камергера Алексея Григорьевича Жеребцова у переплетчика Миллера" [10]). Дела у Миллера пошли очень хорошо, впоследствии он вступил, видимо, в компанию с Новиковым; дом камергера Жеребцова, у которого Миллер снимал сперва квартиру, сделался его собственным. В 1811 году были окончательно ликвидированы дела Миллера. Конкурс, учрежденный после смерти этого переплетчика-книгопродавца, об'являл, что 13 июня 1811 года назначена продажа „по вольной цене" движимого имущества Ивана Миллера, состоящего из „старых мебелей, французских и немецких книг, журналов и бумаги".

Первый магазин русских книг или, вернее, первое об'явление о магазине русских книг появилось в 1783 году [11]). Текст его нижеследующий: — „Под домом его светлости князя Григория Александровича Потемкина у книгопродавца Матвея Овчинникова под № 22 продается ново переведенная Священная сатира на суету мира или Екклезиаст премудрого Соломона, 60 к., Повесть о приключении Аглинского Милорда Георга и о Бранденбургской Маркграфине Фридерике Луизе—70 к.".

Конечно, случайное совпадение, но первое об'явление от русского книгопродавца начиналось известием об „аглинском милорде", о том самом милорде, про которого Некрасов писал:

И не милорда глупого,—
Белинского и Гоголя
С базара понесет?...

„Повесть об аглинском милорде" стала синонимом самых отрицательных явлений русской литературы, и об этой повести, о том, что ей цена 70 коп., и оповестил первый русский книгопродавец.

Не претендуя на безусловную точность, дадим ряд дат открытия первых книжных магазинов в Петербурге: в 1784 г.—Антамонов, в 1786 г.—Глазунов, в 1787 г.—Бучин, Калчугин, в 1788 г. —Петров, в 1789 г.—Белоусов, Глазунов Семен, Заикин Иван, в 1792 г.—Гнутов, Зотов, в 1793 г.—Сытин, в 1796 г.—Агафонов, в 1798 г.—Свешников, Ступин [12]).

Таким образом, в XVIII веке в Петербурге действовало 15 книжных магазинов, таких магазинов, владельцы которых считали нужным публи-

---

[10]) Там же: 1770 г., № 50; 1769 г., № 5; 1783 г., № 98; 1751 г., стр. 64.

[11]) С.-Петерб. Ведомости, 1783 г., № 84.

[12]) Там же: 1784 г., стр. 490; 1786 г., стр. 482; 1787 г., стр. 543, 1363; 1789 г., стр.: 950, 120, 280; 1792 г., стр. 1064, 9; 1793 г., стр. 1401; 1796 г., стр. 2112; 1798 г., стр. 1093, 341.

ковать о поступаемых на продажу различных российских книгах. К сожалению, до сих пор эти книжные об'явления не только не изучены,—нет, до этого, конечно, бесконечно далеко, но даже не приведены в известность, не подсчитаны, не классифицированы. А между тем, они заслуживают очень серьезного внимания. Начинались они самым простым перечнем заглавий, подобно уже приведенному нами об'явлению Овчинникова, но очень скоро простое упоминание заглавия, видимо, не удовлетворяло читателя: он требовал от об'явления большего. И в 1787 году [13]) Иван Глазунов (один из самых старейших книготорговцев былого Петербуга: его торговля или, вернее, торговля книгами рода Глазуновых продолжалась более 100 лет) начал печатать об'явления в такой форме: „Против Гостинного двора суконной линии подле аптеки № 9 у купца Ивана Глазунова вступили в продажу вновь напечатанные книги: 1) Врачебная наука есть самая древнейшая между всеми человеческими познаниями. Она разделяется на многие части, кои все ведать нужно желающим врачевать болезни человеческому роду приключающиеся. Многие же из них старались описать одну или токмо некоторые оной части. У каждого просвещенного народа все части врачебные науки уже имеются изданы в свет на природном языке. Златому нынешнему веку представлено как исполнение прочих полезных установлений, так и усовершенствование врачебной науки на природном Российском языке, некоторые части оной уже изданы, а некоторые скоро издадутся в свет. Из числа таковых есть преполезная книга - введение Государственною Медицинскою коллегиею в Императорской типографии прекрасным шрифтом впервые ныне напечатанная под наименованием: Основание врачебной науки.—Она разделяется на три главные части, из коих в первой об'ясняется о здравии и болезнях вообще, во второй толкуется о лихорадочных болезнях и трясавицах, в третьей описываются многие болезни, состоящие в целом теле и в частях оного касательно до различного пола и возраста людей. Все оные части довольно снабдены полезными врачебными правилами, примечаниями, советами и наставлениями в познании и врачевании болезней, способствующими с показаниями нужных средств, кои служат к отвращению и облегчению недугов человечество обременяющих. Таковою книгою в сем деле особливо могут руководствоваться те, кои по незнанию Латинского и других иностранных языков иноязычными сего рода сочинениями не в состоянии воспользоваться находятся. Цена сей книжки без переплету 1 р. 35 к., в переплете 1 р. 70 к.".

Лиха беда начало, говорит русская пословица, и „Мисс Радклифф, английская писательница, прославилась оригинальностью умопроизведений"—так рекомендовались сочинения Радклифф, при чем считалось неудобным сказать „сочинения", употреблялось, а, может быть, даже специально для этого случая было выдумано новое слово: „умопроизведение" [14])—„в которых виден дух изобретения, ей единой свойственный,

---

[13]) Там же, 1787 г., стр. 123.
[14]) Там же, 1811 г., № 40.

где она, поражая воображение читателя страшными, ужас наводящими картинами, возбуждает всю его чувствительность, внушает ему после того самые нежные ощущения и исполняет душу его добродетельными чувствованиями".

Еще более удачно рекламировался перевод „Духовидцев" Шиллера.—Содержание сей книги одновременно и поражает воображение, и возбуждает любопытство читателей „разнообразностью и чудесностью приключений". Но эти приключения совсем иного рода, чем у Анны Радклифф; оказывается, что в них „не развалившиеся замки, ни шум ветра, ни мрак ночи рождает страшные привидения, но возможная человеческая хитрость, призвав на помощь природу и искусство, ослепляет взоры смертного, призывая духов, воскрешая умерших, заводит ум его в лавиринф (т. е. лабиринт) непроницаемый и действует сообразно цели своей". Не безынтересно в этом об'явлении и замечание о слоге сочинителя, т. е. Шиллера: „сильный и пленительный слог служит самым милейшим украшением сего сочинения, в котором читатель найдет пищу для воображения ума и сердца".

Для большей убедительности иногда ссылались на авторитеты, о которых, впрочем, говорилось глухо. Так, о романе Жерардо „Граф Вальмонт" писали: „по мнению одного славного мужа сия книга весьма любопытна и занимательна, потому что автор ее имел великую доверенность на провидение Божие и чувствительность".—Как же после указания „на провидение и доверенность Божию" русский читатель мог не заинтересоваться „графом Вальмонтом" и не приобрести за 28 рублей в переплете 12 томов?

„15 дневное путешествие писанное 15 летнею девицею"—слог ее чист, приятен и занимателен, а включенные в некоторых местах исторические и географические замечания для молодых людей полезны. „Более же всего книжка сия истинно должна Русским нравиться, потому что на нашем языке ни одного путешествия девицею писанного доселе не бывало". Как видим, самое главное достоинство этой книги— „истинно должна нравиться"—заключается в том, что это впервые появляющееся произведение *русской* 15-летней девицы.

Приведем еще отзыв об известном романе „Пустынник Альпийских гор": „Читая историю Великобритании—спрашивает автор об'явления - кто не пожалеет о несчастных Стуартах? Кто не подивится вероломности их щастия? Сострадательные души, любопытствующие знать о участии их потомков, найдут в сей книге, что приключения тех, коими кончился сей знаменитый род, столько ж были бедственны в отношениях к их званию, сколько ж злосчастно было царствование Карлов, Иоаннов, Марий, и что злобное мщение гнало каждого из них до самого гроба ужасным образом. А краткость и ясность слога, поспешность чудных происшествий и, наконец, многие полезные для общественной жизни мнения представят почтенным читателям достоинство авторов".

Из приведенных нами примеров должна вполне выясниться ценность изучения этого материала. Он может нам вполне определить умственное развитие читающей и покупающей в то время русскую

Из перечисленных выше книгопродавцев обращает на себя внимание книгопродавец Герасим Зотов—у него продавалась книга Радищева „Путешествие в Москву". Видимо, история с книгою, гонения на нее не отразились на книгопродавце: он торговал и в 1797, и в 1798 и в 1799 годах. Его лавка под № 22 помещалась в вышеуказанном нами Аничковском доме. Затем любопытный тип петербургского книгопродавца представлял род Заикиных. Родоначальником их был Иван Иванович Заикин. Торговлю он открыл, как мы указали уже выше, в 1789 году. В 1822 году за ним значились магазины в Гостином дворе №№ 18, 19, 20 и 23 и в доме генерала Балабина № 26, т. е. целых 5 магазинов; его дело продолжали сперва два сына Матвей и Никита и, наконец, с 1845 года несколько лет торговал внук Ивана Заикина—Петр Никитич Заикин. Заикины были в близком родстве с другими книгопродавцами Петербурга, с Глазуновыми. Все эти вышеуказанные торговцы были рядовыми торговцами; они умели верно подмечать вкус публики, умели улавливать, какую книгу нужно и можно издать, но в истории российского просвещения они не оставили, да и не могли оставить заметного следа, так как они были прежде всего торговцами, а не культуртрегерами. Таковые появились в XIX веке, и их в петербургской торговле было двое: Сленин и Смирдин. Но об их деятельности необходимо говорить и много, и подробно. Сейчас, в общем обзоре книжной торговли Петербурга, можно только указать на них, при чем следует заметить, что деятельность Смирдина может быть выяснена до мельчайших подробностей (и у меня, например, лично имеется громаднейший материал). Сленину в этом отношении не так посчастливилось и во многих отношениях он нуждается еще в детальном изучении.

В XVIII веке были еще некоторые специфические черты книжной торговли. Так, существовала книжная торговля на бирже; здесь в биржевом зале в углу помещался особый шкаф, в котором в течение ряда лет производилась торговля как российскими, так и иностранными книгами: Сведения об этой торговле начинают появляться с 80-х годов XVIII века; они, впрочем, не сообщают, кто торговал в книжном шкафу на бирже [17]. Такие шкафы открывали и в Гостином дворе или против Гостиного двора—их называли „будками"; видимо, наиболее бойко торговала будка на углу Чернышева переулка [18]. Не менее характерна была торговля книгами и в так называемом „Морском рынке". Морской рынок первоначально находился там, где впоследствии выведены были здания Главного штаба; этот первоначальный рынок сгорел в 1737 году. Его открыли после пожара уже не в 1-й Адмиралтейской части, а в 3-й Адмиралтейской части, за Гостиным двором. Теперь на месте второго Морского рынка находится Государственный банк. Морской рынок представлял из себя раскинутые на указанном пространстве в беспорядке шалаши, лавочки, лари торгов-

[17]) Там же: 1781 г., стр. 130, 1783 г., № 28; 1784 г., стр. 976; 1789 г., стр. 558.
[18]) Там же: 1785 г., стр. 248.

цев, при чем вполне естественно, что торговцы однородными предметами ютились друг около друга и образовывали особые ряды. Торговля въ Морском рынке шла самая разнообразная: „холщевый ряд", овощная, кафтанная, шорная, лоскутная и чулочная линии и ряды: башмачный, сапожный, кожевенный, кроватный, каретный, мясной, рыбный, хлебный, мучной и табачный,—словом, на Морском рынке торговали всем, чем придется. Торговали в нем и книгою, при чем книгою торговали и в специальных лавках: „на проходе из Чернышева переулка через Морской рынок, между кожевенными рядами, в книгопродаваемой (интересное определение!) лавке санктпетербургского купца Григория Басалаева"; „в Морском рынке, в платяном ряду, у купца Сергея Копкина продаются два тома Российской Истории"; „в Морском рынке, в лавке питейных сборов директора Матвея Позднякова у сидельца его купца Ивана Федорова продается книга"; еще два примера: „в кафтанной линии в лавке № 11 продаются книги", и „в шорном ряду в лавке № 12 продается книга" [19]).

Кроме вышеуказанной книжной торговли в XVIII веке значительное количество книг продавалось частными лицами, при чем эта продажа производилась или помощью аукционов, или, как тогда говорилось, „по вольной цене". Первое об'явление о таком аукционе нам удалось найти в 1740 году [20]): „Против большого луга, между дворами вдовы Синявиной и г. Скворцова, в доме у иноземца Клеофа после покойного пастора Сиверина, оставшуюся библиотеку и движимое имущество с публичного торгу, а прежде всего книги продавать будут".

В этом об'явлении любопытна одна черточка, которая не так бросается в других аналогичных извещениях: здесь есть подчеркивание, что „а прежде всего книги" будут продаваться. Книги—неходкий товар; аукционист хочет спустить их, а потом уже приступить к солидной продаже, к продаже прочей недвижимости. Обусловливая аукцион последней продажею книг, аукционист заставлял публику, волею неволею, помимо охоты и желания, покупать книгу. И это обстоятельство заметно и в других случаях—на аукционах книга раскупалась плохо, о книжных аукционах об'явления повторялись бесконечное число раз. В приведенном первом об'явлении выявлена и другая черточка книжных аукционов—„после покойного пастора"; книги продавались после иностранцев, и эти иностранцы были ученые люди. Вот ряд фамилий, обнаруженных мною: профессор Вейтбрехт—разные философские, политические, богословские, также и русские книги; академической книжной лавки помощника Карла Арвелиуса; после умершего ад'юнкта Клейнфельда; покойного доктора Маркграфа, профессора Брауна,—как видим, все иностранцы, и так или иначе причастные к науке. О русских мы нашли только одно сведение: „Начатая продажа французских книг в доме после покойного обер-егер-мейстера Семена Кири-

[19]) Там же 1767 г., № 37; 1768 г., № 34; 1767 г., № 11; 1772 г., № 24; 1773 г., № 31.
[20]) Там же: 1740 г., стр. 566.

ловича Нарышкина с 1 декабря будет продолжаться аукционным порядком в следующие потом дни“ [21]).

18 Января 1799 года можно было прочесть нижеследующее извещение: „4 Адмиралтейской части 3 квартала по большому проспекту Екатериненского канала у живущей в доме отставного офицера Анциферова под № 121 вдовы Марии Васильевой продаются Оды, сочиненные г. Державиным на поднесение Его Императорскому Величеству Великого Магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимского и на победу над французами Российским флотом одержанную 1798 года“.

Подобные означенному об‘явлению довольно часто встречались: какая-то вдова продает отдельно изданные сочинения Державина, Дмитриева или какого-либо другого значительного писателя того времени. Это—тоже знак времени, тоже особый вид книжной продажи в соединении с филантропией: поэт жертвовал свое издание бедной вдове, деньги получала эта вдова, но и поэт был не без выгоды—его сочинение имело верный и более скорый способ распространения, чем если бы оно было издано обычным способом.

П. Столпянский.

---

[21]) Там же: 1743 г., стр. 58; 1755 г., № 100; 1761 г., № 32; 1762 г., № 67; 1769 г., № 36; 1778 г., № 98.

Из быта декабристов в Сибири [1]).

I. Дядька Валериана Голицына.

Едва успел Николай I одержать победу над заговорщиками, членами тайных обществ, как шеф жандармов Бенкендорф получил от генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского тревожное письмо. В виду особенной важности вопроса, письмо было написано на частном бланке и по-французски. И заговорщики-декабристы, и представители государственной власти в ту эпоху думали, говорили и писали по-французски лучше, чем по-русски. Важные дела и мысли они умели излагать только по-французски.

Событие, про которое сообщал Лавинский, было исключительное. К сосланному на бессрочное поселение государственному преступнику Валериану Голицыну прибыл... дядька... для надзора за его „нравственностью и физическим поведением". Власти всполошились. Завелась секретная переписка.

Член тайного общества камер-юнкер князь Вал. Мих. Голицын, племянник—по отцу—одного из самых близких друзей Александра I и одного из высших сановников князя А. Н. Голицына, а по матери—Кульмского героя графа А. И. Толстого-Остермана,—согласно официальной справке „сначала отрицал, потом без вопроса прислал добровольное сознание, что принят в Северное общество в 1823 году и знал как о существовании Южного общества, так и о намерении оного ввесть республиканское правление". Сам он, однако, никого в общество не принял, „никаких действий в пользу общества не оказал" и хотя, по показанию А. В. Поджио, „соглашался в необходимости истребления Императорской фамилии", но „при допросе и на очной ставке с Поджием отвергал сие показание". По приговору Верховного Уголовного Суда (в подготовительной к суду Тайной Следственной Комиссии участвовал А. Н. Голицын) В. М. Голицын осужден был к лишению чинов и дворянства и к ссылке на поселение в Сибирь бессрочно, а 22 августа 1826 года повелено было оставить его на поселении в течение 20 лет.

31 июля 1826 г. Голицын был отправлен к месту ссылки в гор. Киренск, Иркутской губернии. Было тогда Голицыну неполных 23 года,

---

[1]) По неизданным материалам, хранящимся в „делах" о декабристах в архиве III отделения собств. его велич. канцелярии.

а к моменту раскрытия заговора всего только двадцать два, и в глазах родителей он, несмотря на свое камер-юнкерское звание и на страшное прозвище государственного преступника, являлся неопытным ребенком. Каждый мог в далекой Сибири обидеть господское дитя, которое, по убеждению родителей, во всяком случае, не сумело бы справиться ни со своим домашним хозяйством, ни со своими физическими потребностями. Престарелый отец заговорщика, князь М. Н. Голицын, здоровье которого вследствие пережитых волнений сильно расстроилось, решил послать к сыну дядьку для присмотра и ухода. Нашелся среди домашних преданный человек, нежинский грек Василий Лазов, согласившийся на этот самоотверженный по тогдашнему времени подвиг. Князь дал ему в помощь еще двух своих крепостных, и Лазов в начале 1827 г. отправился в Сибирь. Вскоре после его от'езда старый князь умер.

Прибыв в Иркутск, Лазов заявил губернатору И. Б. Цейдлеру, что желает по торговым делам отправиться в Киренск и Якутск. При этом он добавил, что, „быв с давнего времени знаком с домом князей Голицыных, намерен, согласно сделанному ему поручению, присоединиться к сосланному в Сибирь государственному преступнику Валериану Голицыну, устроить его жительство, заниматься его хозяйством и наблюдать за его нравственным и физическим поведением“. Губернатор отпустил грека в Киренск, а сам призадумался над таким необыкновенным случаем. Только что выдержал Цейдлер упорную борьбу с женами государственных преступников М. Н. Волконской, Е. И. Трубецкой и А. Г. Муравьевой, стараясь, по данному ему из Петербурга указанию, не допустить их ехать к мужьям на каторгу. А тут дядька! Цейдлер обратился к ген.-губернатору Лавинскому. Тот тоже растерялся. Жены—это понятно. Относительно них был секретный приказ, чтобы, после надлежащего и всемерного увещевания и препятствования им отправиться дальше Иркутска, пропустить их к мужьям. Дети—тоже ясно: „благородных детей“ государственных преступников (т. е. рожденных до приговора по делу заговорщиков) нельзя оставлять при отцах во избежание вредного влияния и пагубного примера. Но дядька поставил генерал-губернатора в затруднительное положение. Пришлось обратиться за разъяснением к Бенкендорфу.

Бенкендорф доложил дело государю и, на основании его повеления, сделал такое распоряжение по III отделению. в виде французской пометы на письме Лавинского: „кто ему [Лазову] дал паспорт и как он испросил его у нежинского магистрата; написать об этом губернатору; написать князю Голицыну в Москву [генерал-губернатору], чтоб он запросил мать молодого Голицына, почему она выбрала этого грека, чтобы ему доверить своего сына; в какой связи она находится с ним; кто те двое слуг и по какому праву она их туда послала; генерал-губернатору Сибири — чтобы он немедленно отослал этого грека обратно, хорошо допросив его предварительно, а равно и слуг“ [1]).

---

[1]) Черниговский губернатор донес позднее о Лазове, что „промышленности и торговли он никакой не имел“.

Вскоре Бенкендорфу было доставлено следующее собственноручное письмо-показание Н. И. Голицыной, матери Валериана. „На вопрос, сделанный мне чиновником московского военного генерал-губернатора статским советником Тургеневым, по какому случаю грек Василий Лазов находится в гор. Киренске, который об'явил тамошнему начальству, что он приехал к сыну моему Валериану Голицыну—устроить ему жительство, заняться его хозяйством и наблюдать за его нравственным и физическим поведением, об'ясняю: что означенный грек Лазов, имея около 50 лет от роду, более 20 лет жил у нас в доме, как друг, при котором все почти дети наши родились и возросли и который по собственной своей привязанности к нам просил даже нашего согласия ехать туда; так как от Правительства запрещения не было на в'езд и жительство в оных городах свободного состояния людям, мы не только не отказали ему в том, но не могли довольно признать сердечного расположения его к нам, тем более, что, зная хорошую его нравственность и правила, мы польстились поручить ему назидание сына нашего, постигнутого несчастием на 23-м году, быв совершенно уверены, что он не допустит его впасть в пороки, которые бы еще могли усугубить теперешнее его положение. Что касается до крепостных людей, то в то время, когда г. Лазов решился предпринять этот путь, надобны были ему люди для сопровождения и для услуги; по летам его невозможно было на расстоянии 7000 верст ехать одному или с неизвестными лицами, почему покойный муж мой, желая дать ему в услугу тех, которые сами пожелают, собрал их и спросил. Эти двое изъявили желание ехать и служить г. Лазову, на каковой предмет и снабжены были плакатными пашпортами, дабы в случае, если они пожелают оттуда возвратиться, чтоб не встретилось им никакого препятствия“.

По прочтении этого письма Николай понял, что никакой беды для государства или трона от нахождения дядьки при государственном преступнике не произойдет. Повелев выслать в Россию двух крепостных, прибывших в Иркутск с Лазовым, государь разрешил оставить грека в Киренске, но не иначе, как взяв с него подписку, что „он согласен поселиться в сем городе, в противном случае выслать и его“. Бенкендорф сообщил об этом Лавинскому, но было уже поздно.

Лавинский еще ранее вызвал Лазова из Киренска в Иркутск, рассмотрел бывшие при нем бумаги. Из писем „от отца, матери и других родственников преступника Валериана Голицына“ он увидел, что грека „убеждали пещись всевозможно о В. Голицыне, способствовать ему советами к терпеливому сношению участи его, подтверждать в поведении, отвергнуть от худых наклонностей, в которые бы он мог погрузиться с отчаяния, доставлять ему все нужное к жизни и быть ему неразлучным собеседником“, но все же должен был приказать Лазову уехать в Россию вместе с крепостными людьми.

Впрочем, Голицын недолго оставался в Сибири: в феврале 1829 г. его перевели рядовым на Кавказ. Служа одно время в Астрахани, Голицын был вытребован обратно на Кавказ, но не мог быть не-

медленно отправлен туда в виду опухоли горла и лица. Как всегда завелась переписка, и местное начальство, получив от высшего строгий выговор, поспешило отправить больного к месту назначения. Попутно местному начальству пришлось отписываться (1832 г.) по поводу доноса, что Голицын пользовался поблажками по службе и имел возможность тратить на себя больше денег, чем то допускалось установленными правилами. Батальонный командир Голицына писал, что „в батальоне за ним был учрежден тайный надзор; рядовой Голицын наравне с прочими нижними чинами в очередь назначался в караул, в главную гауптвахту, к провиантским бунтам, в таможню и в тюремный замок; стоял в очередь на часах; был дневальным по роте, на ротные и батальонные ученья со всеми вместе выводим был, все обязанности исполнял с ревностью и усердием, вел себя хорошо; свободу же имел, как и все прочие чины; не делал никаких расходов, потому что не имел из чего".

После восьмилетнего пребывания солдатом Голицын был в мае 1837 года произведен в прапорщики, а в июле 1838 года уволен за болезнью от военной службы для определения к штатским делам на Кавказе. Вскоре ему удалось освободиться и от этой службы, разрешено было жить в России и даже, в 1842 году, приехать на короткое время в Москву для вступления в брак с княжною Д. А. Ухтомской. С марта 1853 года Голицыну было разрешено постоянно проживать в Москве, но под строгим надзором. Манифестом 26 марта 1856 года ему вместе с детьми были возвращены все прежние права вместе с княжеским титулом, а умерший через год дядя Остерман-Толстой завещал Голицыну свой майорат и графский титул. 8 октября 1859 г. Голицын умер от холеры.

II. Из жизни А. Г. Муравьевой.

„У нее было нежное сердце, благородство выражалось во всех ее поступках",—пишет М. Н. Волконская про жену декабриста Никиты Муравьева—Александру Григорьевну, рожденную графиню Чернышеву. „Это была чрезвычайно милая женщина, молодая, красивая, симпатичная, но ужасно раздражительная"—так характеризует ее в своих записках П. Е. Анненкова. „Ее красота внешняя равнялась ее красоте душевной" — говорит декабрист А. Е. Розен. Восторженные отзывы об А. Г. Муравьевой находим и в других записках и письмах декабристов и их жен. К этому надо добавить, что Муравьева была дочь знатного вельможи, владельца огромного майората. Она обладала странностями, присущими всей семье Чернышевых и, повидимому, связанными с упомянутой раздражительностью.

Теперь надо представить себе эту изящную и раздражительно-нервную женщину—на портрете Чернышевой, работы П. Ф. Соколова, лежит печать тяжелой грусти и глубоких душевных страданий—в далекой пограничной с Китаем Чите, где отбывал каторжные работы боготворимый ею муж—автор демократической конституции и вид-

нейший участник заговора декабристов. Надо вспомнить, что пережили и выстрадали жены других декабристов, М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая, в борьбе за осуществление своего желания разделить участь мужей-каторжан, и надо знать, что Муравьева претерпела те же мытарства,— чтобы оживить в своем воображении предлагаемый ниже рассказ жандармского офицера о том, как встретили декабристы первую Пасху в Сибири, Пасху 1827 года.

В декабре 1827 года заведена была III отделением переписка по поводу того, что „девки“ Авдотья Пугачева и Прасковья Иванова и крестьянин Андрей Леляков были в Чите у жен государственных преступников Трубецкой, Волконской и Муравьевой, но вскоре вернулись в Иркутск, не желая оставаться у них в услужении, и были отправлены в Москву. В переписку эту были втянуты многие высшие государственные учреждения. Есть, например, бумаги за подписью начальника главного штаба Дибича, предлагавшего петербургскому и московскому генерал-губернаторам установить строгий надзор за названными выше людьми. Власти стали надзирать, и вскоре московский жандармский генерал Волков послал Бенкендорфу следующий доклад, в котором бесхитростный рассказ крестьянина переплетен с фарисейскими рассуждениями жандармов:

„Андрей Леляков прошлого 1827 года, января 2-го выехал из Москвы с Александрой Григорьевной Муравьевой и, доехав до Иркутска, они отправились в место, так называемое Четинский острог, ибо через генерал-губернатора Лавинского она была извещена, что муж ее Никита Муравьев находится там. Приехав, она наняла для себя избу; ей позволяется видеть мужа через два дни в третий, и таковое свидание, всегда в присутствии дежурного офицера бываемое, иногда продолжается часа по два. Государственные преступники содержатся в нарочно построенных деревянных казармах, по 12 человек в каждой комнате; а всех их во время его там бытности находилось числом 60 человек. С них не скидаются оковы ни день, ни ночь, выключая только тех случаев, когда им дозволяется быть в бане и в церкви. Их пищу составляют: жидкая овсяная кашица, крутая гречневая каша, хлеб, вода, а квасу нет и нет при них никакого лекаря. Им не дозволяется иметь ни чернил, ни бумаги и никакого железного орудия. На работу ежедневно выгоняются, исключая высокоторжественных дней, при весьма строгом карауле; а как они должны проходить мимо окон Александры Григорьевны, то с нею делаются в то время обмороки, иногда продолжающиеся до двух часов. Когда наступил день Воскресения Христова, она изготовила Пасху и к окнам ее были подведены преступники. Пасха раздавалась им через караульного унтер-офицера, и в то время, когда благословенный хлеб, напоминающий страдание и Славное Царство Спасителя Мира, доходил по очереди до рук Муравьева, то оный наперед орошался слезами и слезы делались уже всеобщим знамением торжества Религии. Муравьева в сие время была долго без чувств. Преступники, узнав о разрешении от бремени государыни императрицы Александры Федоровны, ожидали, что с них будут сняты оковы.

Андрей Леляков, мастерством кухмистр, находившийся при Муравьевой девять месяцев и стряпавший для нее кушанья, по убедительной ее просьбе учил ее своему ремеслу, в коем она довольно успела. Туда же прибыли (осенью 1827 года из Нерчинска) Волконская, Ентальцева и Нарышкина и поселились вместе с Муравьевой. При них есть один крепостной человек и одна девушка; а как Андрей Леляков не пожелал там долее оставаться, то Александра Григорьевна наняла себе для услуг двух женщин, из коих одна жидовка, а другая русская стряпуха, рекомендованная и отысканная для нее генерал-губернатором Лавинским. Лелякову в награду за то, что он оставался там, выдана отпускная на волю в Иркутске, из рук тамошнего гражданского губернатора. Из Иркутска он, прибыв в Москву, жил в доме князя Гагарина, который нанимает граф Чернышев, и, прожив две недели, приехал для свидания с своими родственниками в Тагил.

При от'езде его Александра Григорьевна и Захар Чернышев (брат Муравьевой, декабрист) просили его возвратиться к ним для того, что срок каторжной работы Чернышеву должен кончиться в апреле месяце, после чего он поступает на поселение, где для устройства и домашнего обзаведения, — которые по первоначальному образу жизни не довольно известны преступнику,— нужен он. Леляков предполагает ехать в Москву через неделю или через две и желает найти случай для своего возвращения к Муравьевой. Случай же сей, по его словам, представляется ему при от'езде туда Фонвизиной и Лихаревой".

Бенкендорф сделал на этом докладе такую помету: „приезд и от'езд подозрительны. Нужно запискою испросить волю государя". Николай Павлович разрешил Лелякову ехать вторично в Сибирь, но с тем, чтобы он оттуда уже не мог вернуться в Россию. Стали высшие государственные люди снова переписываться о бывшем крепостном Лелякове, осведомляя друг друга о каждом шаге его. Кажется, все это напугало Лелякова, и он отказался от вторичной поездки в Сибирь. В списках служащих при женах заговорщиков в Сибири имя Лелякова после 1827 года не встречается.

Необходимо отметить, что в конце 1828 года и в начале 1829-го высшие сановники были заняты другим служащим Муравьевой—Абрамом Добровольским. Это был петербургский посадский, который также находился при А. Г. Муравьевой в Чите, и которому она хотела после неудачи с Леляковым поручить заведывание хозяйством и домашними делами брата ее, Захара Григорьевича Чернышева.

Граф Чернышев (род. в 1796 году), блестящий кавалергард, единственный наследник титула и огромнейшего майората рода Чернышевых, по данным известного „Алфавита декабристов", лежавшего постоянно для справок на столе Николая Павловича [1]), был членом Северного общества с 1825 года; зная цель — введение конституции,

[1]) „Алфавит" подготовлен к печати Б. Л. Модзалевским и. А. А. Сиверсом, которых благодарю за разрешение пользоваться корректурными оттисками их труда.

слышал о замыслах на цареубийство, но в совещаниях не был, никого в общество не ввел и в событиях 14 декабря не участвовал за отсутствием из Петербурга. Приговорен был к лишению чинов и дворянства с ссылкою в каторжную работу на два года. По указу 22 августа 1826 года, срок каторги сокращен на год. В середине 1828 года Чернышев должен был отправиться на поселение в Якутск, и А. Г. Муравьева сильно страдала при мысли о тяжелом положении, в котором очутится брат один, без чьего-либо ухода. Сохранилось — все в той же переписке о правах жен государственных преступников, об их прислуге и т. п. — собственноручное письмо (конечно, на французском языке) А. Г. Муравьевой к брату. У Муравьевой среди ссыльных и каторжных декабристов было много родных: ее брат граф З. Г. Чернышев, муж Никита Мих. Муравьев, двоюродный брат Ф. Ф. Вадковский, брат мужа А. М. Муравьев, их двоюродные братья М. С. Лунин и другие Муравьевы: Матвей, Артамон, Александр, много других родственников и свойственников. Конечно, А. Г. Муравьева знала, что всем им тяжко, все они не готовились к ведению своего домашнего хозяйства, но, ведь, дело касалось Захарушки, единственного сына в обильной дочерьми семье Чернышевых, в которой А. Г. была старшей и для которой он все еще был мальчиком, несмотря на свои 33 года.

„10 Июля 1828. Я только что узнала, мой дорогой друг, что Абраму не дозволено следовать за тобой. Не могу передать тебе, как это меня огорчает. Что мне делать с этим чернобородым, один вид которого заставляет меня плакать? Я не понимаю, почему ему не разрешили следовать за тобой. Ведь, это его собственное желание, а он человек свободный, никогда даже не принадлежал кому-либо из нашей семьи. Я страдаю за тебя, мой дорогой друг, и не могу ничем помочь тебе. Конечно, это не от отсутствия моей доброй воли.

Во имя Неба, будь очень благоразумен во всех своих поступках и разговорах и помни, что могут придраться к пустякам, чтобы погубить тебя еще больше.

Я чувствую себя хорошо, также и Никита. Я полагаю, что ты аккуратно получаешь известия от Папа. Скажу тебе, однако, что меня очень заботят дети, хотя, как мне сообщают, они здоровы. Мне хочется этому верить. Вообще в нашем положении вера необходима. С нетерпением жду письма от тебя и Бог весть, когда получу его.

Обнимаю тебя, мой дорогой мальчик, мой дорогой друг Захарушка, и от всего сердца *ручки твои целую* [2]). Верь в Бога и не теряй бодрости. № 4 и А. тебя обнимают. Бестужевы здоровы, передай это их брату. Я полагаю, что вы вместе, потому и говорю тебе это".

Письмо отражает сцену прощания Муравьевой с братом, которую М. Н. Волконская называет раздирающей. Абрам Добровольский, петербургский посадский, хотевший ехать с Чернышевым в ссылку в Якутск, был по распоряжению властей выслан в Москву. Власти дей-

---

[2]) Написано в оргинале по-русски.

ствовали так в этом случае, ссылаясь на пример с Леляковым и с Лазовым. Установили и за Добровольским слежку, но московский жандармский генерал с досадой сообщал Бенкендорфу, что здесь добиться чего-либо трудно, так как Абрам „в доме [Е. Ф. Муравьевой] почитается из лучших людей, но хитрым и скрытным, и слышно, что он у сосланного в работу Муравьева был дядькою".

Дети, заботившие А. Г. Муравьеву,—ее сын и две дочери, оставшиеся у Е. Ф. Муравьевой в Москве,—несмотря на уход, погибли без матери: сын Михаил умер в том же году; одна дочь ненадолго пережила его; другая дожила до глубокой старости, но еще в детстве впала в слабоумие, не вынеся тяжелого горя, нависшего над осиротевшим домом бабушки, ослепшей от слез и ведшей почти монашеский образ жизни. Е. Ф. Муравьева просила (1829 г.) Бенкендорфа разрешить ей отвезти к сыну его малолетних детей, но шеф жандармов учтиво отказал в этом: „благородным детям" сосланных преступников нельзя „следовать за их родителями, таков—закон".

III. К семейной драме Лихарева.

В приведенном выше докладе ген. Волкова Бенкендорфу сообщается, что Леляков расчитывал вернуться в Сибирь с Фонвизиной и Лихаревой. Жене декабриста М. А. Фонвизина, Наталье Дмитриевне, удалось поехать в Сибирь, где она делила с мужем его страдания, облегчая жизнь ему и его друзьям. Но о жене Лихарева Екатерине Андреевне до сих пор было в литературе только известно, что она за ним в Сибирь не последовала и при живом муже вышла замуж за Льва Шостака [1]). Николай оказал женам декабристов милость, разрешив им, как женам ссыльных, лишенных всех прав, выйти вторично замуж без развода.

Владимир Николаевич Лихарев (род. в 1800 году) учился в известной школе Н. Н. Муравьева-отца для колонновожатых и выпущен был из нее свитским офицером в южную армию. Он был образованный и одаренный человек, воспринял идеи кружка Пестеля. Согласно „Алфавиту", Лихарев знал об умысле на цареубийство, грозил известному доносчику Бошняку в случае измены ядом и кинжалом и сочинил взгляд на военные поселения в духе общества. Был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу на два года, с сокращением этого срока по манифесту 22 августа 1826 г. на один год и ссылкою затем на поселение в Сибирь. С августа 1825 года Лихарев был женат на дочери сенатора А. М. Бороздина, которая родила в мае 1826 года сына Николая. Это было, когда отец содержался в крепости. Вскоре он был отправлен в Нерчинские рудники и затем в г. Кон-

[1]) В статье об И. В. Поджио *В. И. Семевский* упоминает про желание Е. А. Лихаревой последовать за своим мужем и даже говорить, что ее отец, А. М. Бороздин, не противился желанию дочери, но это упоминание осталось незамеченным другими авторами и прошло бесследно для выяснения семейной драмы Лихарева.

динск, Тобольской губернии, на поселение. В 1829 году мать и жена Лихарева просили о разрешении ему отправиться рядовым в действующую армию, но в этом было им отказано.

Лишь в 1837 г., по просьбе наследника Александра Николаевича и В. А. Жуковского, Лихареву, в числе других декабристов, было разрешено отправиться на Кавказ рядовым. Для других декабристов это было первым шагом к соединению со своими семьями, к восстановлению в гражданских правах; для Лихарева же это освобождение из сибирского захоронения было запоздалым. Летом 1832 года ему было разрешено поехать в Тобольск для извлечения давно находившейся в правом бедре пули. В конце марта 1833 года Лихарев вернулся в Курган, куда был переведен из Кондинска еще в 1830 году. Когда Лихарев „воротился в наш круг,—рассказывает декабрист барон А. Е. Розен, — то получил печальное известие, что жена его вышла замуж; та же участь постигла И. В. Поджио. Это обстоятельство сокрушило Лихарева так, что при блестящих способностях, при большом запасе серьезных познаний он не мог или не хотел употребить их с пользой“.

В. Н. Лихарев горячо любил жену и очень страдал от разлуки с нею. Еще в 1829 году жандармский полковник Маслов, видевший Лихарева в Кондинске, сообщал Бенкендорфу, что писем Лихарева „невозможно читать без глубочайшего умиления и сострадания; он старается успокаивать и даже развеселять родственников и в особенности жену, которую он любит страстно, как и младенца сына своего; утешение он находит в религии, помогает бедным поселянам, пользует с успехом больных; жители отзываются о нем, как о добром человеке; обыкновенные занятия его—чтение и рисование“. В первые годы ссылки, хорошо обеспеченный материально, Лихарев в конце ее, повидимому, в связи с выходом Ек. Андр. замуж, стал сильно нуждаться и даже завелась переписка по поводу его сибирских долгов и по поводу его письма к старому другу графу А. А. Бобринскому с просьбою о помощи.

На Кавказе Лихарев был постоянно так же печален и грустен, как и в ссылке. По свидетельству видевшего его там М. Ф. Федорова, В. Н. был „худощав, болезненного вида, молчалив; постоянно читал или раскладывал пасьянс; говорили, что он очень любил играть в карты; вообще же заметны были в нем глубокая тоска и душевные страдания“. Вместе с тем Лихарев искал смерти — избавительницы от выпавших на его долю страданий. На Кавказе он очень подружился с М. Ю. Лермонтовым, постоянно беседовал с ним и вместе с ним участвовал в самых серьезных сражениях с горцами. В знаменитой битве под Валериком, 11 июля 1840 года, где воспевший это сражение Лермонтов был вместе с Лихаревым, последний был убит. Кончилась тревожная жизнь. Для Лихарева Валерик оправдал свое черкесское название, означающее реку смерти.

Ни разнообразие и волнения боевой обстановки, ни рассеянная жизнь игрока, в которую пустился Лихарев в последние годы, ни

дружба и возвышенные беседы с Лермонтовым, с которым он постоянно спорил, не могли отвлечь Вл. Ник. от тягостных воспоминаний, не могли залечить его сердечной раны. До смерти образ любимой женщины был с ним. Трогателен рассказ декабриста Н. И. Лорера, которому о смерти Лихарева сообщил полковник Фрейтаг, участник сражения под Валериком. После Лихарева „остались некоторые бумаги на разных языках и портрет красивой женщины превосходной работы, который Фрейтаг, зная мою дружбу с покойным, хотел мне передать. Я узнал портрет жены его, рисованный Изабэ в Париже. Я посоветовал полковнику отправить все эти драгоценности к родным покойного и дал адрес... Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но отдавать свое последнее... В последнем деле он был в стрелках с Лермонтовым. Сражение приходило к концу. Оба приятеля шли рука об руку и часто в жару спора неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навылет, и он упал навзничь; ожесточенная толпа горцев изрубила труп так скоро, что солдаты не поспели на выручку останков. Где кости сибирского товарища моего? Подобною смертью погиб бесследно и Александр Бестужев". Декабрист М. А. Назимов писал А. Ф. Бриггену, что тело Лихарева погребено на месте боя, а декабрист А. П. Беляев, посетивший осенью 1840 года это место, пишет в своих воспоминаниях: „когда мы в последнюю экспедицию нашу проходили Валерик, то увидели, что могилы наших убитых были разрыты и тела павших обнажены, ограблены и изуродованы этими чеченскими варварами; тут же их похоронили снова" [1]).

Через несколько дней после битвы под Валериком в штабе полка, где служил рядовой Лихарев, был получен из Петербурга приказ о производстве В. Н., за одно из прежних боевых дел, в унтер-офицеры, звание, которым сосланные декабристы очень дорожили, как последней ступенью к производству в офицеры и к полному освобождению из неволи.

Итак, напечатанный выше документ свидетельствует, что Ек. Андр. Лихарева еще в 1828 году хотела ехать в Сибирь к мужу (в деле В. Н. об этом сведений нет), и можно с большой долей вероятности предположить, что она не поехала к мужу из-за отца, и вот почему. Отец Лихаревой, сенатор А. М. Бороздин, другая дочь которого Мария Андреевна была замужем за декабристом И. В. Поджио, как и все родители жен декабристов, хотел, чтобы его дочери не испытывали тягостей сибирской жизни. Но Коновницына—мать Нарышкиной, Лаваль—родители Трубецкой, Раевский—отец Волконской, Чернышев—отец Му-

---

[1]) Есть интересный портрет Лихарева, рисованный им самим пером в Кондинске. Он воспроизведен в очень редком издании „Родовой Листок" (Лихаревых), Петербург, 1917, 11 июня, № 15. Здесь же несколько интересных писем Лихарева к сестрам и матери, портреты его сестер, брата, сына и другие материалы к его биографии.

равьевой, Малиновские—братья и сестры Розен, Апухтина—мать Фонвизиной,—все они сочувствовали желанию дочерей и старались только лучше обставить их сибирскую жизнь. Сенатор же Бороздин всю силу своей отцовской любви, все свои связи в правительственных кругах, все влияние своего богатства сосредоточил на создании препятствий для поездки его дочерей в Сибирь. Он проявил в этом деле чисто инквизиторскую жестокость, особенно отразившуюся на судьбе его зятя Поджио. Бороздин добился повеления Николая о заточении И. В. Поджио в Шлиссельбургскую крепость вместо отправки его в каторжную работу в Сибирь, куда М. А. Поджио могла поехать и куда она стремилась еще в 1830 году. Бороздин добился еще и того, что ни жене, ни матери Поджио не сообщалось о месте его заточения, и Поджио переписывался с ними, не имея права упоминать про Шлиссельбург. Такими и рядом домашних мер Бороздин сумел сломить упорство дочери. В одном из писем на имя Николая М. А. Поджио, например, просила, чтобы ей разрешили, „соединясь с мужем, исполнять до конца своей жизни данную пред Богом клятву не оставлять его в несчастии и быть истинною матерью пятерых его сирот (кроме сына от брака с Бороздиной, И. В. Поджио имел детей от первого брака) и нежнейшею дочерью престарелой его матери". „Я желаю облегчить хотя несколько несчастный жребий мужа моего"—писала она, но отец добился своего, и в начале 1834 года М. А. вышла замуж за князя А. И. Гагарина при живом первом муже.

И. В. Поджио узнал об этом спустя долго после прибытия в Сибирь, куда он был доставлен в августе 1834 года и где думал соединиться с любимой женой. Умер он 8 января 1848 г. в Иркутске.

С. Штрайх.

Суд над Н. П. Огаревым.

Приговором московского уголовного суда от 31 марта 1835 г. Огарев за пение пасквильных стихов, в котором не принимал участия (равно и бывшие с ним Герцен и Сатин), был по высочайшему повелению отослан в Пензу на службу на поруки отца под строгий надзор начальства. Там он служил до 1839 г., когда вышел в отставку (25 лет от роду). С 1846 г., вернувшись из-за границы, он проживал в своих имениях Пензенской и Рязанской губ., занимаясь улучшением быта своих крестьян [1]). В 1856 г. он испросил разрешение выехать заграницу для лечения на Гостейнских минеральных водах и в Италию, но в том же году оказался у своего друга юности, А. И. Герцена, в Лондоне, где, по его инициативе, в 1857 г. начал издаваться [2]) „Колокол", в котором появились его обличительные статьи против русского правительства.

В то время в государственной и общественной жизни России почувствовались уже новые течения: Александр II высказался за освобождение крестьян. Огарев, воодушевленный новыми русскими веяниями и проникшись всецело верою, что уже наступила новая эра, когда можно, подняв забрало, с открытым лицом выступить на помощь родине, работать рядом с царем, сознавшим-де несостоятельность и язвы современной России, поместил в „Колоколе" (от 15 февр. 1858 г.) такое открытое письмо Герцену: „Друг Искандер! С тех пор, как Александр II стал во главе великого русского дела освобождения крестьян, мне бесчестно прятаться от него под псевдонимом. Я слишком уважаю его, чтобы делать что-нибудь не в'явь, не открыто, а потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу с моим именем и заменить им буквы Р. Ч., которых таинственность основывалась на недоверии ко власти" [3]). С того времени все статьи Огарева в „Колоколе", в „Полярной Звезде" и в отдельных изданиях начали появляться под его именем.

---

[1]) Об этой деятельности Огарева в деревне см. *Гершензон*, «Огарев и его крестьяне» (Научное Слово, 1903 г. IV); *Семевский*, «Крестьянский вопрос», II, стр. 227—231. *Анненков* «Идеалисты 30-х годов» (Вестн. Европы, 1883 г.). *Повалишин*, «Свободные хлебопашцы в Ряз. губ.».

[2]) *Пассек*, «Из дальних лет», т. III, стр. 127.

[3]) «Колокол», № 9, стр. 68.

Такое открытое выступление Огарева в роли публициста-обличителя в то время, как Герцен продолжал печататься под псевдонимом, произвело не то действие, какого ожидал автор. Правительство усвоило взгляд на герценовский кружок, как на революционеров, государственных преступников. Министр внутр. дел С. Ланской еще 28 окт. 1857 г. предписал начальникам губерний конфисковывать книги, изданные за границей на русском языке [4]). „Колокол" отбирался не только в России, но русские агенты скупали его даже в Париже у газетчиков и в книжных лавках. Естественно, что и Огарев, как открытый сотрудник Герцена, был признан государственным преступником, и в начале апреля 1859 г. последовало через III-е отделение собственной его величества канцелярии высочайшее повеление об'явить Огареву приказ о немедленном возвращении на родину под страхом ответственности за ослушание „по всей строгости законов" [5]).

Огарев был приглашен в русское генеральное консульство, где ему было прочитано указанное об'явление, полученное депешей за подписью товарища министра иностр. дел, после чего он вскоре (12 мая) доставил в консульство два запечатанных конверта. В одном было письмо к русскому послу барону Бруннову с просьбой препроводить второй конверт с письмом к царю. Однако, барон возвратил это письмо с об'яснением, что русскому посольству запрещено принимать запечатанные письма на имя императора и членов его семейства. Тогда Огарев принес то же письмо вскрытым и просил посланника передать царю „распечатанное" письмо, но оно было снова возвращено с об'яснением, что посланник имеет повеление только передать ему об'явление, но, ознакомившись с содержанием письма, считает его „неуместным и оскорбительным для лиц, окружающих государя". Этот инцидент был опубликован 22 июня в „Колоколе" и тогда же было напечатано письмо к царю [6]). В нем Огарев писал, что он считает себя более полезным России в Лондоне, чем дома, обличая отсюда зло и неправосудие, свирепствующие в России. „Я возвращусь, когда в России будет властвовать ваша освобождающая воля, а не произвол сановников своекорыстных, неправосудных и бездарных, застилающих от вас правду и живую жизнь русского народа. Я возвращусь, когда отсутствие административного насилия, гласность суда и возможная свобода печати обеспечат личность и слово. Я возвращусь не по вызову III отделения, а потому, что вы сами, государь, признаете необходимость свободного в'езда в Россию всем истинным сынам ее".

В каком виде был доведен до сведения Александра ответ Огарева, неизвестно, но 26 октября начальник III отд. (кн. Долгоруков) известил министра юстиции о высочайшем повелении предать Огарева суду по всей строгости законов, о чем русский посол в Лондоне

---

[4]) «Колокол», 1858 г., № 10, л. 81.

[5]) Архив сената, дело министерства юстиции, 1859 г., № 5325, л. 1—2.

[6]) 1859 г., № 46, стр. 375.

не преминул довести до сведения Огарева письменно (от личной явки в консульство по приглашению Огарев отказался). Сообщая об этом читателям „Колокола“, Огарев писал: „искренно признаюсь, что это решение для меня прискорбно не за самого себя — я вне опасности, строгость пагубных законов не довольно долгорука, чтобы достать меня, но мне прискорбно за государя..., которого реакционные сановники пугают призраками“ [7]).

Суд в первой инстанции по местожительству Огарева состоялся в г. Инсаре, Пензенской губ. Он был скорый (по тому времени), причем не было соблюдено даже такое важное требование дореформенного закона—„доставить подсудимому всевозможные средства к его оправданию“. Напротив, как впоследствии протестовал Огарев, ничего в этом отношении не было сделано: не было произведено расследования, не снят был с подсудимого допрос, не было ничего сказано в его защиту, кроме справки, что „Огарев судим прежде сего ни за что не был“.

Приговор гласил: „Вследствие Высочайшего повеления и предложения Правительствующего Сената, Пензенское губернское правление обстоятельство о неисполнении Высочайшего повеления коллежским регистратором Николаем Огаревым предоставило суждению Инсарского уездного суда, а о сделании повсеместного розыскания, не окажется ли где-либо какого населенного и недвижимого имения, принадлежащего ему, Огареву, сделано должное распоряжение.

„Из копии с формулярного списка о службе Огарева, составленного в 1839 году, видно, что от роду имеет 25 лет, из дворян, в службу вступил Государственной коллегии иностранных дел в московский архив студентом 11 января 1832 года, по новому образованию московского главного архива назначен в должность актуариуса. 24 апреля 1833 г. по Высоч. повелению перемещен в Пензенскую губернию на службу, вследствие чего определен в Пензенское губернское правление, с откомандированием в канцелярию гражданского губернатора. 19 апреля 1835 года аттестовался способным и достойным, женат на дочери надворного советника Рославлева, Марье, греко-российского вероисповедания, детей не имеет, родового имения в губерниях Пензенской, Рязанской и Орловской—3945 душ, был под следствием в 1834 году и, по представленному докладу следственной комиссии в Москве, Высочайше повелено отослать в Пензу на службу под строгий надзор местного начальства и наблюдение отца.

„По делу сему Инсарский уездный суд мнением положил: отставного коллежского регистратора Николая Огарева, отлучившегося из отечества и по Высоч. повелению обратно не явившегося в оное, на основ. 368 ст. XV т. I кн. зак. угол. (изд. 1857 года) за таковое ослушание подвергнуть лишению всех прав состояния и к вечному изгнанию из пределов Российского государства, о чем ему и об'явить чрез посредство Российского посольства в Англии“.

---

7) 1859 г., № 59 (от 15 декабря).

Приговор этот прошел последующие судебные инстанции без задержек. 30-го июня состоялось рассмотрение дела Огарева в сенате, который вынес то же решение, что уездный суд.

Так, в 4—5 месяцев суд покончил с судьбою Огарева. Почему-то затянулось дело с полагавшейся по закону высочайшей конфирмацией мнения государственного совета, повторившего сенатское решение. Она состоялась только 27 декабря 1860 г.

После этого оставалось конфирмованное решение привести в исполнение. Первая половина решения—отобрание в казну имений Огарева—была быстро осуществлена: сведения об имущественном цензе подсудимого были собраны во время судебного процесса. Труднее было об'явить приговор осужденному через русского посла в Лондоне, так как последний уклонился от этого под тем предлогом, что изгнанник Огарев „неоднократно употреблял во зло делаемые ему об'явления, печатая их с неуместными рассуждениями в „Колоколе“, почему посол и полагал более соответственным достоинству правительства не входить более в сношение с Огаревым, а ограничиться напечатанием требуемого об'явления в официальных ведомостях“.

С этим мнением согласились начальник III отделения кн. Долгорукий и министр внутр. дел П. Валуев.

Решение вопроса о форме об'явления было передано министерству юстиции. Оно, обсудив предложение, нашло, что единственной формой об'явления приговора Огареву может быть та, которая указана в конфирмованном решении, т. е. через русское посольство в Лондоне, и порядок этот не может быть изменен без особого высочайшего соизволения. Тем более, что по действующим законам, единственный способ об'явления приговора есть прочтение его осужденному в суде или полицией; об'явление же через напечатание в ведомостях законом не допускается. Напечатание приговора об Огареве в официальных ведомостях не достигло бы своей цели, так как трудно предположить, чтобы Сенатские Ведомости читали где-нибудь вне империи, и тогда приговор останется необ'явленным и не будет выполнена необходимая принадлежность всякого судебно-уголовного процесса. Если даже допустить, что приговор сделается известным через напечатание его в ведомостях, то могут быть такие же последствия, как и от об'явления приговора лично Огареву русским послом в Лондоне. Опубликование приговора в ведомостях было бы некоторым образом усилением определенного Огареву наказания, а закон ни в каком случае не допускает усиления наказания, назначенного по окончательному судебному приговору.

Управляющий министерством юстиции согласился с этим мнением, но, очевидно, с целью реабилитировать себя перед государем, желая опереться на персональное юридическое большинство, запросил обер-прокуроров уголовных департаментов и 1-го департамента сената, встречался ли раньше в судебной практике подобный случай и допустимо ли опубликование судебных приговоров в ведомостях на основании действующих законов.

На первый вопрос все обер-прокуроры ответили отрицательно, на второй отозвались различно. Об.-пр. Любощинский, признавая, что приговоры общих гражданских уголовных судебных мест о лицах приговоренных к изгнанию из пределов государства, а также заочно осужденных за побег за границу и не возвратившихся, не публикуются в ведомостях,—он, в виду того, что в русской военно-судебной практике иногда допускается публикация приговоров, высочайше конфирмованных, допускается она и французскими законами, как извлечение из „неявочных приговоров“ находил возможным и в применении к данному случаю опубликовать приговор в Сенатских Ведомостях, но в самой краткой форме.

В виду разногласия был запрошен главноуправляющий II отд. собственной е. в. канцелярии барон Мод. Андр. Корф. Он был persona grata при дворе, и можно думать, что обращение к нему было своего рода тактическим ходом в сторону той угодливости, которою под маской Фемиды пропитался весь процесс Огарева. Корф ответил, что он присоединяется к мнению обер-прок. Любощинского. После этого, по распоряжению управляющего мин. юстиции, переписку по делу Огарева 11 декабря 1862 г. приказано было прекратить.

В то время, как русские чиновники и сановники ломали копья по вопросу о способе об‘явления судебного приговора поэту-изгнаннику, сам Огарев, узнав о приговоре полуофициальным путем, поместил в „Колоколе“ от 31 октября 1861 г. следующее сообщение: „Он, Огарев, получил записку управляющего генеральным консульством с извещением, что он за отказ возвратиться на родину об‘явлен лишенным всех прав состояния и навсегда изгнанным из пределов государства. Но он не может принять записку, как официальное об‘явление, так как на бумаге не выставлен номер, в ней не сказано, по чьему поручению сделано это сообщение, а также и по следующим причинам: 1) Сенат не мог об‘явить Огарева лишенным прав и изгнанным без суда. 2) Если сенат приговорил по суду, то не иначе, как после поступления к нему на ревизию решения какой-либо уголовной палаты, подтвердившей или отвергнувшей мнение уездного суда. Уездный суд не мог начать дело иначе, как получив откуда - нибудь извещение об отказе обвиняемого возвратиться из заграницы и, следовательно, не мог не быть извещенным о его местожительстве. Уездный суд был обязан вторично допросить Огарева. Безусловного отказа возвратиться в Россию Огарев не давал; в его письме государю, помещенном в „Колоколе“, даже обозначены случаи, когда он намерен возвратиться. Следов., уездный суд, зная местожительство Огарева и не имея сведений об его отказе возвратиться, по закону и здравому смыслу обязан был приступить ко вторичному допросу. Допросивши, уездный суд обязан был допустить Огарева или его поверенного к рукоприкладству по его делу. То же допущение к рукоприкладству входило в обязанность уголовной палаты и сената. А так как ни одно судебное место до сих пор не вызывало Огарева к допросу то если бы суд уже состоялся, нарушилось бы право защиты подсудимого лично или

через поверенного, поэтому—все дело, *вероятно,* только ложный слух, который ввел в заблуждение г. управляющего гл. консульством. 3) Это *вероятие* становится достоверным, потому что в записке сказано, будто решение Сената было утверждено императором. Все производство дела в трех судебных инстанциях, без вызова подсудимого к ответу—*противозаконно,* и потому весьма сомнительно, чтобы государь утвердил противозаконный акт; это обличало бы преднамерение осудить или незнание законов—два случая, равно несовместные с императорским званием".

В заключение Огарев повторил, что он не может принять полученную записку за официальную бумагу и дать ей веру, „пока не получит через посольство копии (за скрепой) с указа Сената, или № Сенатских Ведомостей, где оный указ напечатан" [8]). Но ни того, ни другого он не получил.

А. Миловидов.

---

[8]) „Колокол", 1861 г., № 110.

Штрихи недавнего прошлого.

I. Выговор градоначальнику Толмачеву, члену союза русского народа.

Директор департамента общих дел министерства внутренних дел Ал. Дм. Арбузов отправил 21 мая 1910 г. одесскому градоначальнику Ив. Ник. Толмачеву следующий конфиденциальный запрос:

„Милостивый государь Иван Николаевич! Препровождая при сем, по приказанию г. Министра внутренних дел, вырезки из газеты „Речь“ и „Всеобщая Газета“ от 20 сего мая с корреспонденциями из Одессы по поводу вашего выступления на собрании одесских союзников с речью по финляндскому вопросу, прошу ваше превосходительство сообщить мне, с возвращением приложений для доклада его высокопревосходительству, подробные сведения по содержанию означенных корреспонденций“.

Ответное письмо Толмачева от 11 мая было кратко:

„Милостивый государь Алексей Дмитриевич! Вследствие настойчивых просьб монархистов, я поехал на заседание, посвященное финляндскому вопросу, сел среди публики и слушал сообщение. По окончании последнего я встал, чтобы уйти, но председательствовавший собранием Н. Н. Родзевич обратился от имени собрания ко мне с речью, на которую я ответил. Все это подробно и довольно верно изложено в прилагаемом № 1326 газеты „Русская Речь“. Полагаю, что я не совершил никакого проступка, так как только таким путем развивается и крепнет монархическое дело в Одессе“.

Имя Толмачева, по выражению биографа П. А. Столыпина, — классическое. Он один из виднейших провинциальных администраторов, которые совершенно утратили представление о законности во времена премьерства Столыпина [1]. Все они вместе и каждый из них в отдельности олицетворяли собою столыпинский произвол.

При таких условиях особый интерес приобретает письмо самого Столыпина, составленное в припадке гнева и отправленное „в собственные руки“ Толмачева:

„Милостивый государь Иван Николаевич! Ознакомившись с представленным Вами об‘яснением по поводу выступления Вашего на собрании одесских монархических организаций по финляндскому вопросу, я нахожу, что действия Ваши на означенном собрании, а также произнесение речи совершенно недопустимы, в виду чего категорически запрещаю Вам на будущее время подобные выступления. Не говоря уже о том, что, на основании Высочайше утвержденного 16 декабря 1905 г. положения совета министров, вам, как военному, воспрещено всякое участие в политических союзах, а равно присутствие их на

---

[1] *А. Изгоков*—„П. А. Столыпин“ (М., 1912 г.), стр. 123.

собраниях для обсуждения политических вопросов, Вы, вопреки также циркулярному распоряжению совета министров от 14 сентября 1906 г., выступили, как высшее должностное лицо, на политическом собрании с руководственной и тенденциозной речью, высказывались при этом, никем не уполномоченные, от имени правительства. Такой образ действия свидетельствует об отсутствии у Вас ясного понимания Ваших обязанностей, пределов предоставленных Вам прав и служебного такта. В виду сего предупреждаю Вас, что в случае повторения Вами чего-либо подобного, я вынужден буду доложить Государю Императору о всех отрицательных сторонах Вашей деятельности, вызвавших за последнее время ряд моих замечаний. Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности П. Столыпин".

Приведенная переписка не типична ни для Столыпина, ни для эпохи. Она — случайный эпизод. Но она отражает разлад, существовавший между премьером и союзом русского народа. Суровый выговор, сопровождаемый угрозой, не смутил градоначальника, за плечами которого стоял союз русского народа. Поведение его продолжало быть вызывающим. „Я попрежнему продолжал поддерживать союзы, являлся на торжественные заседания, говорил речи народу в духе самодержавия, православия и русской народности, за что неоднократно получал замечания от покойного П. А. Столыпина", — писал позже после своей отставки Толмачев в докладе-отчете о всей своей деятельности, предназначавшемся для Николая II.

II. „Истинная чепуха".

Как только воцарился Николай II либеральные круги русского общества осмелились втихомолку заговорить о конституции. Начало нового царствования, по обыкновению, связывали с предстоящими преобразованиями государственного строя.

В связи с конституционными веяниями директор департамента полиции Петров составил 2 ноября 1894 г. следующий доклад для царя:

„Скорбные события последнего времени (т. е. смерть Александра III) вызвали оживление в среде русской „умеренно-либеральной" партии. Крайние фракции нашей западно-европейской эмиграции, не замедлившие притти на помощь делу достижения конституционных гарантий, выразили свое содействие в последнем летучем листке „Фонда вольной русской прессы", в Лондоне, воззвания, приглашающего все интеллигентные классы русского общества соединиться для твердого, хотя и сдержанного заявления, что народ желает принимать участие в определении собственных судеб [2]). Вслед затем на средства того же революционного фонда был отпечатан присланный из России „проект русской конституции". Оба эти издания направлены в отдельных пакетах в Россию на имя должностных лиц, общественных учреждений и проч. Благодаря, однако, своевременно принятым мерам, почтовым учреждениям удалось задержать большое число пакетов с указанными революционными воззваниями и тем в значительной степени предупредить распространение их в пределах империи.

При докладе был представлен и один экземпляр названного „проекта конституции".

Речь идет о „проекте русской конституции", напечатанном фондом вольной русской прессы в виде приложения к 11 листку и выпущен-

[2]) Имеется в виду передовая статья „Регентство", помещенная в 11 листке комитета Фонда вольной русской прессы, изд. в Лондоне 14 октября 1894 г. (нов. ст.), т. е. до смерти Александра III, последовавшей 20 октября (ст. ст.).

ном в Лондоне 31 октября 1894 г. нов. ст. „на пороге нового царствования“, т. е. до смерти Александра III, но в убеждении, что последний доживает последние часы. „Настоящий проект конституции—писала в примечании редакция листков—вместе с предшествующим ему введением прислан нам из России в гектографированной копии. Мы печатаем его без малейших изменений“, несмотря на то, что „в некоторых частях нашим собственным воззрениям на предмет“ он не соответствует [3]).

Доклад директора департамента полиции Петрова молодой царь читал 3 ноября 1894 г., т. е. спустя две недели по вступлении своем на престол, когда он только начинал заниматься государственными делами. Неизвестно, прочел ли он печатный экземпляр „проекта“ от начала до конца, но, во всяком случае, Николай II тогда же ознакомился с его содержанием. Результатом этого явилась следующая надпись царя: „*Истинная чепуха*“.

После такой резолюции нет ничего неожиданного в том, что спустя два с половиною месяца, 17 января 1895 г., на приеме представителей дворянства и земств, говоря о надеждах на конституцию („истинной чепухе“), царь назвал их „бессмысленными мечтаниями“... То не было на лету схваченное, ставшее крылатым, выражение, а определенное своеобразно на словах формулированное убеждение, сложившееся задолго до того.

III. Напали на след...

Не смехотворный курьез, но факт большого бытового значения представляет собою следующий случай, зафиксированный в специальном деле департамента полиции, озаглавленном: „По поводу помещенного в календаре А. Баумана на 1881 г. против 1-го марта знака императорской короны“ [4]).

Оно открывается следующим рапортом пермского губернатора от 13 марта 1881 г. за № 101:

„Начальник Пермского губернского жандармского управления отношением от 10 сего марта за № 95 уведомил меня, что 1 марта, справляясь в календаре, он заметил, что против этого числа изображена императорская корона, означая один из торжественных царских дней. Между тем, в сказанное число никакого табельного дня не было. Обстоятельство это, при известии об ужасном событии 1 марта, поразившим Россию, невольно обращает на себя особенное внимание. Названный календарь имеет наименование: „Семейный иллюстрированный календарь на 1881 год“ (седьмой год), издание А. Баумана, Исааковская площадь № 6, дом княгини Львовой, на углу Большой Морской. С.-Петербург. Типография Императорской Академии Наук, Васильевский остров, 9 линия, д. № 12.

Об изложенном имею честь сообщить на благоусмотрение департамента государственной полиции. Губернатор Енакиев“.

Этому пермскому губернатору Енакиеву посвятил много страниц в „Истории моего современника“ [5]) В. Г. Короленко, сталкивавшийся

---

[3]) Этот проект помещен в VI т. собрания сочинений С. М. Степняка-Кравчинского (изд. „Светоча“, под ред. С. А. Венгерова, 1907 г., стр. 65—95, или 1919 г., стр. 70—97), как приложение к статье Кравчинского „Органические и случайные элементы в политических программах русских демократов“, в которой Кравчинский подвергает „проект“ обстоятельному разбору. До сих пор не установлено, хотя бы предположительно, кто был автором „Проекта русской конституции“. Об авторстве см. предисловие В. В. Водовозова к VI т. сочинений Степняка-Кравчинского, изд. 1919 г., стр. 17—18.

[4]) III делопроизв., № 313, за 1881 г.

[5]) См. т. III, изд. „Задруги“, М., 1922 г., часть III.

с Енакиевым довольно часто во время своего невольного пребывания в Перми. То было как раз в 1880—1881 г.г. „Человек восемнадцатого столетия"—бросает мимоходом по его адресу В. Г. Короленко. Не самодур, даже слегка добрый, общительный администратор, но слабо разбиравшийся в веяниях эпохи, Енакиев так растерялся после 1-го марта 1881 г., что вместе со своим „приятелем, начальником жандармского округа", готов был усмотреть в Баумановском календаре, очень в то время распространенном и напечатанном задолго до 1 марта 1881 г., следы убийства Александра II.

И в департаменте полиции, где работали люди более осмысленные, чем губернатор Енакиев и его приятель, дали ход его рапорту.

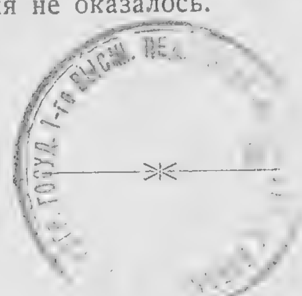
Об императорской короне, изображенной против 1 марта, „в виду совпадения этого обстоятельства с событием, совершившимся 1 марта с. г.", было запрошено главное управление по делам печати.

Таинственное изображение короны получило обоснованное освещение в ответном письме исполнявшего должность начальника гл. упр. по делам печати кн. Вяземского:

„Святцы и памятный листок к семейному иллюстрированному календарю Баумана на 1881 г. дозволены к печати духовным цензором архимандритом Иосифом еще 1 августа 1880 г.—писал кн. Вяземский. Выставленная против 1-го числа месяца марта императорская корона, как можно полагать, обозначает перенос празднования рождения ныне царствующего Государя Императора, приходившегося в текущем году (26 февраля) на первой неделе Великого поста, на воскресенье 1-го марта"...

Следа преступления не оказалось.

Сообщ. Р. Кантор.

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

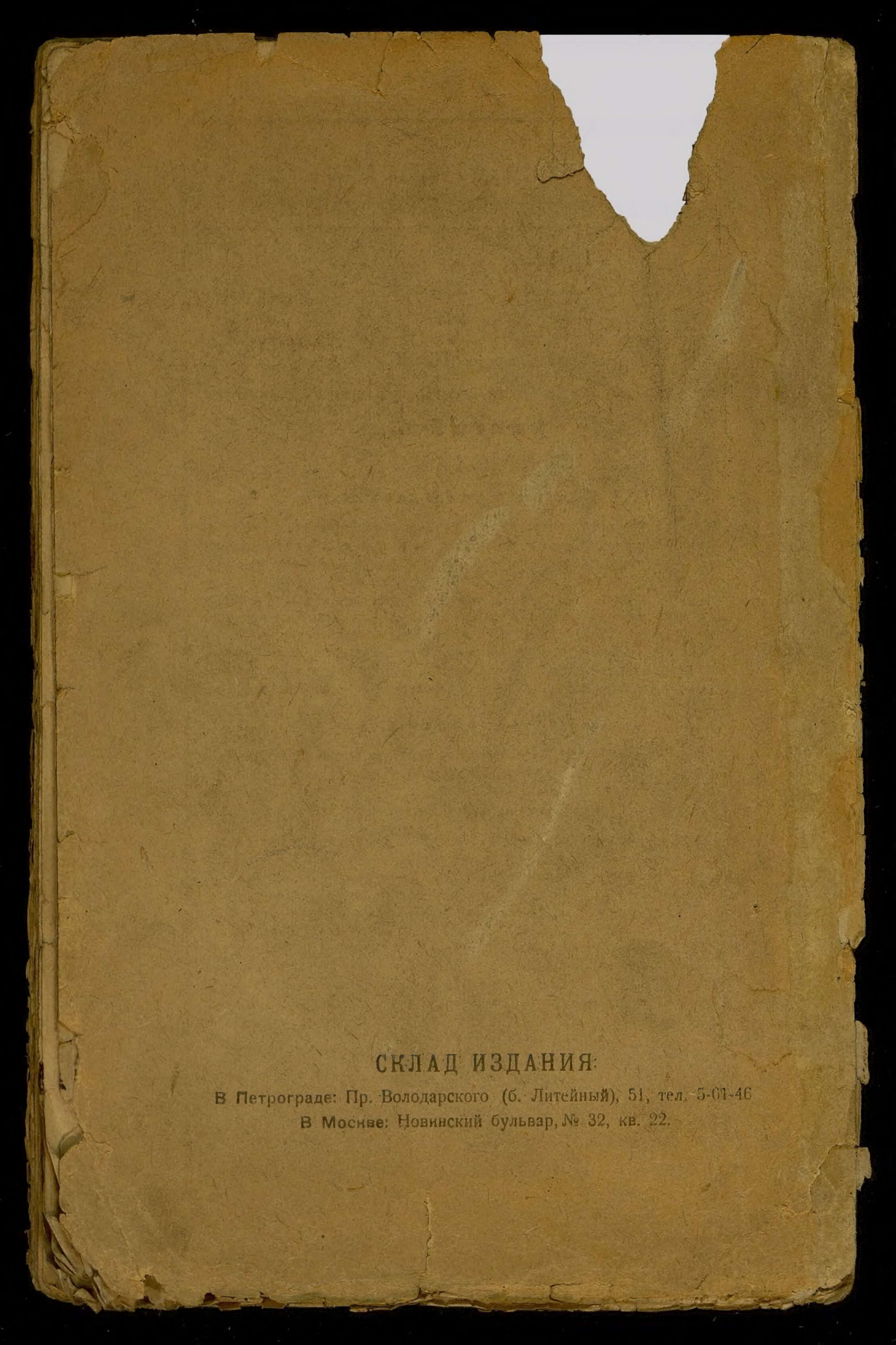
I.

СОДЕРЖАНИЕ.

Адрес Редакции: Петроград, здание Центрального Архива, вход с Площади Декабристов (против памятника Петра I), под'езд б. Сената. Прием: по понедельникам, средам и субботам от 11 час. до 1 ч.

Письма и статьи можно адресовать: Юлию Исид. Гессену (Басков пер., 35) или Александру Евгеньевичу Преснякову (Надеждинская, 11, кв. 20).

Адрес Конторы: Петроград, Просп. Володарского (б. Литейный), 51, тел. 5-61-46.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В Петрограде: Пр. Володарского (б. Литейный), 51, тел. 5-61-46

В Москве: Новинский бульвар, № 32, кв. 22.